

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ВОПРОСЫ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

4

ИЮЛЬ-АВГУСТ

"НАУКА"

МОСКВА - 2001

СОДЕРЖАНИЕ

Ю.Д. Апресян (Москва). Значение и употребление.....	3
Е.В. Падучева (Москва). К структуре семантического поля "восприятие" (на материале глаголов восприятия в русском языке).....	23
Е.В. Урысон (Москва). Союз <i>ЕСЛИ</i> и семантические примитивы.....	45
Г.Е. Крейдлин, Е.А. Чувиллина (Москва). Улыбка как жест и как слово (к проблеме внутриязыковой типологии невербальных актов).....	66
В.В. Левицкий (Черновцы). Семантический синкретизм в индоевропейском и германском.....	94
М.В. Зеликов (Санкт-Петербург). Модели с глаголом действия в языках Западной Романии.....	107
А.П. Володин (Санкт-Петербург). Мысли о палеоазиатской проблеме.....	129

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

Б.И. Осипов (Омск). <i>Б.З. Букчина, И.К. Сазонова, Л.К. Чельцова</i> . Орфографический словарь русского языка.....	142
Д.И. Эдельман (Москва). <i>H. Berger</i> . Die Burushaski-Sprache von Hunza und Nager.....	144
А.И. Домашнев <i>Dialektologie zwischen Tradition und Neuansätzen</i>	151
Василий Иванович Абаев (1900–2001).....	156
Александр Маркович Шахнарович (1944–2001).....	158

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Ю.Д. Апресян, А.В. Бондарко, В.Г. Гак, В.З. Демьянков, В.М. Живов, А.Ф. Журавлев, Е.А. Земская, Ю.Н. Караулов,
А.Е. Кибрик (зам. главного редактора), *М.М. Маковский* (отв. секретарь),
А.М. Молдован, Т.М. Николаева (зам. главного редактора),
Ю.В. Откупщиков, О.Н. Трубачев (главный редактор),
А.М. Щербак
Зав. отделами: *М.М. Маковский, Г.В. Строкова, М.М. Коробова*
Зав. редакцией *Н.В. Ганнус*

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2
Институт русского языка им. В.В. Виноградова,
редакция журнала "Вопросы языкознания"
Тел. 201-25-16

© 2001 г. Ю.Д. АПРЕСЯН

ЗНАЧЕНИЕ И УПОТРЕБЛЕНИЕ*

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Для обозначения более мелких семантических сущностей, чем значение слова, в лексикографии используются термины "употребление" и "оттенок значения", причем с употреблением связываются меньшие отклонения от основного (прототипического, словарного) значения, а с оттенком значения – несколько большие.

Термин "оттенок значения", как я попытался показать в работе [Апресян 1974: 243–248], крайне неоднороден. Он дублирует три других лингвистических понятия, природа которых принципиально различна и не поддается обобщению, а именно, понятия семантики (лексического значения), синтактики (особенностей управления и сочетаемости) и прагматики. Поскольку термин не имеет постоянного содержания и в лучшем случае избыточен, от него необходимо отказаться.

Термин "употребление" появился в лексикографии относительно недавно¹. В словарях он используется как уже данное, т.е. хорошо известное или самоочевидное понятие, не требующее какого-либо общего определения. Обычно он вводится с помощью нескольких конкретных примеров. Ср. следующие типичные пояснения из МАС'а: "Особенности употребления слова, характерные для того или иного его значения, даются за знаком | с соответствующим указанием на эту особенность; например, при глаголах за знаком | указываются случаи безличного употребления, при прилагательных... – случаи субстантивации их (если нет изменений в значении слова), при существительных – употребление с собирательным значением, случаи распространительного употребления и т.п." [МАС 1981: 8]. Примеры употреблений: *Из степи дуло теплым ветром* [безличное], *Школа для глухих* [субстантивация], *двигать вещи* [обычно множественное число, о мебели], *мраморная (торфяная) крошка* [собирательное значение от крошка / = 'мельчайшая часть, маленький кусочек какого-л. вещества']. Особыми употреблениями считаются также случаи образного и расширительного использования слова в данном значении. Так, у существительного *полоса* в значении 'промежуток времени, характеризующийся чем-л.' (*полоса скучной жизни*,

* Данная работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ (грант № 99-04-00420а) и РФФИ (гранты № 99-06-80292 и № 00-15-98866). Она представляет собою журнальный вариант текста доклада, прочитанного автором на Виноградовских чтениях в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН 18 января 2001 года.

¹ Как отдельное понятие, противопоставленное "значению" и "оттенку значения", "употребление" фигурирует в БАС'е, МАС'е и производных от них словарях, в частности, в БТС'е; см. [БАС 1948: XII; МАС 1981: 8; БТС 1998: 7], где говорится об образных, символических, распространительных, иронических и иных употреблениях слова. В [СО 1990: 16] и в [СОШ 1992: 6] "употребление" противопоставляется значению, но не "оттенку значения". В [СУ 1934] и всех предшествующих толковых словарях русского языка "употребление" как лингвистический термин во вводных материалах не фигурирует и в корпусе словаря как объект, отличный от значения, не лексикографируется. Точнее, если слово "употребление" и используется, то исключительно как эквивалент понятия стилистических или каких-то других помет, которые определяют "круг употребления слова", "разные стили или разные сферы употребления" [СУ 1934: XXV]. Аналогичным образом термин "употребление" (англ. use, usage, фр. emploi и т.п.) используется в других лексикографиях; см., например, [Longman 1990: F45; Robert 1967: XVI].

полоса сильных метелей) выделяется употребление 'о периоде какого-л. настроения, внутреннего состояния человека', с примером *На него находили порой целые полосы мизантропии* (Короленко. Мороз).

Следует обратить внимание на непоследовательность использования термина: "употребление" прилагательного считается несовместимым с каким-либо изменением его лексического значения, а для существительных смысловые приращения в разных употреблениях считаются допустимыми (ср. *вещи* = 'мебель', *крошка* = 'большая масса крошек', *полоса* = 'время существования какого-то настроения человека').

Задача данной работы состоит в том, чтобы сформулировать общее понятие употребления и продемонстрировать различия между лексемой и ее употреблением, с одной стороны, и двумя самостоятельными лексемами, с другой. Для этого мне понадобится представление о лексикографически существенных свойствах лексемы и понятие продуктивного правила.

К числу лексикографически существенных свойств лексемы относятся две группы свойств. Во-первых, это ее собственные свойства: семантика (толкование лексемы), ее прагматика (включая коннотации), синтактика (управление, специфичные для нее синтаксические конструкции и типы предложений, сочетаемостные особенности, правила взаимодействия ее значения со значениями граммем и других лексем в составе высказывания), коммуникативно-просодические особенности, морфологические формы и стилистические характеристики. Во-вторых, это ее парадигматические семантические связи – синонимы, антонимы, конверсивы, аналоги и разного рода дериваты, включая семантические и супплетивные.

Продуктивным правилом я буду называть операцию получения нового языкового объекта В из языкового объекта А, применимую всегда, когда для объекта А выполняется строго определенный и верифицируемый набор условий. А и В могут быть отдельными единицами языка, классами единиц, синтаксическими структурами и т.п. Примеры верифицируемых условий: объект А употреблен в такой-то грамматической форме, управляет такой-то предложно-именной группой, включает в свое значение такой-то семантический компонент, сочетается с такой-то лексемой или таким-то классом лексем, несет на себе главное фразовое ударение и т.п. Пример продуктивного правила: всякое существительное, обозначающее сосуд, может быть употреблено в значении 'количество вещества, способное поместиться в таком сосуде'; ср. *В бочке оставалось не меньше ведра воды, В ведро накапало не больше трех стаканов воды, Из кувшина вылилось чашки две молока* и т.п.

Продуктивность, понимаемая таким образом, противопоставлена не только непродуктивности, но и регулярности. Последняя имеет место тогда, когда объект В может быть получен из объекта А при определенной совокупности условий во многих, но не во всех случаях.

Понятие регулярности можно проиллюстрировать моделью образования безличных глаголов (*Мне поется, пишется, читается, говорится, работается, лежится, спится* и т.п. от соответствующих невозвратных глаголов, которая вызывала и до сих пор вызывает много споров. А.М. Пешковский, например, считал эту модель продуктивной. Он утверждал, что такую форму "можно образовать от каждого глагола, ...за исключением глаголов возвратных" [Пешковский 1956: 346]. Это мнение разделяли С.О. Карцевский, Л.А. Булаховский и другие авторитетные филологи, но далеко не все; хорошо известна, в частности, точка зрения В.В. Виноградова о том, что "производство безличной формы на -ся ограничено строго определенными семантическими условиями" [Виноградов 1947: 468]. Здесь не место входить в детали устройства этой необычайно сложной словообразовательной модели². Отмечу только, что в том виде,

² Проницательные соображения о ней см. в [Wierzbicka 1992: 406, 24–26] (то же в русском переводе – [Вежбицкая 1996: 47, 67–68]), [Булыгина, Шмелев 1997: 32–33, 106–107]; см. также [Золотова 2000: 109], а из более ранних работ – [Veyrenc 1978: 246].

как она описана А.М. Пешковским, она не более чем регулярна³. Ни при каких обстоятельствах невозможны не только в узусе, но и в системе производные типа * (Мне) *знается* (*считается, уважается, приглашается, участвуется, замечается, присутствуется, прилетается, негодуется*) и т.п., не говоря уж о производных глаголах с названием животного или предмета в роли подлежащего⁴.

Слово "употребление" я буду использовать в двух разных смыслах – нетерминологическом (*употребление 1*) и терминологическом (*употребление 2*). Нетерминологическое использование слова можно проиллюстрировать примерами типа *авторское (оказиональное) употребление, Употребление формы МН в таких случаях невозможно, Сколько употреблений тире вы насчитали в этом рассказе Горького?* и т.п. Терминологическое значение слова "употребление" будет сформулировано ниже в виде определения, которое опирается на идею, впервые сжато изложенную в [Апресян 1997а: XXXII].

2. УПОТРЕБЛЕНИЕ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЕ ПРИМЕРЫ

Отдельным употреблением 2 лексемы *L* я буду называть такое ее употребление 1, в котором она отличается от прототипического значения *L* по крайней мере двумя коррелирующими друг с другом собственными свойствами и которое может быть получено из прототипического значения с помощью продуктивного правила. В тех случаях, когда в число коррелирующих свойств входит семантика, можно говорить о семантическом правиле модификации словарного значения лексемы.

Лексема *ждать 1* (т.е. глагол *ждать* в своем основном значении) может быть истолкована следующим образом: 'зная или считая, что должно или может произойти некое событие, нужное субъекту или касающееся его, быть в состоянии готовности к нему и обычно находиться в том месте, где оно произойдет'. Ср. *Он ждал меня у ворот своей дачи, Знаешь, сколько я тебя здесь жду?* и т.п. Как показывает синтаксис приведенного толкования (а именно, открывающий его деепричастный оборот), указание на ментальное состояние субъекта образует пресуппозицию *ждать 1*, а указание на его готовность к какому-то событию и нахождение в каком-то месте – его ассертивную часть. Действительно, в высказывании типа *Он решил не ждать подхода основных сил* не отрицается его мнение, что основные силы подойдут; отрицается только, что он будет находиться там, где был, вплоть до подхода основных сил⁵.

В ряде случаев это прототипическое словарное толкование о с л а б л я е т с я до указания на внутреннюю готовность субъекта к определенной ситуации. Иными словами, снимается указание на место ожидания (см. [Зализняк 1992: 106–107]). Это происходит всякий раз, когда вторая валентность лексемы *ждать 1* насыщается

³ Относительно полные сводки семантических, синтаксических и иных ограничений, налагаемых на производящие глаголы внутри данного словообразовательного типа, содержатся в работе [Янко-Тривницкая 1962: 212–225] и в недавней книге [Guiraud-Weber 1984: 193 и сл.].

⁴ В материалах М. Гиро-Вебер приводятся изолированные примеры типа *Коровам мычалось, (Собаке) не воется и не скуляется, (Коню) не скачется* [Guiraud-Weber 1984: 195], но очевидно, что они допустимы в литературном языке только в случае персонификации.

⁵ Такое толкование лексемы *ждать 1*, с указанным распределением на пресуппозицию и ассерцию, было дано в работе [Апресян 1997б: 112]. В основных чертах оно совпадает с более формальным представлением семантической структуры этой лексемы, предложенным в работе [Зализняк 1992: 106]. На важность компонента 'быть в состоянии готовности (к данному событию)' указал в свое время А.К. Жолковский [Жолковский 1964: 89–90]. По-видимому, именно этому компоненту соответствует дескрипция состояния души и тела человека во время ожидания как особого "вида напряжения" в некоторых работах Б. Рассела; см. [Russell 1940: 223–224; Рассел 1957: 182]. Формулировка А.К. Жолковского представляется более точной. См. также [Timberlake 2000: 321].

придаточным предложением со значением времени или предикатным существительным в форме РОД, обозначающим событие, приуроченное к определенному моменту времени, или момент времени. Ср. *ждать, когда прозвучит рожок; ждать, пока не уберут со стола; ждать сигнала; Он всю жизнь ждал этой минуты*. Поскольку данный семантический сдвиг всегда коррелирует с определенным типом управления, можно сформулировать продуктивное правило его порождения. Объектом, на который воздействует правило, является словарное толкование лексемы *ждать* 1, условием применения правила – тип управления, а результирующим объектом – ослабленное толкование. Иными словами, перед нами типичное употребление лексемы в определенном выше смысле.

Другое интересное употребление лексемы *ждать* 1 связано не только со снятием указания на место ожидания, но и с добавлением нового семантического компонента к ее словарному толкованию. Добавляемый компонент – ‘хотеть, чтобы нечто произошло’; ср. *Многие приходили ради скандала, но широкая студенческая публика ждала нового искусства, хотела нового слова* (Р. Якобсон. Будетлянин науки); *Блок ждал этой бури и встряски. / Ее огневые штрихи / Боязнь и жаждой развязки / Легли в его жизнь и стихи* (Пастернак. Ветер). Необходимым и достаточным условием этой семантической модификации является либо главное фразовое ударение на *ждать*, как в только что приведенных примерах, либо контекст наречий степени *очень, страшно, не больно* и усилительных частиц *как, так*. Ср. *Он очень вас ждал; Не больно-то он тебя ждет; – Ах, Олеся, – – Я так ждал, так ждал каждый вечер, что ты опять пойдешь со мною* (А. Куприн. Олеся); *Она [Даша] подыала к нему лицо с зажмуренными мокрыми ресницами: "Иван Ильич, милый, как я ждала вас"* (А.Н. Толстой. Хождение по мукам).

Глаголы *бросать, кидать* и *швырять* в своем основном значении управляют формой ВИН и предложно-именными группами или наречиями со значением направления или конечной точки; ср. *бросать (кидать, швырять) мешки в яму (на землю, под навес, через забор)*. В МАС'е для глаголов *бросать* и *швырять* под тем же самым значением и без знака | (т.е. не как употребление) приводится еще один вариант двойного управления: *бросать (швырять) чем во что*. Очевидно, что он свойствен и глаголу *кидать*; ср. *бросать (кидать, швырять) снежками в прохожих*.

Никаких других комментариев к этому значению в МАС'е не дается. Однако очевидно, что перечисленные глаголы при разных типах управления обладают разной семантикой. При управлении винительным падежом реализуется прототипическое значение (толкование) глагола, причем форма ВИН совместима с любым способом выражения валентности направления или конечной точки; ср. *бросать (кидать, швырять) что во что (на что, за что, под что, через что)*. Между тем мена винительного падежа на творительный порождает отчетливо осязаемое семантическое приращение: с формой ТВОР связывается представление о мишени, в которую человек пытается попасть, что в свою очередь связано с представлением о более энергичном взмахе руки при броске. При этом форма ТВОР соподчинена только с одной из пяти предложно-именных групп со значением направления или конечной точки, а именно, с группой *во что*, поскольку только она способна обозначать мишень.

Как легко видеть, корреляция между двумя свойствами глаголов – семантическими и синтаксическими – носит абсолютный характер: всякий раз, когда глагол употреблен в конструкции *чем во что*, он приобретает по сравнению со словарным толкованием семантическое приращение ‘энергично размахнувшись’ и ‘с целью попасть в какой-то объект’. С другой стороны, если требуется выразить именно эту мысль, следует выбрать управление вида *чем во что*. На этой основе можно сформулировать продуктивное формальное правило семантической модификации, с помощью которого из прототипического словарного толкования глагола получается указанный вариант значения. Поэтому не возникает необходимости выделять у глагола самостоятельное

лексическое значение вида 'бросать с размаха какой-нибудь объект с целью попасть им в какой-то другой объект'. Перед нами типичное употребление⁶.

В рассмотренных примерах особое употребление лексемы возникает в результате корреляции семантического сдвига с особенностью управления, просодии или сочетаемости. Подчеркну, что для выделения самостоятельного употребления лексемы вовсе не обязательно, чтобы в такой парной корреляции непременно участвовали ее семантические свойства, хотя, безусловно, наиболее важный случай именно таков. Основанием для фиксации отдельного употребления может быть корреляция между любыми двумя ее свойствами (за исключением, по-видимому, чисто фонетических), например, между грамматической формой, управляющим свойством, предпочитаемым типом предложения, особенностью сочетаемости, стилистической или жанровой характеристикой, прагматикой и т.п. Важно только, чтобы корреляция была абсолютной, т.е. чтобы всякий раз, когда имеет место одно свойство из числа названных, было бы налицо и другое, и наоборот. С этой точки зрения интересны три синонима глагола *запрещать* – *воспрещать*, *возбранять* и *заказывать*. Все они сохраняются в современном русском литературном языке только в отдельных употреблениях, причем в большинстве случаев – в формах СТРАД.

Глагол *воспрещать* сохраняется в современном языке во всех формах СТРАД (СОВ и НЕСОВ, возвратных и невозвратных) либо в перформативной функции (особенно в объявлениях, на вывесках, плакатах и т.п.), либо при воспроизведении разного рода правил и инструкций. В обоих случаях адресат, имплицитный или (реже) эксплицитный, имеет родовой статус, а субъект – обычно официальный представитель власти – неопределенный статус⁷. Ср. *Проезд воспрещен*; *Ходить по газонам воспрещается*; *Снаружи, на дверях, профессор крупно мелом написал: "Вход воспрещается"* (Вс. Иванов. Возвращение Будды); *Угрюмые фермеры молчаливым жестом указывали мне на надпись "Удиль воспрещается"* (В. Набоков. Другие берега); *Я совсем забыл, что курить в московском метро категорически воспрещается* (Ф. Незнанский. Ярмарка в Сокольниках); *Курить и плевать воспрещалось, но толкать кондуктора в живот, дышать ему в ухо и придираться к нему без всякого повода, очевидно, не воспрещалось* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев). Все другие употребления *воспрещать* вытесняются из современного литературного языка в область архаизмов. Ср. устаревшие примеры *Марья Николаевна принадлежала к тем нежным матерям, которые воспрещать что-либо птенцам своим считают за какое-то святотатство* (А.Ф. Писемский. Взбаламученное море); *Нельзя же было воспретить отцу хоронить свое дитя* (Ф.М. Достоевский. Вечный муж); *Бородатые воспретили девкам петь* (Л. Леонов. Барсуки).

Глагол *возбранять* в большинстве современных толковых словарей не вполне справедливо квалифицируется как устаревший. У него сохранилось одно вполне живое употребление, в котором он имеет фиксированную грамматическую форму и требует определенного синтаксического типа предложений. Это форма СТРАД НЕСОВ, притом только возвратная, в отрицательных предложениях. Ср. *Никому не возбраняется выражать свою точку зрения, если она совпадает с точкой зрения начальства*; *Чихать никому и нигде не возбраняется* (А.П. Чехов. Смерть чиновника); *Сановито отдуваясь и стуча сапогами, он ушел, заявив на прощание, что больному не возбраняется также купаться в море и ездить на велосипеде* (И. Ильф, Е. Петров).

⁶ Отметим еще одну интересную корреляцию. В рассматриваемом употреблении глаголы *бросать*, *кидать* и *швырять* входят в гораздо более тесные синонимические отношения с глаголами *бросаться*, *кидаться* и *швыряться* (*снежками в прохожих*), чем при прототипическом управлении вида *бросать что куда*.

⁷ Многие из перечисленных свойств речевого акта "воспрещения" указаны в [Гловинская 1993: 188].

Золотой теленок), *Восторгаться природными качествами Крыма в ИПИ не возбранялось* (В Аксенов Остров Крым)

Просторечный глагол *заказывать*² сохраняется в современном литературном языке либо в отрицательно-модальных конструкциях вида *Никому не закажешь (делать что-л)* и *Никто ему не закажет (делать что л)*, либо в форме СТРАД СОВ, последним, в частности, он отличается и от *воспрещать* (любые видовые формы), и от *возбранять* (только возвратная форма НЕСОВ) Ср *Нет, мой друг, говори, что хочешь, про меня Никому не закажешь говорить* (А Островский [МАС]), – *Народ – молава, сударыня Никто ему говорить не закажет* (Мельников-Печерский [ССин]), *В нашу жизнь чужим вход заказан, Не заказано ветру свободному / Петь тоскливые песни в полях* (Н Некрасов [МАС])

Подчеркну еще раз, что во всех трех случаях лексическое значение глагола остается неизменным, т е особое употребление лексемы создается корреляцией каких-то других, несемантических свойств⁸

До сих пор я рассматривал употребления, характерные для одной или нескольких лексем Можно допустить, что именно этот случай представлен массовым лексикографическим материалом Нельзя, однако, не обратить внимание и на ту теоретически и лексикографически более интересную ситуацию, когда особое употребление характеризует не одну лексему, а определенный класс лексем При обзоре этого материала я ограничусь основным типом употреблений, связанным со сдвигом в значении лексемы Такие употребления удобно систематизировать по семантическим признакам

3. НЕКОТОРЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ УПОТРЕБЛЕНИЙ

3.1. Холистическая интерпретация.

Одним из наиболее хорошо изученных в современной семантике типов употребления глаголов является употребление, в котором они имеют так называемую холистическую" интерпретацию (см [Fraser 1971, Veyrenc 1976, de Groot 1984] и особенно [Levin 1993], с богатейшим материалом и дальнейшей обширной библиографией) Такая интерпретация характерна для двух типов глаголов со значением физического действия – глаголов со значением покрытия поверхности X предметом или веществом Y и глаголов со значением заполнения объема X предметом или веществом Y; ср *намазывать масло [X] на хлеб [Y] – намазывать хлеб [Y] маслом [X], закладывать кирпич [X] в дымоходы [Y] – закладывать дымоходы [Y] кирпичом [X], ср также брызгать воду на цветы – брызгать цветы водой, заливать горячее в бак – заливать бак горючим, засыпать пшеницу в ясли – засыпать ясли пшеницей, нагружать мешки на телегу – нагружать телегу мешками, накачивать кислород в камеру – накачивать камеру кислородом и т п На русском материале обе группы глаголов были подробно описаны в [Апресян 1974 279 и сл], и здесь достаточно будет привести одно толкование с правилом семантической модификации*

(а) *Закладывать X в Y* = 'класть предмет(ы) X или какое-то вещество X внутрь объемного предмета Y'

(б) *Закладывать Y X м* = 'класть предмет(ы) X или какое-то вещество X внутрь объемного предмета Y в таком количестве, что X занимает весь существенный для данной ситуации объем Y-а'

Все остальные входящие в данный класс глаголы толкуются, с точностью до *genus proximum* (ср 'класть' VS 'лить' VS 'сыпать' для глаголов *закладывать, заливать* и

⁸ Ср , в отличие от приведенных выше примеров, фразеу *Путь заказан (кому л куда-л)*, в которой глагол *заказывать* претерпевает семантический сдвиг в сторону 'закрывать доступ (кому л куда-л)', ср *Столичная штучка, бывший замначальника центрального отдела должен был прозябать на должности рядового участкового Выбирать не приходилось путь в Москву был ему пока заказан* (МК 16 02 2001)

засыпать), совершенно идентичным образом. При переходе от глаголов со значением заполнения объема к глаголам со значением покрытия поверхности эти толкования претерпевают два системных сдвига 'внутри объемного предмета' ⇒ 'на поверхность предмета', 'весь объем' ⇒ 'всю поверхность'. Другие элементы толкования, если не считать деталей, отражающих особенности лексического значения корня, остаются прежними.

Как видно из приведенных толкований, при переходе от (а) к (б) происходит мена диатезы (второй и третий актанта исходной модели управления меняются местами), сопровождаемая следующим кванторным семантическим приращением 'в таком количестве, что X занимает в е сь существенный для данной ситуации объем Y-а (в с о существенную для данной ситуации поверхность Y-а)'. Это приращение остается инвариантным для всех глаголов со значением заполнения объема или покрытия поверхности. Поскольку мена диатезы с неизбежностью влечет приращение кванторного смысла, есть все основания трактовать ее как особое употребление глагола.

3.2. Намеренность – ненамеренность.

У глаголов *порезать, поцарапать, поранить, уколоть* и других подобных инструментальная валентность выражается двумя различными способами: формой ТВОР и предложно-именной группой *о + ВИН*. Ср. *порезать (поранить, поцарапать) руку осколком стекла, уколоть палец иголкой* VS *порезать (поранить, поцарапать) руку о стекло, уколоть палец об иголку*. Между этими альтернативными типами управления есть следующие семантические различия: (а) в случае ТВОР инструмент подвижный, свободно манипулируемый, в случае *о + ВИН* – стационарный, (б) в случае ТВОР действие намеренное или ненамеренное, в случае *о + ВИН* – всегда ненамеренное. Ср. *Потом он уколол палец булавкой и расписался на бумажке кровью* (В Каверин *Два капитана*), *Тальберг уколол обоих братьев щетками черных подстриженных усов* (М Булгаков *Белая гвардия*); *Проводя по поверхности двери рукой, он уколол палец о дощечку, расщепленную пулей* (В Каверин *Девять десятых судьбы*). Те же эффекты имеют место и для всех остальных упомянутых здесь глаголов.

Противопоставление нестационарности – стационарности нельзя локализовать в глаголе. В нем представлены существенные части значений самих управляемых форм. Форма ТВОР в инструментальном значении всегда обозначает свободно манипулируемый инструмент. Что касается предложно-именной группы *о + ВИН*, то она в таких случаях выражает не чисто инструментальное, а синкретичное объектно-инструментальное значение и всегда обозначает стационарный объект.

Наоборот, противопоставление намеренности – ненамеренности следует локализовать именно в глаголе. Дело в том, что форма ТВОР сама по себе вполне совместима с идеей ненамеренности действия (ср. *поранить себе руку ножом*), а предложно-именная группа *о + ВИН* вполне совместима с идеей намеренности действия, ср. *вытирать руки о полотенце, точить нож о камень, почесать спину о забор*. Иными словами, мена канонической управляемой формы ТВОР на предложно-именную группу *о + ВИН* при глаголах *порезать, поцарапать, поранить, уколоть* и т.п. всегда вызывает семантический сдвиг в значении самих глаголов и порождает, следовательно, особое употребление внутри их главного лексического значения.

3.3. Достоверность – мнимость.

С этой точки зрения интересна группа лексем, в значение которых входит указание на возможность несоответствия ментального образа чего-то и действительного положения дел. Таковы, в частности, глаголы *казаться, слышаться и чудиться*. Они могут употребляться в тематической части высказывания и тогда допускают значение достоверности ментального образа, ср. *Ей показалось, что за дверью кто-то есть, и подойдя ближе, она услышала тяжелое дыхание, Он уже засыпал, когда ему послы*

шался какой-то звук в коридоре; действительно, кто-то возился с дверным замком; И дважды опять-таки почудилось финдиректору, что потянуло по полу гнилой малярной сыростью (М. Булгаков. Мастер и Маргарита) [действительно потянуло].

У всех таких слов есть и второе употребление, когда они обозначают мнимый образ, не имеющий никакого прообраза в реальном мире. Если исключить высказывания говорящего о самом себе в момент речи, т.е. с местоимением I-Л и глаголом в форме НАСТ, то значению мнимости образа способствует положение синонима в р е м е высказывания под главным фразовым ударением, особенно в сочетании с частицами *только, просто и лишь* или в контексте слов со значением возможности, вероятности, достоверности и т.п. Ср. – *Чего вы кипятитесь? Ну? Ведь ничего же нет. Это ↓кажется вам* (Домбровский. Факультет ненужных вещей); *Или мне так только ↓кажется? Может, я не разбивал, а только ↓кажется, что разбил?* (Вен. Ерофеев. Москва–Петушки); *Может быть, нам только ↓кажется, что мы существуем, а на самом деле нас нет* (Чехов. Три сестры); – *Ба-а-а-тюшки! – провyla баба на чердаке или так только ↓послышалось* (Чехов. По делам службы); *Должно быть, ↓послышалось; Возможно (может быть, вероятно, надо думать, скорее всего, действительно) ↓почудилось; – Могло ↓почудиться, ваше превосходительство, – урезонивал его малоермолаевский сельский староста* (Б. Пастернак. Доктор Живаго)⁹.

3.4. Прямое – косвенное указание величины.

Параметрические существительные типа *высота, глубина, длина, скорость, температура, ширина* и т.п. двухвалентны. Их первая валентность заполняется именем предмета или процесса, которому присущ данный параметр: *высота Джомолунгмы, глубина Мариинской впадины, скорость пули (стрельбы), температура воды (плавления)*. Вторая валентность в прототипическом случае насыщается указанием точного значения параметра: *высотой в 8 846 метров, глубиной в 11 022 метра, со скоростью два километра в секунду, при температуре в 40 градусов*.

Для некоторых существительных этого класса возможен и менее стандартный, косвенный способ выражения второй валентности – через указание другого предмета, который характеризуется данным параметром и у которого он имеет фиксированное и обычно хорошо известное значение. Ср. (а) *Мы поднимались на Джомолунгму и были уже на высоте Монблана*, (б) *Никакой материальный объект не может лететь со скоростью света*, (в) *Даже при температуре плавления вольфрама этот сплав сохраняет твердость* и т.п. В таких высказываниях *высота Монблана* обозначает не высоту самого Монблана, а высоту какого-то другого объекта, равную высоте Монблана, т.е. ≈4 800 метрам. Точно так же в высказываниях (б) и (в) речь идет не о скорости самого света или температуре плавления вольфрама, а о скорости, равной скорости света (300 000 км/сек) и температуре, равной температуре плавления вольфрама (3 380 градусов по Цельсию). Этот способ реализации второй валентности параметрического существительного создает синтаксическую и смысловую омонимию, похожую на омонимию классического субъектно-объектного типа, ср. *amor patris, поддержка президента* и т.п.

Как ясно из сказанного, когда слово *Монблан* (или другое ему подобное) запол-

⁹ Ср. несколько иное описание коммуникативно-просодических свойств глагола *казаться* в [Зализняк 1992: 142]. Необходимость выделения в особую группу высказываний с местоимением I-Л и глаголом в форме НАСТ с референцией к моменту речи вытекает из их семантической противопоставленности высказываниям с местоимениями 2-Л и 3-Л или глаголом в форме ПРОШ: *Это тебе ↓кажется* (ты ошибаешься) VS. *Мне так ↓кажется* (Я настаиваю на своем мнении). Осмысление высказываний последнего типа как утверждающих ложность представлений говорящего о действительности приводит к самофальсификации, что, по определению, невозможно.

няет вторую валентность соответствующего параметрического существительного, это сопровождается приращением смысла 'равный высоте (скорости, температуре плавления) чего-то'. Налицо корреляция синтаксического и семантического свойств, т.е. особое употребление лексемы в определенном выше смысле.

Близкий тип употреблений представлен двухвалентными категориальными существительными со значением способа и свойства: *манеры, походка, почерк, стиль; вкус, запах, форма, цвет*; и т.п. Канонический способ выражения первой валентности таких слов – существительное в форме РОД; ср. *манеры (походка) Ивана, форма (цвет) кленового листа*. Канонический способ выражения второй валентности – согласованное определение, ср. *аристократические манеры, расхлябанная походка, квадратная форма, темно-малиновый цвет*. Однако вторая валентность может выражаться и менее канонически – существительным в форме РОД со значением человека или предмета, у которых определенное свойство выражено настолько хорошо, что они могут рассматриваться как его эталон; ср. *У него были манеры аристократа, У нее было платье цвета граната*.

Иными словами, словосочетания типа *манеры аристократа, походка кавалериста, почерк первоклассника, стиль Людовика XIV, вкус горького миндаля, запах серы, форма квадрата, цвет граната* тоже омонимичны. Ср. *манеры аристократа* = (а) 'манеры этого аристократа', (б) 'манеры какого-то человека, похожие на манеры аристократа'; *цвет граната* = (а) 'цвет этого граната', (б) 'цвет какого-то предмета, похожий на цвет граната'. При этом типы омонимии у параметрических и категориальных существительных совпадают с точностью до интерпретации зависимой именной группы. У слов *высота, скорость, температура* и т.п. она интерпретируется как обозначающая меру, а у слов *манеры, почерк, вкус, цвет* и т.п. – как обозначающая качество. Очень похожи и семантические приращения, которые возникают при выражении второй валентности "омонимичным" способом: там – 'равный высоте (скорости, температуре того-то)', здесь – 'похожий на манеры (походку, вкус, цвет) того-то'.

Единственное существенное и интересное в данном контексте различие состоит в том, что при реализации второй валентности неканоническим способом в словосочетаниях типа *манеры аристократа, почерк первоклассника, запах серы, цвет граната* и т.п. подчиненное существительное, если это не имя собственное, всегда используется в родовом статусе. Между тем когда такое же существительное реализует первую валентность, оно может иметь и конкретно-референтный, и родовый статус. Тем самым у категориальных существительных особое употребление создается корреляцией не двух, а сразу трех свойств – синтаксического способа реализации второй валентности, смыслового наращения и референциального статуса.

3.5. Каузатив обслуживания.

Рассмотрим словосочетания типа *делать массаж (маникюр, прическу)*. Они употребляются в двух основных типах конструкций: агентивной конструкции вида *X делает массаж Y-у*, с бенефактивным дательным, и в каузативной конструкции *Y делает массаж у X-а*, где *Y* выступает одновременно и в активной роли каузатора ситуации 'X делает массаж Y-у', и в пассивной роли объекта воздействия, пациенса. Во второй конструкции к прототипическому значению глагола *делать (P)* добавляется каузативное значение вида ≈ 'Y делает так, что X делает ему P в порядке его обслуживания'.

Хотя для словосочетаний второго типа словари не выделяют у глагола *делать* ни употреблений, ни оттенков значения, ни самостоятельных значений, феномен "каузатива обслуживания" им в принципе известен. Так, у глаголов *печатать* и *шить* в словосочетаниях типа *печатать статью у Горького (в журнале)* и *шить платье у модного портного (в ателье)* БАС выделяет особые значения 'помещать что-л. в печати; публиковать, издавать' и 'заказывать одежду где-л., у кого-л.'. МАС усматривает в обоих случаях оттенки значения, БТС – самостоятельные значения; в СО и СОШ

речение *шить платье в ателье* дается под основным значением, но сопровождается пояснением "по заказу", а у *печатать* усматриваются два разных значения.

Ср. еще глаголы *бриться* и *стричься* в парах фраз *Отец до сих пор бреется простой бритвой – Отец всегда бреется в парикмахерской напротив, Он стрижется сам – Он стрижется в парикмахерской напротив*. Мы не случайно выбрали из массы материала именно эти два примера: они отражают разную степень сформированности "каузатива обслуживания" у разных глаголов. *Бриться*, в силу очевидных прагматических факторов, реже употребляется в функции "каузатива обслуживания", чем в агентивном значении, хотя никаких собственно языковых причин для этого предпочтения нет. *Стричься*, наоборот, в силу столь же естественных прагматических факторов употребляется почти исключительно в этой функции.

Колебания и непоследовательности в лексикографической трактовке этого материала приобретают еще больший размах. МАС толкует *бриться* как 'брить себя', без оттенков, и дает пример только на агентивное употребление: *Моряк долго брился. Стричься* тоже получает агентивное толкование 'стричь себе волосы', которое, однако, сопровождается типичным примером на "каузатив обслуживания": *стричься у парикмахера*. В БАС'е у *бриться* в значении 'брить себя' выделяется оттенок значения для примеров типа *бриться в парикмахерской*, где у *бриться* усматривается форма СТРАД (sic!); *стричься* трактуется как в МАС'е. В СО и СОШ *бриться* и *стричься* даются в словарных статьях переходных невозвратных глаголов с пометой "возвр." и без каких-либо других пояснений.

По-видимому, общее решение вопроса о "каузативе обслуживания" невозможно без тщательного обследования большого и очень разнородного материала. Однако уже сейчас можно предположить, что в примерах типа *делать массаж у кого-л.*, с которых мы начали этот короткий обзор, представлено особое каузативно-пассивное употребление глагола, формируемое корреляцией между меной модели управления и указанным выше семантическим сдвигом.

*

Итак, мы рассмотрели несколько случаев парных корреляций между различными свойствами лексем, которые порождают особые их употребления. Очевидно, что границы между значением и употреблением лексемы, с одной стороны, и двумя разными значениями слова, с другой, не могут быть во всех случаях идеально четкими. Главное свойство языка – непрерывность его семантического пространства, которая, впрочем, не исключает того, что на определенных участках в нем могут быть большие лакуны (свойство "дырчатости" семантического пространства). Возникает вопрос, есть ли у лексикографа принципиальные основания для решения вопроса о том, в каких случаях он имеет дело с употреблением слова в пределах того же значения, а в каких – с двумя (или более) разными значениями слова. Ответ, как и всегда в таких случаях, может быть только относительным: в ряде случаев вопрос решается вполне однозначно, в других случаях амбивалентность сохраняется, и тогда разумнее всего выделять особую промежуточную область смазанных употреблений.

4. ОТ УПОТРЕБЛЕНИЯ К ЛЕКСЕМЕ

Лексема во всей лексикографически существенной совокупности своих свойств почти никогда не выводится из какой-то другой лексемы данного слова с помощью продуктивного правила. В этом состоит ее главное отличие от употребления; именно оно вызывает необходимость ее самостоятельной фиксации в словаре. При этом отнюдь не исключается, что между двумя самостоятельными лексемами могут существовать мотивированные и весьма регулярные связи; ср. феномен регулярной многозначности.

В большинстве случаев самостоятельная лексема обнаруживает еще два отличия от употребления.

Во-первых, число ее собственных лексикографически существенных свойств гораздо больше. В то время как для употребления достаточно двух коррелирующих друг с другом свойств, у лексемы как объекта лексикографического описания таких коррелирующих свойств может быть до десятка. К ним относятся толкование, прагматика, управление, характерные синтаксические конструкции и типы предложений, разные виды сочетаемости, правила взаимодействия со значениями граммем и других лексем в составе высказывания, коммуникативно-просодические особенности, морфологические ограничения, стилистические особенности и т.п. Иными словами, лексикографически лексема предстает как большой пучок корреляций.

Во-вторых, каждая отдельная лексема обрастает большим числом парадигматических семантических связей, образующих ее неповторимый лексический мир, – синонимами, антонимами, конверсивами, дериватами и т.п.

Названные свойства самостоятельных лексических значений были предметом теоретического рассмотрения в других работах автора [Апресян 1999; 2000], и здесь я ограничусь двумя примерами.

4.1. Глагол *ждать*.

Выше было описано первое (основное) значение глагола *ждать* (кого-л. где-л.) и два его особых употребления в том же значении. В МАС'е внутри первого значения выделяется, кроме того, некий оттенок значения, формулируемый следующим образом: 'рассчитывать на приход, прибытие, появление и т.п. кого-чего-л. или совершение чего-л.' Примеры: *ждать писем от кого-л., ждать кого-л. к чаю; –Я жду и вас, – продолжал он, обращаясь ко мне, – жду непременно* (А.С. Пушкин. Выстрел). Второе значение *ждать* формулируется в МАС'е так: 'надеяться на что-л., предполагать что-л.' Примеры: *От церкви не могу я ждать пощады* (А.К. Толстой. Дон Жуан); *Вопросов она уж мне не задает, как будто --- не ждет услышать ничего нового* (А.П. Чехов. Скучная история); *Он ждал, что после окончания доклада командир соединения разнесет его --- за аварию* (Б. Лавренев. Подвиг).

Уже здесь возникают вопросы, на которые МАС не дает ответа: почему словосочетания *ждать писем от кого-л.* и *ждать пощады от кого-л.* отнесены к двум разным значениям? Чем, кроме синтаксиса, *ждать Ивана к чаю* отличается от *ждать, что Иван придет к чаю*?

Ниже мы постараемся показать, что "оттенок" первого значения является скорее частью второго значения и вместе с ним отличается от первого значения настолько существенно, что может быть описан только в составе лексемы *ждать 2*.

Лексема *ждать 1*, с некоторыми оговорками, может быть отнесена к классу предикатов со значением местонахождения, физического пребывания где-л. Ментальный предикат 'считать', тоже входящий в ее толкование, – всего лишь пресуппозиция *ждать 1*. Между тем лексема *ждать 2* относится к классу предикатов со значением ментального состояния, потому что у нее примитив 'считать' образует вершину ассерции: *ждать 2, что P* = 'считать, что в относительно близком будущем произойдет P'¹⁰. Как видно из этого толкования, пресуппозиция лексемы *ждать 1* почти в полном составе превращается в ассерцию лексемы *ждать 2*, у которой собственной пресуппозиции нет.

В результате оказывается, что в роли *genus proximum* ассертивных частей толкований *ждать 1* и *ждать 2* выступают такие разные смыслы, как 'находиться' и

¹⁰ Ближние к 'считать' смыслы 'рассчитывать' и 'надеяться', используемые в качестве *genus proximum* в толкованиях МАС'а, на самом деле несколько богаче, чем требуется для толкования лексемы *ждать 2*. Очевидно, что в примерах типа *Он ждал, что его разорвут на части (раскритикуют в пух и прах) (но ничего такого не случилось)* человек ни на что не рассчитывает и не надеется. Для толкования *ждать 2* нужен именно примитив 'считать'.

‘считать’. Они не могут быть получены друг из друга по каким-либо продуктивным общим правилам и поэтому сами по себе составляют важный аргумент в пользу разграничения лексических значений. Правда, он не является решающим, потому что *ждать 1* не является предикатом местонахождения в чистом виде. Как было показано выше, по крайней мере в двух случаях его значение ослабляется до указания на готовность субъекта к какому-то событию – безотносительно к тому, где субъект находится. Поэтому нужны и другие аргументы в доказательство того, что МАС’овский “оттенок значения” является самостоятельным значением, идентичным второму значению глагола *ждать*.

Эти аргументы связаны с различием собственных свойств и семантических связей гипотетических лексем *ждать 1* и *ждать 2*. Большинство, а может быть, и все специфические свойства и связи этих двух лексем мотивированы центральной семантической оппозицией, которая их характеризует, а именно, оппозицией смыслов ‘находиться’ и ‘считать’. Мы перечислим лишь некоторые из этих специфических свойств, потому что полная сводка заняла бы слишком много места.

Морфологическая семантика. Лексема *ждать 1*, как и прочие предикаты положения в пространстве (*находиться, стоять, сидеть, лежать, висеть* и т.п.), хорошо сочетается с актуально-длительным значением НЕСОВ; ср., кроме приведенного выше примера, фразы типа – *Что там за толпа? – Видимо, ждут прибытия автобусов с детьми (выхода президента)*. Эта семантическая особенность проявляет себя и за пределами собственно морфологической семантики. В частности, она мотивирует сочетаемость лексемы *ждать 1* с обстоятельствами длительности типа *долго, недолго, два часа*, и т.п., с одной стороны, и ее способность к образованию пердуративного способа действия, с другой; ср. *Долго ты меня ждал? Я прождал тебя целых два часа*.

Фразы типа *Я жду вас завтра, Он ждал меня к обеду*, реализующие лексему *ждать 2*, принципиально не могут быть осмыслены в актуально-длительном значении, потому что вершинный смысл толкования *ждать 2* – путативный предикат *считать* – неспособен к такому употреблению. По той же причине лексема *ждать 2* не сочетается с обстоятельствами длительности и не образует пердуративного способа действия; ср. неправомерность **Я долго жду вас завтра, *Он прождал меня к обеду*.

Синтаксические свойства. Как было сказано выше, вторая валентность лексемы *ждать 1* может насыщаться придаточным предложением со значением времени, вводимым союзами *когда* и *пока* не; ср. *Они ждали, когда прозвонит звонок* и тому подобные примеры. Для лексемы *ждать 2* такое управление невозможно. В свою очередь, ее вторая валентность может насыщаться инфинитивом и придаточным предложением, вводимым союзом *что*; ср. приведенные выше примеры *Он не ждал услышать ничего нового [не считал, что услышит], Он ждал, что после окончания доклада командир соединения разнесет его за аварию [считал, что разнесет]*. Эти типы управления совершенно исключены для лексемы *ждать 1*.

Лексема *ждать 1* допускает абсолютное употребление, для которого тоже характерно снятие указания на место ожидания; ср. *Есть грозный суд: он ждет; / Он не доступен звону злата* (Лермонтов. Смерть Поэта); *То ли дождь идет, то ли дева ждет. / Запрягай коней, да поедем к ней* (Бродский. Песня). Для лексемы *ждать 2* такое употребление совершенно исключено. Вершинным предикатом в ее толковании является путативный глагол *считать*, для которого вторая валентность, а именно, валентность содержания мнения, обязательна не только семантически, но и синтаксически.

Еще одно синтаксическое различие между лексемами *ждать 1* и *ждать 2* связано с их поведением в отрицательных предложениях. *Ждать 1* используется в них с относительной свободой только в формах инфинитива и причастия; ср. *По-видимому, он решил не ждать вас; Он не будет (не станет, не сможет ждать вас); Не понять не*

ждавшим им, / Что среди огня / Ожиданием своим / Ты спасла меня (Симонов. Жди меня). Что касается личных форм, то они возможны под отрицанием только в следующих трех случаях: а) при неопределенном субъекте (*Никто меня там не ждал*); б) когда отрицается не самый факт ожидания, а какое-то сопутствующее ему обстоятельство, названное в подчиненной глаголу группе (*Он никогда не ждал меня на условленном месте*); в) в полемическом контексте, когда имеет место не значение чистого отрицания, а значение опровержения (*Простите, что заставил вас ждать. – Я совсем не ждал вас, я сам только что пришел*).

Между тем для лексемы *ждать 2* как раз типично использование в личной форме в нейтральных общеотрицательных предложениях. Ср. *Я не жду вас раньше четырех, Вот уж не ждали!* и т.п.

Правила взаимодействия значений в словосочетаниях. Во фразах типа *Я ждал тебя три часа, Я ждал тебя в саду* именные группы со значением времени и места характеризуют действие с у б ъ е к т а ожидания и семантически связываются с вершинными компонентами толкования лексемы *ждать 1* ('был в состоянии готовности три часа' или 'находился в саду'), т.е. имеют обычную внешнюю сферу действия.

Во фразах типа *Я ждал тебя завтра, Я жду тебя к обеду* именные группы со значением времени, насыщающие валентность срока, имеют, как показал И.М. Богуславский, "внутреннюю сферу действия": они характеризуют действие о б ъ е к т а ожидания и семантически связываются не с вершинным компонентом толкования лексемы *ждать 2*, т.е. не с компонентом 'считать', а с "вложенным" компонентом вида '(прибытие) п р о и з о й д е т завтра (ко времени обеда)' (см. [Богуславский 1996: 103–105])¹¹.

Похожим образом можно объяснить способность лексемы *ждать 2* сочетаться с модальными наречиями типа *обязательно, непременно*; ср. приведенный выше пример из Пушкина *Я жду и вас, --- жду непременно*, где допустимо и наречие *обязательно*. Оба наречия имеют внутреннюю сферу действия, т.е. присоединяются не к вершинному предикату 'считаю', а к вложенному предикату '(нечто) произойдет'. Этот предикат проспективен и поэтому легко сочетается с проспективными модальностями *обязательно* и *непременно*.

Коммуникативно-просодические свойства. Для лексемы *ждать 1* характерны фразово безударные обстоятельства времени, входящие в тематическую часть высказывания. В высказываниях типа *Я вчера ждал вас*, произнесенных с нейтральной просодией, наречие фразово безударно, а главное фразовое ударение падает на лексему *ждать 1*, которая тем самым оказывается ремой высказывания. Тематичность обстоятельств времени в таких случаях подчеркивается тем, что они могут выноситься в начало предложения и выполнять функцию детерминантов, особенно если в предложении есть какое-либо другое обстоятельство; ср. *Вчера я ждал вас с восьми часов вечера (больше двух часов, у аптеки, на обычном месте)*.

Для высказываний с лексемой *ждать 2* характерно обратное распределение коммуникативно-просодических функций, особенно когда у *ждать 2* реализуется валентность срока; ср. *Я ждал вас завтра (через два дня)*. Здесь глагол *ждать*, как это характерно для других путативных предикатов (*считать, думать (что), полагать* и т.п.), фразово безударен и входит, следовательно, в тематическую часть высказывания, между тем как наречие фразово ударно и образует рему высказывания.

Прагматические свойства. Лексема *ждать 2* в форме 1-Л НАСТ способна к полуперформативному употреблению. Фраза типа *Я жду и вас* равносильна приглашению. Для лексемы *ждать 1* такое употребление исключено.

¹¹ Понятие внутренней сферы действия позволило И.М. Богуславскому непринужденно объяснить семантическую неаномальность внешне парадоксальных примеров, в которых глагол в форме ПРОШ сочетается с наречием "будущего времени" типа *завтра*.

Семантические связи. Ближайшим синонимом *ждать 1* является глагол *дождаться*; ср. *Я заткнул за пояс пистолет и вышел. Она дождалась меня на краю спуска* (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени). Ср. также *поджидать, выжидать* и такие фразеологические синонимы, как *считать дни, ждать не дожидаться*. Ближайшим синонимом *ждать 2* является лексема *ожидать 1*; ср. *Он не ожидал (не ждал), что получит такой яростный отпор*.

У *ждать 1* есть неточные конверсивы *томить, манежить* = 'заставлять ждать'; у *ждать 2* никаких конверсивов нет.

От *ждать 1* образовано (сложно-)производное прилагательное *долгожданный*; от *ждать 2* образовано производное прилагательное *нежданный*. Ср. также образованные от *ждать 1* производные глаголы *заждаться, обождать, подождать, переждать и прождать* – при полном отсутствии такого рода производных у *ждать 2* (о производном *прождать* см. также выше).

Итак, и по своим собственным свойствам, и по своим парадигматическим семантическим связям в словаре *ждать 1* и *ждать 2* предстают как хорошо оформленные самостоятельные лексемы.

4.2. Глагол *встречать*.

В этом разделе будет продемонстрирована возможность использования косвенных свидетельств в пользу разграничения лексических значений слова – в данном случае "намеренного" и "ненамеренного" значений глагола *встречать*. Ср. *Родителей, встречающих катер из "Артека", просят пройти на причал (встречать 1, "намеренное")* и *Вчера в Большом театре я встретил вашу жену (встречать 2, "ненамеренное")*. Эти два значения выделяются в качестве самостоятельных во всех толковых словарях русского языка. Поэтому ниже можно будет сосредоточиться не столько на необходимости их разграничения, сколько на характере привлекаемых для этого аргументов.

Семантика. *X встречает 1 Y-а в Z-е в T_i* = 'Человек X знает или считает, что человек Y должен прибыть в место Z во время T_i; X хочет войти в контакт с Y-м; X прибыл в Z в момент T₀, предшествующий T_j [пресуппозиции]; во время T_i, предшествующее T_j и следующее за T₀, X находится в Z-е с целью войти в контакт с Y-м сразу после его прибытия в Z [ассерция]'.

X встретил 1 Y-а в Z-е в T_j = 'X встречал Y-а в Z-е в T_i; в момент T_j, следующий за T_i, X установил контакт с Y-м'.

Как следует из этих толкований, значение формы НЕСОВ лексемы *встречать 1* целиком входит в значение формы СОВ в качестве пресуппозиции последней. Иными словами, у *встречать 1* форма НЕСОВ семантически проще, чем форма СОВ, и поэтому именно она должна служить входом для толкования.

У лексемы *встречать 2* дело обстоит прямо противоположным образом: семантически более простой и, следовательно, лексикографически исходной является для нее как раз форма СОВ.

X встретил 2 Y-а в Z-е = 'Человек X шел куда-л. через место Z или находился в месте Z; неожиданно для него произошло то, что он вошел в контакт с человеком Y, который был или оказался в этом месте'.

Встречать 2 – моментальный глагол, поэтому ни в актуально-длительном, ни в других процессных значениях формы НЕСОВ он не употребляется; все значения формы НЕСОВ производны от значения СОВ.

Встречать 1 семантически сближается с глаголами *встретаться 1, (с)видеться, увидеться, повидать, повидаться, навещать, посещать* и с существительным *свидание*. *Встретить 2* семантически сближается с глаголами *повстречать, повстречаться, встретиться 2, столкнуться, натолкнуться*.

Совокупность указанных различий в толкованиях, морфологической семантике и

семантических связях лексем *встречать 1* и *встречать 2* – прямое свидетельство в пользу их разграничения. Однако есть и косвенные свидетельства принципиальных различий между ними. Они связаны не с самими этими глаголами, а с производными от них существительными, т.е. лексемами *встреча 1* и *встреча 2*.

Синтаксические свойства. Объектная валентность лексемы *встреча 1* (имени действия от *встречать 1*) заполняется именной группой в форме РОД, а та же валентность лексемы *встреча 2* (имени события от *встречать 2*) – предложно-именной группой вида *с кем-л.* Ср. *Во время встречи 1 американского президента в аэропорту были предприняты беспрецедентные меры безопасности VS. Неожиданная встреча с моим бывшим начальником в аэропорту оставила у меня неприятный осадок.*

Сочетаемость Те же отглагольные существительные обнаруживают значительные различия в сочетаемости с лексико-функциональными глаголами семейства OPER-FUNC. Ср. *устроить (организовать) встречу 1, расстроить (сорвать) встречу 1, Встреча 1 состоялась.* Для *встречи 2* ни одно из этих словосочетаний невозможно; ср. нейтральное *Встреча произошла*, которое может соответствовать и *встрече 1*, и *встрече 2*.

Существительное *встреча 1*, как и исходный для нее глагол *встречать 1*, обозначая действие, легко сочетается с временным предлогом *во время* (см. пример выше). Для существительного *встреча 2*, обозначающего событие, такое сочетание невозможно.

Различия в синтаксических свойствах и сочетаемости существительных *встреча 1* и *встреча 2* бросают отсвет и на исходные глаголы *встречать 1* и *встречать 2* и укрепляют доказательную базу в пользу их разграничения.

5. ЗНАЧЕНИЕ ИЛИ УПОТРЕБЛЕНИЕ?

Этот вопрос интересно рассмотреть на материале глаголов *заставлять*, *вынуждать*, *принуждать* и уходящ. *понуждать*. Их главное, агентивное значение (с целенаправленно действующим субъектом в роли подлежащего) можно истолковать следующим образом:

X заставляет 1 (вынуждает 1, принуждает 1, понуждает 1) Y-а сделать P = 'человек X воздействует на человека Y так, чтобы Y, который не хочет делать P, не мог этого не сделать'. Ср. *Захотев такую квартиру, Валентина Игнатьевна полгода давила на Климова, заставляла его хлопотать и в конце концов выхлопотать трехкомнатную, с кухней в одиннадцать квадратных метров* (Ю. Гончаров. Инженер Климов); *Сотрудники армейской контрразведки вынуждали его сына сознаться в совершении умышленного преступления, обещая смягчить наказание* (ИТАР–ТАСС Экспресс. 1996, вып. 34); *Принуждают людей к изучению того, что они знать не желают, ничего путного дать не может* (Уппсальский корпус); *В ходе настоящей проверки он --- пытался увести от ответственности виновных, понуждал коммунистов давать ложные объяснения* (Уппсальский корпус).

У всех четырех глаголов есть близкое к агентивному причинное значение (с названием какого-то явления, события, действия, состояния в роли подлежащего), которому можно дать следующее толкование:

X заставляет 2 (вынуждает 2, принуждает 2, понуждает 2) Y-а сделать P = 'Фактор X является причиной того, что человек Y, который не хочет делать P, не может этого не сделать'¹². Ср. *Мысль об этом загадочном бессмертии заставила его похолодеть на солнце* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); *Таковы обстоя-*

¹² Детальное описание синонимии и многозначности этих глаголов в обоих выделенных значениях см. в [Апресян 2001].

тельства, вынудившие меня, не дожидаясь старости, взяться за эту книгу (А. Дмитриев. Закрытая книга); *Магистр по их следам вторгнулся в русские владения, опустошил их, но болезнь принудила его возвратиться* (С.М. Соловьев. История России с древнейших времен); *Что же понуждает писателя к его подчас мучительному, но прекрасному труду? Прежде всего зов сердца* (Паустовский. БАС)¹³.

На первый взгляд кажется, что второе значение можно трактовать как особое употребление лексем *заставлять 1*, *вынуждать 1* и т.д. Действительно, имеет место корреляция двух свойств – сочетаемостного и семантического: (а) *заставлять 1*, *вынуждать 1* и т.д. сочетаются с названием человека в функции подлежащего, а *заставлять 2*, *вынуждать 2* и т.д. – с названием фактора в той же функции; (б) семантическому компоненту ‘человек X воздействует на человека Y так, чтобы Y сделал что-то’ в толковании *заставлять 1*, *вынуждать 1* и т.д. соответствует компонент ‘фактор X является причиной того, что человек Y делает что-то’ в толковании *заставлять 2*, *вынуждать 2* и т.д.

Это впечатление обманчиво. Различия между *заставлять 1* и *заставлять 2* (а также *вынуждать 1* и *вынуждать 2* и т.д.) настолько многообразны и настолько глубоки, что все такие пары должны быть признаны двумя разными лексемами, а не прототипическим значением и особым употреблением одной и той же лексемы.

Семантика. Свойство (а), которое на первый взгляд представляется чисто сочетаемостным, при более внимательном анализе материала оказывается семантическим. Дело в том, что по крайней мере два глагола, *заставлять* и *вынуждать*, могут реализовать свое второе значение и в контексте подлежащего – названия человека. Это происходит в ситуации, когда слово X, обозначающее человека, метонимически используется для обозначения его действий, непреднамеренно вызывающих какую-то реакцию на них у другого человека. Ср. *Музыкант заставляет страдать человеческие души, а сам ничего* (Л. Петрушевская. Лестничная клетка); *Тем самым они просто вынуждали сажать и их!* (А. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ). Такие употребления, взятые вне контекста, допускают две разные интерпретации – агентивную (намеренную) и причинную (ненамеренную). Ср. двусмысленность фраз типа *Он заставил меня заниматься языками*: либо давил на меня с этой целью (*заставлять 1*), либо совершенно непреднамеренно увлек меня своим собственным примером, разговорами о пользе лингвистических знаний и т.п. (*заставлять 2*)¹⁴. В первом случае он обозначает агенса, каузатора, т.е. целесообразно действующего субъекта. Во втором случае он является метонимическим обозначением причины, а именно, того его поступка, состояния или свойства, которое вызывает описываемое действие или состояние объекта.

Иными словами, автоматического правила, порождающего первое значение глагола из второго при альтернативе ‘фактор’ ⇒ ‘человек’ в позиции подлежащего, в данном случае не существует. В отсутствие такого правила постулировать особое употребление слова, по определению, нельзя.

¹³ Мысль о том, что каузатор (агенса) и причина в роли подлежащего порождает разные лексические значения, была впервые высказана Л.Н. Иорданской в работе, оставшейся неопубликованной, на материале пар типа *Он радует меня (этим известием) – Это известие радует меня*; см. об этом [Апресян 1998: 274–275], где она была развита. Впоследствии ту же мысль развивали на более широком материале сама Л.Н. Иорданская в соавторстве с И.А. Мельчуком [Iordanskaja, Mel'čuk 2001] и Е.В. Падучева [Падучева 2001].

¹⁴ Уместно заметить, что сам по себе факт такой неоднозначности еще не является достаточным основанием для выделения двух разных лексических значений. Различия по одному и тому же признаку, в частности, признаку намеренности – ненамеренности, могут соответствовать и различию лексических значений, как в только что рассмотренном случае, и различию между значением и употреблением, как в случае *уколоть руку иголкой – уколоть руку об иголку* (см. раздел 3.2 выше), и прагматической неопределенности, как в случае *Иван упал* – то ли намеренно (например, чтобы увернуться от брошенного в него камня), то ли ненамеренно (поскользнулся и упал).

Между лексемами *заставлять 1*, *принуждать 1* и т.д., с одной стороны, и лексемами *заставлять 2*, *принуждать 2* и т.д., с другой, есть и более глубокое семантическое различие. Первые (за исключением, может быть, *вынуждать 1*) обозначают действие, особенно в ситуациях, когда в фокусе внимания оказываются физические аспекты воздействия, а именно, силовые или иные приемы принуждения. С этим, между прочим, связана способность лексем *заставлять 1*, *понуждать 1* и, в меньшей мере, *принуждать 1* употребляться в актуально-длительном значении НЕСОВ. Ср. *Посмотри, он заставляет собаку сесть; Я видел, как он криками и кнутом понуждал лошадь перейти на галоп*. Вторые обозначают событие и поэтому в актуально-длительном значении НЕСОВ употребляться не могут.

С оппозицией 'действие' – 'событие' связано еще одно семантическое различие между двумя рассматриваемыми рядами лексем. *Заставлять 1*, *вынуждать 1* и т.д., особенно в форме НЕСОВ в процессных значениях, допускают конативное употребление – обозначаемые ими действия могут оставаться неэффективными. Ср. *Следователь заставлял (вынуждал, принуждал) его дать ложные показания (но так ничего и не добился)*. Такие употребления особенно характерны для лексемы *понуждать 1*; ср. *С Игорем вместе были в плену сын тысяцкого и конюший его, оба они понуждали князя принять предложение Лавора ---; Игорь все медлил* (С.М. Соловьев. История России с древнейших времен). Для лексем *заставлять 2*, *вынуждать 2* и т.д. даже в форме НЕСОВ конативные употребления по природе вещей исключены – причина всегда эффективна, т.е. приводит к некоему неизбежному следствию. Ср. *Бездетность-то и заставляла Настену терпеть все* (В. Распутин. Живя и помни); *Реальная жизнь, в конце концов, вынуждала принимать решения, отвечающие интересам сельских жителей и государства* (Упсальский корпус); *Парадокс шпионажа заключается в том, что чем больше ты узнаешь о своем противнике, тем больше это тормозит твое собственное развитие, так что знание это принуждает тебя все время пытаться его настигнуть, дабы помешать его усилиям* (И. Бродский. Коллекционный экземпляр. Авторизованный пер. А. Сумеркина); *А потом опять возвращаюсь к столу и уже не могу разобраться и объяснить самому себе, что меня к этому понуждает* (Э. Бурмакин. Дверь).

Формы. У лексемы *вынуждать 1* есть ровно одна форма СТРАД НЕСОВ – невозвратная, между тем как у *вынуждать 2* их две – невозвратная и возвратная. Ср. *Вынуждаемый директором к отказу от сотрудничества со своим учителем, он решил вообще уйти с работы [вынуждать 1] и Вынуждаемый к отступлению потерями в людях и технике, он решил ночью оставить деревню [вынуждать 2]*, но только *Эти жесткие меры вынуждаются чрезвычайными обстоятельствами, в которых мы оказались [вынуждать 2]*, при невозможности **Премьер-министр вынуждается президентом к отставке [вынуждать 1]*. При этом ни у одного глагола нет ясных форм СОВ СТРАД КР. Формы *вынужден* и *принужден* в современном языке функционируют не как причастия, а как прилагательные, отпочковавшиеся от лексем *вынуждать 2* и *принуждать 2*. Ср. *Неужто вот так я его каждый день буду вынужден заставлять читать? – подумал он о предстоящем долгом лете* (Ф. Искандер. Авторитет); *Бедный друг, как жаль, что ты не с нами и принужден скучать в пресноте повседневщины* (Л. Андреев. Красный смех).

Конструкции. Лексемы ряда *заставлять 1*, *вынуждать 1* и т.д., обозначающие действие, легко употребляются в форме ПОВЕЛ в отрицательных предложениях; ср. *Не заставляйте меня лгать (лукавить); – Не вынуждайте меня объяснять вам очевидные вещи, – профессор снова начал раздражаться* (А. Маринина. Мужские игры); *Не мучь, не трогай, / Не понуждай и не зови: / Когда-нибудь придет он, строгий, / Кристально-ясный час любви* (А. Блок. Сиенский собор).

Лексемы ряда *заставлять 2, вынуждать 2* и т.д., обозначающие событие, в предложениях указанного типа очевидным образом невозможны.

Будучи обозначениями действий, синонимы ряда *заставлять 1, вынуждать 1* и т.д. в активном залоге управляют именной группой в форме ТВОР в значении способа воздействия на объект или того побочного действия, которое непосредственно приводит к искомому результату. Ср. *В детстве силой заставляли ходить в английскую группу* (Ю. Трифонов Предварительные итоги); *Пытался он этим рассказом вынудить еще одно согласие у своей женской любви* (А. Битов. Пушкинский дом); *Города --- обыкновенно принуждали к сдаче голодом или хитростью* (С.М. Соловьев История России с древнейших времен); *Французы --- разорением и грабежами думают к миру их понудить* (Е. Тарле. Нашествие Наполеона на Россию) Ту же роль при всех синонимах может выполнять деепричастный оборот, ср. *Направив на толпу ружья, солдаты заставили (вынудили, принудили) ее отступить, Князь понуждал своих союзников присоединиться к нему, обещая легкую победу*

Синонимы ряда *заставлять 2, вынуждать 2* и т.д., обозначающие событие, ни в той, ни в другой конструкции не употребляются.

Семантические связи. Аналогами лексем *заставлять 1, вынуждать 1* и т.д. являются следующие глаголы и классы глаголов: *навязывать, приказывать, велеть, предписывать, склонять, подталкивать, подговаривать, подстрекать, подбивать, подзуживать, подначивать, вменять в обязанность, ломать (Ломать себя не хочу), давить (Не дави на меня), оказывать давление, выкручивать руки* Лексемы *заставлять 2, вынуждать 2* и т.д. сближаются с другими глаголами и классами глаголов в качестве аналогов: *вызывать, порождать, влечь за собой, приводить (Что привело вас к этому заключению?)*

Неточным антонимом *заставлять 2, вынуждать 2* и т.д. является глагол *мешать*, ср. *Что заставило вас откликнуться на его просьбу? – Что помешало вам откликнуться на его просьбу?* У *заставлять 1, вынуждать 1* и т.д. антонимов нет

Дериватами *заставлять 1, вынуждать 1* и т.д., по крайней мере семантическими, являются слова *принуждение, прессинг, принудительный, не мытьем, так катаньем, из-под палки* Дериватами *заставлять 2, вынуждать 2* и т.д. являются слова *причина, принужденный* (ср. *принужденная улыбка, вынужденный* (ср. *вынужденное молчание*), *по необходимости, поневоле*

Итак, собственные свойства и семантические связи лексических единиц в парах *заставлять 1 – заставлять 2, вынуждать 1 – вынуждать 2* и т.д. настолько различны, что свести такую пару к одному и тому же лексическому значению, пусть с особым употреблением, не удастся.

Как легко видеть, переход от значения ‘заставлять 1’ к ‘заставлять 2’ происходит за счет семантической альтернации вида ‘человек’ ⇒ ‘неодушевленный объект’ в сфере первой валентности рассматриваемых предикатов Указание на волю агенса добиться нужного изменения в мире снимается, каузатор превращается в причину.

Помимо первой валентности, аналогичная альтернация с похожими, но не идентичными эффектами возможна и в сфере второй валентности, т.е. валентности объекта воздействия, во всяком случае для лексем *заставлять 1, заставлять 2* и *вынуждать 2*.

Все три лексемы сочетаются не только с названием человека в роли объекта, но и с названием неодушевленного предмета – механизма или его части, растения, какой-то физической субстанции и т.п. Поскольку предметы суверенной волей не наделяются, в таких употреблениях снимается идея насилия над волей объекта. Иными словами, мена сочетаемости коррелирует с семантическим сдвигом – прототипическое значение лексемы ослабляется за счет устранения компонента ‘У, который не хочет делать Р’.

Примеры на *заставлять 1* В доме он водил Таньку по комнатам, заставляя для нее играть часы (И. Бунин. Танька), В своих догадках он все время топтался вокруг колеса, --- и продолжал искать новые и новые способы – как заставить колесо постоянно вертеться (В. Шукшин. Упорный); Садовник умелой обрезкой [яблони] может заставить ее пробудиться, и тогда на гладком месте вдруг выстреливает новый побег (В. Дудинцев. Белые одежды). Важная особенность таких употреблений состоит в том, что в них *заставлять 1* обозначает только э ф ф е к т и в н о е воздействие на объект

Примеры на *заставлять 2*, *вынуждать 2* Тяжесть висящей на цепочке гири заставляет часы работать (В. Пелевин Омон Ра); Электрическое поле [магнитной волны] периодически меняется – осциллирует – и вынуждает колебаться с такой же частотой электронное облако, окружающее атом (Уппсальский корпус) В таких случаях значение *заставлять 2* и *вынуждать 2* ослабляется до чисто причинного¹⁵.

Внешне все выглядит почти так же, как при альтернации по первой валентности Однако никаких других различий, помимо только что названных, альтернация ‘человек’ ⇒ ‘неодушевленный объект’ в сфере второй валентности не вызывает. В результате порождается не новое значение, а ослабленное употребление той же самой лексемы.

Как показывает анализ, одни и те же или очень похожие механизмы, работая на разных участках валентной структуры лексемы, приводят к разным эффектам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю Д 1974 – Лексическая семантика Синонимические средства языка М, 1974
 Апресян Ю Д 1997а – Лингвистическая терминология словаря // НОСС, Первый выпуск М, 1997
 Апресян Ю Д 1997б – Словарная статья *ждать 1.1*, *дождаться*, *ожидать 2*, *подждать* и т. п. // НОСС, Первый выпуск М, 1997
 Апресян Ю Д 1998 – Каузативы или конверсивы? // Типология, грамматика, семантика СПб, 1998
 Апресян Ю Д 1999 – Принципы системной лексикографии и толковый словарь // Поэтика История литературы Лингвистика Сборник к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова М, 1999
 Апресян Ю Д 2000 – Многозначность и синонимия слова *любить* // *Etnolingwistika. Problemy języka i kultury* 12 Lublin, 2000
 Апресян Ю Д 2001 – Глагол *заставлять* семантический класс, синонимия, многозначность (в печати).
 БАС 1948 – Словарь современного русского литературного языка Том первый М, Л, 1948
 Богуславский И М 1996 – Сфера действия лексических единиц М, 1996
 БТС 1998 – Большой толковый словарь русского языка СПб, 1998
 Булыгина Т В, Шмелев А Д 1997 – Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) М, 1997
 Вежибицкая Анна 1996 – Язык, культура, познание. М., 1996
 Виноградов В В 1947 – Русский язык Грамматическое учение о слове М, Л, 1947
 Гловинская М Я 1993 – Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании Коммуникативно-прагматический аспект М, 1993
 Жолковский А К 1964 – Лексика целесообразной деятельности // Машинный перевод и прикладная лингвистика Вып 8 М, 1964
 Зализняк Анна А 1992 – Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния Munchen, 1992

¹⁵ Как видим, механизмы ослабления значений внутри лексемы *заставлять 1*, с одной стороны, и лексем *заставлять 2*, *вынуждать 2*, с другой, обнаруживают интересный и не лишенный стройности параллелизм

- Золотова Г А* 2000 – Понятие личности/безличности и его интерпретации // *RLing* 2000 № 24
- МАС* 1981 – Словарь русского языка в четырех томах Изданное второе, исправленное и дополненное Т I М, 1981
- НОСС* 1997 – Ю Д Апресян, О Ю Богуславская, И Б Левонтина, Е В Урысон, М Я Гловинская, Т В Крылова Новый объяснительный словарь синонимов русского языка Первый выпуск / Под общим руководством академика Ю Д Апресяна М, 1997
- Падучева Е В* 2001 – Русский декаузатив и его формальные модели (в печати)
- Пешковский А М* 1956 – Русский синтаксис в научном освещении Издание седьмое М, 1956
- Рассел Б* 1957 – Человеческое познание М, 1957
- СО* 1990 – С И Ожегов Словарь русского языка 22-е издание, стереотипное М, 1990
- СОШ* 1992 – С И Ожегов, Н Ю Шведова Толковый словарь русского языка М, 1992
- СУ* 1934 – Толковый словарь русского языка / Под ред проф Д Н Ушакова Т I М, 1934
- Янко Тривицкая Н А* 1962 – Возвратные глаголы в современном русском языке М, 1962
- Fraser B* 1971 – A note on the spray paint cases // *Linguistic Inquiry* 1971 № 2
- Groot C de* 1984 – Totally affected Aspect and three-place predicates // C de Groot and H Tommola, eds Aspect bound Dordrecht, 1984
- Guiraud Weber M* 1984 – Les propositions sans nominatifs en russe moderne Paris, 1984
- Iordanskaja L N Mel čuk I A* 2001 – Conversif ou causatif? (в печати)
- Levin Beth* 1993 – English verb classes and alternations A preliminary investigation Chicago, London, 1993
- Longman* 1990 – Longman dictionary of contemporary English Harlow, 1990
- Robert* 1967 – Le petit Robert Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française Paris, 1967
- Russell B* 1940 – An inquiry into meaning and truth New York, 1940
- Timberlake A* 2000 – On first looking into Апресян's lexicon // Слово в тексте и в словаре Сборник статей к семидесятилетию академика Ю Д Апресяна М, 2000
- Veyrenc I* 1976 – Sur la double diathese d objet des énoncés translocatifs // *BSLP* 1976 № 72
- Veyrenc I* 1978 – Constructions régressives avec datif // *RÉSI* 1978 1–2
- Wierzbicka Anna* 1992 – Semantics, culture and cognition Universal human concepts in culture-specific configurations New York, Oxford, 1992

© 2001 г. Е.В. ПАДУЧЕВА

К СТРУКТУРЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ "ВОСПРИЯТИЕ"

(на материале глаголов восприятия в русском языке)

1. О СИСТЕМНОМ ПОДХОДЕ К СЕМАНТИКЕ ЛЕКСИКИ

Понятие семантического поля было в свое время введено в лингвистический обиход в связи с задачей системной организации лексики (иначе – описания лексики как системы), возникающей из общих предпосылок структурного подхода к языку

На первый взгляд кажется, что лексической системы для языка в целом просто не существует. И в самом деле, лексическая система несопоставима с фонетической и грамматической системами языка в количественном плане: фонетическая и грамматическая системы функционируют на десятках, максимум – сотнях единиц, между тем лексическая система строится на гигантском массиве, состоящем из десятков и сотен тысяч единиц, к тому же слабо защищенных от социальных и прочих воздействий и потому подверженных резким и на первый взгляд несистемным изменениям.

Надежда на возможность изучения лексики как системы становится реальностью в компьютерную эпоху (как стал разрешимым, например, целый ряд математических задач, требующих нечеловеческого перебора разных возможностей). Технология баз данных дает возможность выявить и эффективно использовать параметры, по которым многожды противопоставлены друг другу слова языка – равно как и разные значения одного и того же слова. И это несмотря на то, что и сами параметры и их значения исчисляются сотнями, что существенным всегда может оказаться не один параметр, а та или иная их комбинация, что релевантные параметры разные у разных классов, и т.д.

Ни одно слово не равно другому – ни по смыслу, ни по сочетаемости или каким-либо другим признакам. Однако, можно думать, эти индивидуальные различия складываются из параметров и значений параметров, повторяющихся, одни в десятках тысяч, другие в десятках слов. Неповторяющиеся компоненты смысла с большим трудом поддаются идентификации носителями языка и в некоторых (хотя, конечно, не во всех) отношениях пренебрежимы, здесь законна аналогия с дифференциальным признаком в фонологии.

В данной работе делается попытка обобщить семантический опыт, накопленный в ходе работы с компьютерной базой данных системы 'Лексикограф' [Кустова, Падучева 1994], которая ставит, на относительно небольших моделях, задачу системного описания семантики глаголов в русском языке. Этот опыт можно представить в виде нескольких принципов подхода к семантике лексики, воплощенных и воплощаемых в базе данных по глаголам¹

¹ Концепция 'Лексикографа' опирается прежде всего на фундаментальные труды [Мельчук 1974, Апресян 1974], обосновавшие переход от толкования слова самого по себе к толкованию сентенциальной формы с переменными по актантам и породившие целое направление в русской и мировой лексикологии и лексикографии. Другой источник, оказавший влияние на наши семантические решения, – Анна Вежбицкая [Wierzbicka 1980, 1987]

Принцип 1. Слово можно сопоставить своего рода "структурную формулу", которая позволит объяснить, т.е. в некотором смысле предсказать, те или иные аспекты его непосредственно наблюдаемого поведения; для глагола это будут, например:

– сочетаемость с подчиненными и подчиняющими словами, с отрицанием, модальными показателями, частицами и проч.; почему, например, возможно (1а), но не (1б):

(1) а. Откуда-то *издалека* звучит колокол;

б. *Что-то *издали* мелькает, словно волк бежит (Словарь Даля);

почему невозможно отрицание при глаголе *оказаться* в (2):

(2) Оказалось, что он женат;

– наличие у глагола тех или иных морфологических форм и их значение; например, наличие формы императива, ср. *заметь* и **увидь*; наличие видовой пары и полнота парадигмы частных видовых значений;

– просодия; почему, например, в предложении с глаголом *решить* место главного фразового ударения можно варьировать, а *предпочсть* всегда безударно:

(4) решил, что *делать*\; решил *уехать*\;

(5) предпочел\ *уехать*\.

Один из аспектов наблюдаемого поведения слова – регулярная многозначность того или иного типа. Так, многозначность 'находиться' – 'существовать' (особенно в варианте 'начать находиться' – 'начать существовать', о многозначности этого типа см. [Lyons 1972/1978: 413; Kimball 1973; Levin, Rappaport Novav 1995: 120]) объединяет глагол *появиться* с *быть*. В примерах (6а), (7а) глагол означает 'начать находиться', а в (6б), (7б) – 'начать существовать':

(6) а. Через минуту кофе *будет* здесь = 'начнет находиться' (пример из [Lyons 1972/1978: 413]);

б. Кофе *будет* через минуту = 'начнет существовать';

(7) а. *Появился* Петя;

б. Теперь *появился* новый лекарственный препарат.

Эта многозначность отличает *появиться* от *показаться*: слово *показаться* этого типа многозначности лишено – оно может означать, во многих контекстах, 'начать находиться, переместившись', как в примере

(9) И вот как раз в то время, когда (...) в аллее *показался* первый человек. (Булгаков. Мастер и Маргарита),

но не 'начать существовать'; в контексте, где речь идет скорее о возникновении, как в (10), *показалось* неуместно; надо было бы сказать *появилось*:

(10) В глазах портнихи *показалось* недоверчивое удивление. (Пастернак. Доктор Живаго)

В каком-то смысле, все семантические дериваты слова заложены в его исходном значении. Так что деривационный потенциал – это характеристика слова, которая, в принципе, тоже составляет один из аспектов его языкового поведения.

Принцип 2. Большую часть сочетаемостных ограничений и других аспектов языкового поведения слова можно предсказать и объяснить, оперируя такими семантическими компонентами и параметрами значения, которые являются общими у данного слова со многими другими.

Семантическая формула слова (лексемы) в системе "Лексикограф" включает, в качестве одной из своих частей, толкование (экспликацию) значения. Толкование выявляет в значении слова набор компонентов пропозициональной структуры, таких как "движение", "каузация", "знание", "восприятие" и под. Компоненты в составе толкования определенным образом структурированы. Например, в семантику глаголов *оглянуться* и *застичь* входят компоненты "восприятие" и "движение", но в разных структурных позициях.

Кроме того, формула фиксирует в значении слова ряд параметров, общих для всех слов (того или иного типа). Параметрами глагольного значения являются

таксономическая категория, диатеза, тематический класс, см. раздел 2; о параметре Статус для структурно однородных компонентов см. в разделе 4.

Принцип 3. Слова, как правило, многозначны. Но разные значения связаны между собой, причем эти связи обычно повторяются. Иными словами, многозначность слова, как правило, в той или иной степени регулярна. Многозначность в данном слове можно считать регулярной, как только аналогичная связь между значениями обнаружится в другом [Апресян 1974: 189].

Регулярная многозначность может быть представлена как переход от одного значения к другому, т.е. как изменение значения. Это позволяет объединить значения слова в дерево.

Чаще всего из двух значений многозначного слова одно естественно представляется как исходное, а другое – как производное: так же, как *домик* производно от *дом*, значение *подскокить* в контексте *цены подскочили* производно от значения этого слова в контексте *Петя подскокил*.

Бывает регулярная многозначность с неясным направлением перехода. Например, что исходно в примере (11): (11а) или (11б)?

(11) а. *Студенты грохочут кружками*; б. *Грохочут кружки*.

Такая же неясность при формально выраженном соотношении:

(12) *растворить* – *раствориться*, *увеличить* – *увеличиться*, *начать* – *начаться*.

Выяснение направления производности способствует выяснению семантической сути соотношения. Если направление производности определено, регулярная многозначность может быть представлена в виде модели семантической деривации, которая переводит одно значение в другое.

В принципе, любое изменение значения (т.е. любое соотношение между значениями) можно описать с помощью набора операций, таких как:

- 1) удаление компонента/компонентов,
- 2) добавление компонента/компонентов;
- 3) изменение значения параметра.

Пример семантической деривации – деагентивация, т.е. изменение таксономического класса Субъекта [Падучева 2001]; в (13а) целеполагающий Субъект – Агенс; Субъект в (13б) – неагентивный Каузатор:

(13) а. *Иван разбудил меня истошным криком*; б. *Меня разбудил истошный крик*.

Деагентивация сопровождается рядом характерных следствий, касающихся языкового поведения лексемы. Например, при событийном Субъекте из числа потенциальных участников ситуации исключается Инструментальное действие, пример (13б); исключается возможность употребления несов. вида в актуально-длительном значении [Апресян 1980: 64]; невозможны наречия – такие как *нечаянно*, *нарочно*, а также *грубо*, *осторожно*; невозможен Бенефактив (*разбудил кому*) и проч.

Участие компонента в семантических переходах формирует его семантическую реальность, его identity, в большей степени, чем просто различие или сходство смысла слов.

Принцип 4. Тот компонент смысла, который различает значения слова, может различать и разные слова. Так, в (14а, б) различие в категории связывает значения одного слова, а в (15) – разные слова:

(14) а. *Жеребец косил глазом на егеря* (*косить* – Деятельность);

б. *Дуня косит на правый глаз* (*косить* – Свойство);

(15) а. *продавать* – Деятельность, б. *торговать* – Занятие.

Это не удивительно: в семантическом плане семантическая и формально выраженная деривация не различаются [Апресян 1974: 176]. Так, в русском языке *глядеть* и *выглядеть*, *нюхать* и *пахнуть* – разные слова, а в английском – это два значения слов *look*, *smell*.

2. ОБЩИЕ ПАРАМЕТРЫ ГЛАГОЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ

2.1. Таксономическая (или онтологическая) категория² глагола складывается из двух составляющих – это аспектуальный класс по Вендлеру и агентивность, т.е. контролируемость, намеренность. Примеры глагольных категорий: – действие (*вычислить*), деятельность (*гулять, прыгать*) – агентивные категории; – процесс (*кипеть*), состояние (*голодать*), происшествие (*уронить*), тенденция (*задышаться*), свойство–соотношение (*совпадать*) и под. – неагентивные категории.

Из таксономической категории глагола вытекает масса полезных следствий в аспектуальном плане – категория предопределяет наличие видового коррелята и полноту/неполноту функциональной парадигмы видовых значений:

(1) а. *огласить–оглашать* [действие]; б. *гласить* [соотношение; нет парного СВ].

2.2. Диатеза [Мельчук, Холодович 1970] – это набор участников обозначаемой глаголом ситуации с их семантическими ролями (такими как Агенс, Пациенс, Эксперимент, Перцепт) и коммуникативными рангами: Субъект и Объект имеют наивысший ранг – Центр; обстоятельства имеют ранг Периферия; участники, которым не соответствует никакой синтаксической позиции при глаголе, имеют низший ранг – За кадром (о рангах участников см. [Падучева 1998]).

Ранг За кадром представлен в примерах:

(2) а. вытер *пот* со лба; б. вытер *лоб* (закадровый участник – Лишнее);

(3) а. повар режет мясо; б. нож режет плохо (закадровый участник – Агенс).

Диатеза может различать значения одного слова; так, в (4а) прямая диатеза, а в (4б) – косвенная (см. [Падучева 1999]) –

(4) а. решил уехать\; б. решил\, что делать;

а может различать слова между собой; так, *предпочесть* отличается от *решишь* тем, что у него единственная возможная диатеза – прямая:

(5) предпочел\ уехать\.

Слова, различающиеся только диатезой, как *бояться* и *пугать*, названы в [Апресян 1974] конверсивами:

(6) а. *бояться* {Эксперимент–Субъект, Содержание–Объект};

б. *пугать* {Каузатор–Субъект, Эксперимент–Объект}.

У некоторых глаголов есть и *н к о р п о р и р о в а н н ы й* участник, фиксированный с точностью до лексемы и синтаксически невыразимый (например, глаза у *видеть*; губы у *целовать* и под.); при определенных условиях он может "экскорпорироваться": *вижу одним глазом*. Слово *глаза* фигурирует в огромном числе описаний ситуации видения: *вперить, пялить, (вы)пучить, (вы)лупить, (вы)таращить глаза; смотреть во все глаза; не спускать, не сводить глаз, не мочь глаз оторвать; пожирать глазами, высмотреть все глаза, глядя, окинуть/смерить глазами*.

Диатеза – это параметр: в каждом употреблении глагол имеет какую-то диатезу. Диатетический сдвиг переводит одну диатезу в другую; например, диатетическим сдвигом описывается переход *грохотать* примера (11а) из раздела 1 в (11б); переход от *растворить* к *раствориться* в (12). Диатетическим сдвигом является переход участника Эксперимента в позицию За кадром (т.е. "в Наблюдатели", см. о наблюдателе [Апресян 1986]).

Принято различать три типа употреблений глаголов восприятия [Rogers 1971; Leech 1975; Апресян 1995: 357]: I. состояния (например, *видеть*), II. деятельности (например,

² В [Мельчук 1974] и [Апресян 1974] таксономии не отводилось сколько-нибудь существенного места. Внимание к таксономии было привлечено в [Wierzbicka 1980; Dowty 1979], где была намечена связь между таксономической характеристикой глагола и его форматом толкования. Таксономический бум произвела, конечно, книга [Lakoff, Johnson 1980], обратившая внимание лингвистов на тот (впрочем известный, но) забытый факт, что категории играют важную роль в метафорических, а также и метонимических переносах, на которых стоит вся динамика лексической семантики.

смотреть) и III. пассивные состояния (например, *выглядеть*). Тип II отличается от I категорией, а тип III – диатезой (англ. *sound, look* в примерах типа (6) удачно названы в [Rogers 1971] ‘flip verbs’ – “глаголы-перевертыши”) – это диатеза с Экспериентом за кадром:

(6) *That sounds like Martha's voice; You look tired.*

Экспериент у *звучать* в современном русском языке – Наблюдатель за кадром; хотя у Пушкина глагол *звучать* мог иметь кадрового Экспериента в Дативе:

Звучал мне долго голос нежный...

Противопоставлены по диатезе глаголы *казаться* и *выглядеть*. Глагол *казаться* имеет нормальную диатезу с Экспериентом в Дативе; нуль интерпретируется как генерализация или дейксис, по общим правилам:

(7) а. *Мне казалось, что он по-прежнему молод;*

б. В вечернем свете он \emptyset казался молодым.

Экспериент у *выглядеть* – Наблюдатель: он не может быть выражен синтаксическим подчиненным глагола, а всегда занимает позицию За кадром (оборот *выглядеть в чьих-то глазах* возможен только в производных употреблениях, когда *выглядеть* не имеет значения зрительного восприятия).

Поэтому у *казаться* субъект и объект восприятия могут совпадать, отсюда возвратное местоимение: *я казался себе молодым* [Апресян 2000]. А у *выглядеть* не могут: *я выглядел молодым* – только ‘в чьих-то глазах, не своих собственных’; это передача чьего-то впечатления обо мне, а не мое собственное восприятие самого себя, так что *я* обозначает только объект восприятия; если человек говорит *Я выгляжу молодым*, глядя на себя в зеркало, *я* обозначает: а) говорящего; б) отражение говорящего в зеркале, т.е. тоже объект восприятия. При отсутствии зеркала объект восприятия в 1-м лице у *выглядеть* более естествен при наличии “загородки” (hedge), такой как *наверное*:

(8) *Наверное, я выглядел смешным.*

У Наблюдателя, как и у любого другого участника, в семантической формуле может быть фиксирован референциальный статус; он родовой у *выглядеть, смотреться, просматриваться* и конкретно-референтный у *показаться*.

Наблюдателю соответствует в семантической формуле компонент, в составе которого он попал За кадр – такой же, как у кадровых участников; это может быть “восприятие: зрительное” – у *показаться*, “присутствие в Точке прибытия” – у *пооявиться*; “перемещение” – у *повернуть* в *дорога повернула направо* (пример из [Апресян 1986]).

В этой связи показателен следующий пример. В семантике глагола *обнаружиться* присутствует Наблюдатель – в том же смысле, что у *показаться*. Однако Наблюдатель у *обнаружиться* “менее дейктичен”, чем у *показаться*. Почему? Дело в том, что у *показаться* перфектное состояние чисто перцептивное; это временное состояние, которое быстро становится неактуальным [Падучева 1998]. Между тем в семантике глагола *обнаружиться* видение превращается в знание, которое, в отличие от видения, является устойчивым состоянием. Кроме того, знание легко передается от человека к человеку, становясь достоянием сообщества. Именно поэтому у *обнаружиться* Наблюдатель обычно ощущается как родовой.

2.3. Тематический класс – это формальный аналог семантического поля; примеры тематических классов:

бытийные глаголы; глаголы обладания; физического действия, движения, речи; передачи сообщения (“семиотические” в широком смысле, как *постучать* (в дверь)), восприятия, чувства, волеизъявления (*выбрать, назначить, решить*), глаголы звука; ментальные глаголы – глаголы знания и мнения (*вспомнить, выяснить, догадаться, забыть, напомнить, помнить, объяснить, понять, решить* (задачу), *узнать, осознать*).

Тематический класс объединяет слова с нетривиальным [Апресян 1974: 185] общим компонентом в толковании. Например, у всех глаголов восприятия есть "перцептивный" компонент 'У видит X'.

Тематический класс часто имеет характерные проявления в синтаксисе. Так, у глагола передачи сообщения имеется синтаксически выраженный Адресат (*сказал о т ц у*); у глагола создания – Результат (*связал с в и т е р*); у глагола движения обычно есть участник, характеризующий Конечный пункт (*иду в г о р о д*). Глагол *выглядеть* принадлежит к тому же тематическому классу, что *видеть*, и наследует от *видеть* участника Место Эксперимента:

(9) а. вижу с в е р х у;

б. Представляю, как смешно это выглядело с н и з у. (Войнович)

Тематический класс глаголов восприятия характеризуется наличием особой диатезы – с Наблюдателем За кадром.

Глаголы *выглядеть* и *казаться* различаются по параметру тип восприятия: *выглядеть*, в исходном значении, предполагает зрительное восприятие (человек, который идет выступать на радиостанции Свобода, не думает "Как я буду выглядеть в этом костюме?"); а глагол *казаться* типа восприятия не лексикализует: тип восприятия целиком предопределен семантикой участника-Перцепта, ср. *мне кажется, здесь пахнет бензином; кажется, дверь хлопнула*.

Одно слово может принадлежать, в разных своих значениях, к двум и более разным тематическим классам; например, *стучать* принадлежит к классу глаголов звука и семиотических; *оказалось, что* – чисто ментальный глагол, а у *оказаться на улице* есть компонент "перемещение". Так что тематический класс – это, в принципе, тоже параметр, который может принимать разные значения на одном и том же слове.

Тематические компоненты в значении слова противопоставлены с т р о е в ы м, которые могут меняться, не изменяя принадлежности слова к тематическому классу или подклассу. Строевыми являются: каузация, отрицание, начинательность, модальность и др. К строевым относится компонент "знание", см. о компоненте "знание" [Апресян, в печати]. На роль строевого претендует компонент "ожидание", который входит в семантику большого числа самых разных слов:

спассти, предотвратить ⊃ 'ожидалось, что белье плохое';

Это белье не белое (пример Рассела) ⊃ 'ожидалось, что белье белое';

продолжил ⊃ 'ожидалось, что прекратит';

очутился, оказался ⊃ 'не ожидал этого';

уже P ⊃ 'ожидалось, что будет P'; поэтому НЕВЕРНО (*уже P*) = *еще не P*.

хотя P, Q = 'P'; поэтому ожидалось, что не Q; Q'.

Один и тот же компонент может быть в одном слове строевой, а в другом – тематический. Так, компонент 'каузировать', один из главных строевых, является тематическим в классе глаголов общей каузации (таких как *вызвать, привести к*); компонент 'наступить' является строевым для большого класса глаголов СВ, таких как *увидеть, понять*, но тематическим в классе фазовых глаголов (*начаться, прекратиться* и под.).

3. ПРИМЕРЫ СЕМАНТИЧЕСКИХ ДЕРИВАЦИЙ

Модели деривации (при которых параметры меняют значение и одни компоненты переходят в другие) подтверждают наличие в формуле тех или иных параметров и компонентов. Для компонента в семантике слова верно то же, что для дифференциального признака в звуковом содержании фонемы: наличие фонетического перехода, при котором один признак переходит в другой; позиции нейтрализации, при которой признак перестает быть существенным; синтагматической зависимости между признаками, и т.д.; все это подтверждает наличие противопоставления и доказывает реальность каждого из признаков в большей степени, чем просто противопоставление, вроде

известного *pig-fig*, с которого начинается книга Р. Якобсона "Fundamentals of language".

Приведем два примера компонентов, "задействованных" в семантических деривациях.

Пример 1. Компонент "знание". В знаменитой статье Вендлера "Telling the facts" [Vendler 1980] было показано, что глагол *сказать* в контексте косвенного вопроса меняет значение. Наблюдение Вендлера можно изложить так: глагол *сказать*, у которого в контексте пропозиционального аргумента (*сказал, что P*) нет импликации истинности, т.е. компонента 'я знаю', приобретает ее в контексте косвенного вопроса:

(1) а. Он *сказал, что* живет в Сан-Франциско. (А на самом деле он живет в Окленде);

б. Он *сказал мне, где* он живет = 'сделал так, чтобы я ЗНАЛ' = 'сообщил'.

Фраза (1б), в отличие от (1а) не может иметь продолжение "А на самом деле он живет не там", см. об этом подробнее в [Падучева 1998а].

Пример 2. Регулярная многозначность, связывающая друг с другом компоненты 'быть видимым' и 'существовать' [Faber, Pérez 1997; Levin, Rappaport Hovav 1995: 120], обнаружила себя в семантике глаголов *появиться, возникнуть, исчезнуть, найтись, пропасть*, ср. [Кустова 1999]. Регулярность этой многозначности существенна для понимания семантики конструкции с родительным падежом субъекта [Падучева 1997]. А именно, оказалось, что генитивная конструкция безразлична к противопоставлению 'быть видимым' – 'существовать'; иначе говоря, это противопоставление иногда нейтрализуется: отсутствие в поле зрения может приравниваться к несуществованию. Это объясняет род. падеж в контексте примера (2), не отрицающем существование Вани:

(2) Вани дома не было [= 'Наблюдатель там его не видел'].

Переход 'быть видимым' → 'существовать' происходит и у ряда других слов, имеющих первичное значение 'быть видимым', например, у глаголов *обнаружить, проявить*:

(3) не *обнаружил* признаков жизни = 'не имел';

проявил любезность = оказал любезность = 'был любезным';

проявил мужество = 'был мужественным';

(4) сумел *проявить* себя = 'сумел сделать так, что его достоинства появились на свет, начали существовать', а не просто 'стали видимыми'.

Глагол *выглядеть*, согласно [Апресян 2000], может иметь значение 'быть':

(5) а. Через миллиард лет Вселенная будет *выглядеть* иначе = 'будет иной' (пример из [Апресян 2000: 63]);

б. До меня наш производственный процесс *выглядел* так: с утра мы садились и играли в сикус (...). Потом вставали... (Вен. Ерофеев) [процесс состоял из этой последовательности действий]

Выражение *иметь вид* (контекстный синоним для *выглядеть*) часто употребляется в значении *быть тождественным*:

(6) Теперь уравнение *выглядит* так; Теперь уравнение *имеет* следующий *вид*.

В примере (7) 'видеть' переходит в 'быть в', т.е. в 'находиться':

(7) *заглянуть к X-у* = 'зайти к X-у', т.е. 'начать быть у X-а'.

Семантическое развитие очевидно: видение требует нахождения в одном пространстве и порождает своего рода контакт между Экспериментом и Перцептом; а если Перцепт – лицо, возникает межличностный контакт. Английский глагол *to show* имеет значение 'бывать в обществе'; *the guest failed to show* = 'гость не появился = не пришел'; ср. русское *носу к нам не кажет / не показывает* = 'не бывает у нас'.

Сочетание *представлять собой* значит, фактически, 'быть':

Ну скажи, что он собой представляет? = 'кто он есть',
хотя в исходном значении *представлять* значит примерно то же, что *показывать*.

Глаголы *встречаться*, *попадаться* часто выветриваются до значения ‘существовать’, ср. *попадаются*, выделенное курсивом в (8):

(8) Говорят, среди жуликов *попадаются* И такие, которые не *попадаются*. ...

Даром сыщики утруждаются – Эти жулики НЕ ПОПАДАЮТСЯ. (Б. Заходер)

Наконец, слово *являться* демонстрирует тот же переход от ‘быть видимым’ к ‘быть’: словарь Фасмера дает для *явить* этимологию во всех индоевропейских языках только ‘быть видимым’.

4. СТАТУС КОМПОНЕНТА КАК ПАРАМЕТР. ИЗМЕНЕНИЕ СТАТУСА ПРИ ДЕРИВАЦИИ

Компоненты в толковании могут иметь разный статус, определяемый коммуникативным (или ассертивным) статусом участника. Например, в толковании глагола *исчезнуть* различается два компонента: главный компонент – ‘перестать быть видимым’, а компонент ‘переместиться’ имеет более низкий статус, будучи, вообще, не обязательным. Отсюда специальный эффект в примере (1) – противоречие, выражаемое с помощью уступительного *но все же*, – между сомнением и действием швейцара, перемещением, а не его видимостью:

(1) Швейцар смерил сердитого чиновника полным сомнения взглядом, но все же *исчез* за дверь (Б. Акунин. *Смерть Ахиллеса*)

Изменение коммуникативного статуса компонента в толковании глагола (фокуса внимания) может давать новое значение слова, относящее его к другому тематическому классу (о смещении фокуса внимания как механизме семантической деривации см. [Падучева 1998б]):

(2) а. дверь *хлопнула* ‘произвела звук, ударив’;

б. *хлопнула* Пашку суповой ложкой по голове ‘ударила живое, произведя звук’.

(3) а. *скребет* мышь [звук]; б. матросы *скребли* палубу [воздействие];

(4) банка *треснула* [деформация]; ветка *треснула* [звук];

(5) Где-то *тарыхтит* мотоцикл [звук]; Мотоцикл *тарыхтел* по пыльной дороге [движение].

Один из самых чистых примеров изменения статуса дает глагол СВ, в семантике которого различаются два компонента – событийный и статальный (см. [Падучева 1996: 154]). У большинства глаголов СВ акцент подвижный, и сдвиг акцента с событийного компонента на перфектное состояние и обратно определяется контекстом предложения. Но у некоторых глаголов акцент закреплен. Это объясняет одно из различий между *появиться* и *показаться*; ср.

(6) *появился* давно – **показался* давно.

У *показаться* лексически закреплен акцент на событии: в ситуации, описываемой глаголом *показаться*, Наблюдатель должен видеть м о м е н т прибытия Субъекта в свое Поле зрения. А у *появиться* акцент на состоянии: говорящему (Наблюдателю) достаточно видеть (или как-то иначе воспринимать) р е з у л ь т а т. Так, (7б) невозможно, поскольку Наблюдатель, в речевом режиме, – это обязательно Говорящий (и если Говорящий знает, что некто *показался*, то должен знать и откуда), а (7в), с Субъектом в 3-м лице, допустимо:

(7) а. Откуда ты *появился*? б. *Откуда ты *показался*? в. Откуда он *показался*?

Пример того, что разные слова могут различаться статусами компонентов, – известная филлморская пара *обвинять* и *осуждать*. Коммуникативные статусы, которыми приходится оперировать, не сводятся, однако, к презумпции и ассерции.

Итак, представленный нами вкратце подход к анализу лексического значения слова состоит в прослеживании компонентов и параметров, изменяющихся при переходе от одного значения к другому. Можно предположить, что те же компоненты и параметры окажутся плодотворными в более широком плане – при выявлении системности в лексике, прежде всего – при сравнении семантически близких, но разных слов. Следующий раздел посвящен сопоставлению глаголов *увидеть* и *заметить*.

5. УВИДЕТЬ vs. ЗАМЕТИТЬ

Глаголы *увидеть* и *заметить* (с видовыми партнерами *видеть* и *замечать*) обнаруживают существенные различия в языковом поведении – в сочетаемости, в деривационном потенциале и в аспектуальном плане. В разделах 5.1.1–5.1.3 мы охарактеризуем эти различия, а в разделах 5.2.1–5.2.3 дадим им семантическое объяснение с использованием параметров и компонентов, описанных в разделах 2–4.

5.1.1. “АГЕНТИВНАЯ” СОЧЕТАЕМОСТЬ

Глаголы *увидеть* и *заметить* имеют оба исходную диатезу – с Экспериентом в позиции субъекта; так что диатеза, фактор в принципе очень важный для структуры семантического поля восприятия, в данном случае остается в стороне.

Различия в сочетаемости между *увидеть* и *заметить* иногда (см., например [Faber, Pérez 1997]) интерпретируют как проявление большей агентивности *увидеть* по сравнению с *заметить*. Так, недопустимое (1б) объясняют тем, что увидеть можно как нечаянно, так и специально посмотрев, а *заметил* и так уже непроизвольно:

(1) а. *нечаянно* увидел; б. **нечаянно* заметил;

в. Выходя из дома, я *заметил*, что калитка открыта; Я *заметил* в толпе Петьку. Невозможность участия в ситуации инструмента, см. пример (2), тоже может быть следствием неагентивности глагола *заметить*:

(2) *увидел* (**заметил*) в бинокль, что она улыбается; *увидел* (**заметил*) только в очках.

Показателен контекст отрицания:

(3) а. Я *не увидел* в саду скамейки ⊃ ‘я имел намерение ее увидеть’;

б. Я *не заметил* в саду скамейки [не следует ‘*я имел намерение ее заметить’].

Приложение усилий допустимо для *увидеть*, но не для *заметить*, что тоже, казалось бы, дает основание отличить *увидеть* от *заметить* по намеренности:

(4) а. Постарайся/попробуй *увидеть* вон ту звездочку над самой горой;

б. *Постарайся/*попробуй *заметить* вон ту звездочку над самой горой.

(5) а. Я с трудом *увидел* (**заметил*) в толпе Петьку.

Создается впечатление, что *увидеть* если и не предполагает усилий, специально направленных на видение, то во всяком случае не исключает их; тогда как *заметить* скорее описывает ситуацию, которая наступает спонтанно. В самом деле, в некоторых контекстах Я *заметил* X – почти точный конверсив для X *привлек мое внимание* (см. об этом [Апресян и др. 1997: 31]), а у конверсива категория, в принципе, должна быть та же, что у исходного слова, и поскольку *привлечь внимание* неагентивно, то и *заметить* должно быть неагентивно; заметивший не прилагал специальных усилий: X был выделен, его трудно было НЕ заметить.

Однако все не так просто. С одной стороны, глаголу *увидеть* нельзя приписать тех двух значений, которые есть, скажем, у глагола *найти*, который может значить ‘найти, наткнувшись’, происшествие, и ‘найти, ища’, действие с акцентом на результате – *achievement* по Вендлеру (как в *Найди меня!*). Т.е. *увидеть* никогда не обозначает действие. С другой стороны, *заметить* употребляется не только тогда, когда восприятие непроизвольно, поскольку предмет бросается в глаза, но и тогда, когда, в точности наоборот, предмет не з а м е т е н, и чтобы его заметить, надо приложить специальные усилия:

(6) а. Как ты ухитрился ее *заметить*? Как тебе удалось ее *заметить*?

б. Ты хорошо спряталась. Но я все-таки тебя *заметил*.

в. Постарайся *заметить* как можно больше ее промахов;

г. Видимо, он все-таки успел *заметить*, куда я положила ключ.

Для *не замечать* значение сознательного поведения даже фиксируется в словарях: ‘не обращать внимания’, ‘игнорировать’ – особенно в контексте Объекта–лица.

Больше того, пассив, который в русском языке служит показателем агентивности, возможен именно для *заметить* (и невозможен для *увидеть*):

- (7) Четвертый год существует театр, а вы уже *замечены* Москвой и заграницей.
(Станиславский, цит. по БАС)

В пользу допустимой агентивности *заметить* свидетельствует также наличие формы императива – правда, она возможна у *заметить* не в значении зрительного восприятия; но для *увидеть* императив невозможен ни при каком значении:

- (8) *Заметь*, что Бель приводит эту черту (...) как дело весьма обычное. (П.)

Выходит, что, напротив, глаголу *заметить*, в отличие от *увидеть*, может быть приписана не только таксономическая категория происшествие, когда

(9) У *заметил* X = 'X привлек внимание Y-а' [ситуация наступила непроизвольно], но и категория действие с акцентом на результате, когда

- (10) У *заметил* X = 'Y обратил (свое) внимание на X'.

К равенству (10) мы еще вернемся. Ясно, однако, что сочетаемостные различия между *увидеть* и *заметить*, представленные примерами (1) – (5), нельзя объяснить агентивностью глагола *увидеть*, в противоположность *заметить*, и для этих различий следует искать других объяснений.

5.1.2. ДЕРИВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Глаголы *увидеть* и *заметить* различаются своими семантическими дериватами.

Глагол *видеть* (и *слышать*) может употребляться в (производном) значении внутреннего зрения, а также кажущегося/воображаемого восприятия:

- (11) Вижу ее как сейчас = 'представляю мысленно'.

Глагол *заметить* не имеет этих употреблений; т.е. он не может иметь значение 'вообразить', 'видеть во сне', 'мерещиться'; не имеет производных типа *привидеться* и т.д. (см. о *deceitful perception* [Wierzbicka 1980: 107]).

С другой стороны, у *заметить* есть значение речи, отсутствующее у *видеть*; NB Датив Адресата, характерный для глаголов речи, в (12в):

- (12) а. Гопнер на это *заметил*, что без шпунта не обойтись (Платонов. Чевенгур);

б. *Замечу*, кстати, что это не первый случай.

в. Надо тебе *заметить*, что в доме у нее порядок.

Различия в деривационном потенциале мы тоже будем пытаться объяснить, исходя из различий в исходном значении.

5.1.3. АСПЕКТУАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Глаголы *увидеть* и *заметить* существенно различны в аспектуальном отношении. Оба глагола моментальные (имеется в виду моментальность как свойство глагола СВ, по Ю.С. Маслову, а не НСВ, по [Апресян 1988]). Оба входят, согласно критерию Маслова, в видовую пару (*увидеть*–*видеть*; *заметить*–*замечать*). Но *видеть* имеет, помимо тривиального многократного значения, значение временного состояния, так что *увидеть* входит в п е р ф е к т н у ю пару с *видеть* (такого же типа пару образуют *понять*–*понимать*, описанные в [Булыгина, Шмелев 1989]: *увидел* ⊃ 'вижу', так же как *понял* ⊃ 'понимаю'; ср. также *огорчило* ⊃ 'огорчает', *пообещал* ⊃ 'обещает', *наполнило* ⊃ 'наполняет'); а в паре *заметить*–*замечать* несов. вид не имеет значения перфектного состояния.

Другое аспектуальное различие. У *видеть* есть производное значение, относящееся к категории Свойство (которая является исходной, например, для глаголов *хромать*, *виться* (о волосах), *противостоять* и под. [Падучева 1996: 129]; X *видит* = "X может видеть". А у *замечать* такой производной категории нет.

Должны ли эти аспектуальные различия приписываться каждому из двух глаголов

индивидуально, или они вытекают из их принадлежности к каким-то семантическим классам?

В следующем разделе мы покажем, что многие из упомянутых различий между *увидеть* и *заметить* – в сочетаемости, в дериватах и в аспектуальном поведении – предсказываются лексической семантикой этих глаголов и выражены через параметры и компоненты, имеющие общий характер.

5.2.1. КАК ОБЪЯСНИТЬ ПРИМЕРЫ (1) – (5)?

Восприятие можно представить – в свете лингвистических данных – состоящим из двух этапов. Первый этап – физиологический, когда орган восприятия участвует в ситуации на правах своего рода орудия. Если речь идет о зрительном восприятии, то на этом “физиологическом” этапе возникает зрительный образ предмета (или ситуации), включающий форму, цвет, размер – все характеристики, которые можно наблюдать глазами. На втором этапе зрительный образ подвергается ментальной “обработке”; производится таксономическая идентификация (*увидел березу*), а быть может, также установление тождества предмета с априорной его дескрипцией, выявление свойств, приписывание оценок (*увидел подходящее дерево*).

Где точно проходит граница между этими этапами, сказать трудно. Согласно [Miller, Johnson-Laird 1976: 93], “All perceptions are to some extent conceptually shaped and controlled”. Тем не менее, Анна Вежбицка [Wierzbicka 1980: 112] предлагает различать два употребления глагола *видеть*: при одном восприятие практически останавливается на первом из этих этапов; другое, более естественное, включает оба; ср. (13) и (14):

(13) Я *увидел* красное пятнышко (что-то красное);

(14) Я *увидел* вашу жену (в толпе на митинге).

Предложение (14) можно вставить в контекст

(14') Я *увидел* вашу жену, но не узнал ее (т.е. не понял, что это она).

А (13) в подобном контексте звучит странно, ср. (13'):

(13') *Я *увидел* красное пятнышко (что-то красное), но не понял, что это оно.

Можно думать, что многие сочетаемостные отличия *заметить* от *увидеть* обусловлены тем, что в семантике *заметить* первый этап (и соответствующий ему семантический компонент), создание зрительного образа, не в фокусе, а в центре находится второй, ментальный этап; тогда как у *увидеть* первый компонент имеет полноценный акцент. В таком случае, различие между этими глаголами проходит по параметру Статус, а не по параметру агентивность, как предполагалось вначале.

Глаголу *увидеть* можно предложить следующую экспликацию (толкование). Эта экспликация не претендует на полноту, главное требование – экспликация должна задавать аргументную структуру глагола: набор участников обозначаемой ситуации и их семантические роли. В (15) переменные соответствуют участникам; в угловые скобки заключены переменные по инкорпорированным участникам, которым не соответствует синтаксический актант в исходном употреблении глагола *увидеть* (они могут появиться в производных употреблениях):

(15) Y *увидел* X =

Эксперимент Y обратил Глаза/Взгляд $\langle E \rangle$ в то Место $\langle Z \rangle$, где находится Перцепт X (или наоборот, имел Глаза направленными в то Место, куда переместился X) в результате этого

в сознании Y -а возник зрительный Образ $\langle V \rangle$ X -а

(Y сопоставил X -у/ Z -у ментальный Образ $\langle M \rangle$)

Компонент “создание ментального Образа” необязательный, поскольку, как показывает пример (13), никакого существенного осмысления полученных зрительных ощущений может не происходить – тогда процесс закончится на 1-м этапе. Ментальный

Образ – это концепт увиденного. Он включает таксономическую/референциальную идентификацию, характеризацию, осмысление, оценку и проч. Объект/Комплемент глагола *видеть* соответствует сразу трем участникам: это сам X, его зрительный Образ и его концепт. Так что в исходном употреблении участники X, V и M совпадают в одном синтаксическом актанте – дополнении; но в производных употреблениях эти участники могут различаться и на поверхностном уровне (*видеть в Павлике* (Образ) *героя* (концепт)).

Согласно [Atkins 1994: 52], у глаголов восприятия различаются участники Стимул – фрагмент действительности, реально воздействующий на органы чувств, и Мишень, осознанная цель перцептивной деятельности, быть может, еще не достигнутая (как у глагола *смотреть* (не пришел ли кто)). Для *видеть* этого противопоставления нет: у *видеть*, в отличие от *смотреть*, Перцепт всегда Стимул.

Толкование для *заметить* отличается от толкования *видеть* тем, что компонент “зрительный образ” у него не в фокусе, а компонент “создание ментального Образа”, напротив, обязательный и акцентированный.

Исходя из этого, мы теперь можем дать иные объяснения примерами (1) – (5), а также предсказать ряд других сочетаемостных отличий *заметить* от *увидеть*.

В примере (1а) *нечаянно* относится к возникновению зрительного Образа и вполне уместно, поскольку здесь возможно противопоставление ‘нечаянно’/‘намеренно’; а в (1б), с *заметить*, наречие не может относиться к тому же зрительному компоненту, поскольку он у *заметить* не в фокусе, но не может относиться и к компоненту “приписывание концепта”, поскольку это требует тех или иных мыслительных усилий и не может быть нечаянным. Больше того, *заметить* именно требует от субъекта активности на ментальном этапе и этим отличается от *увидеть* и *наблюдать*:

*мне пришлось наблюдать, довелось увидеть – *пришлось/*довелось заметить.*

Пример (5) можно объяснить так: в семантике *увидеть* акцентирован компонент “зрительный Образ”; поэтому *увидеть* может употребляться в значении, близком к ‘найти взглядом’, ‘разглядеть’, ‘отделить от фона’: все это может быть затруднительно. Между тем *заметить* помещает участника зрительный Образ вне фокуса. Потому усилия, которые направлены на зрительный Образ, в контексте *заметить* не могут быть сферой действия наречия *с трудом*; а ни о каких других усилиях в контексте примера (5) речи нет. Иными словами, глагол *заметить* (в отличие от *видеть*) описывает ситуацию, где этап создания зрительного образа не может вызвать затруднения. Трудности могут быть только концептуального плана, и к концептуальному компоненту наречия приложимы: *с трудом заметил разницу*, см. раздел 5.2.2.

В примере (16) то, что у *заметить*, в отличие от *увидеть*, не “экскорпорируется” инкорпорированный участник Глаза, естественно объяснить тем, что глазами создается именно зрительный Образ, а у *заметить* компонент “создание зрительного Образа” не в фокусе:

(16) а. увидел (*заметил) собственными глазами;

б. Я своим одним глазом и то увидел (*заметил).

Неакцентированность зрительного компонента служит причиной того, что в контексте *заметить* неуместно упоминание инструментов, усиливающих орган зрения (Глаза). Это объясняет пример (2).

В (17) *заметил* означает нечто вроде ‘наблюду’, т.е. ‘сделал наблюдение’ – речь идет о заключении, сделанном на основе достаточно длительного смотрения, причем возможности смотрящего усиливаются за счет использования инструмента (к этому нементальному значению *заметить* мы еще вернемся):

(17) Я навел на нее лорнет и *заметил*, что она от его [Грушницкого] взгляда улыбнулась, а что мой дерзкий лорнет рассердил ее не на шутку. (Лермонтов. Герой нашего времени).

Ясно, что (17) не типичный контекст для *заметить*: *заметить* обозначает здесь целенаправленное действие и не является конверсивом к *броситься в глаза, привлечь внимание*. Впрочем, прямое подчинение глаголу *заметить* Инструмента (**заметил в лорнет*) невозможно и в контексте (17). В (18) в аналогичном контексте употреблен глагол *усмотреть*:

(18) Соболев вновь стал приглядываться к Варе и, кажется, на сей раз *усмотрел* (NB: не *заметил!*) в ней нечто интересное. (Б. Акунин. Турецкий гамбит)

Обратимся теперь к примерам из (6). В принципе, при создании зрительного Образа предмета могут возникнуть трудности: предмет может быть сильно удален, плохо освещен, неотделим от фона и т.д. Глагол *увидеть* допускает сирконстанты, позволяющие охарактеризовать эти трудности, а *заметить* – нет. На первый взгляд кажется, что в семантику *заметить* входит компонент "объективная заметность", выделенность предмета/ситуации, как в (1в).

В самом деле, объективная выделенность, заметность предмета – одна из предпосылок к тому, чтобы его заметили. В примере (19) речь идет о том, что усиление чего-то приводит к увеличению заметности как в о з м о ж н о с т и *заметить*:

(19) вот Прокофий приведет бедных – и коммунизм у нас усилится, – тогда его сразу *заметить*... (Платонов. Чевенгур)

Однако с л у ч а й н о *заметить* можно даже такой предмет, который был незаметен или даже сознательно скрыт:

(20) Она нарочно села подальше. Я ее *заметил* совершенно случайно.

А примеры из (6) показывают, что можно *заметить* и незаметное, применяя специальные усилия.

О такой же двойственности по отношению к англ. глаголу *to spot* см. [Atkins 1994: 44] – в одних контекстах дополнение при *spot* обозначает объект, который легко *заметить*, в других – такой, который трудно. Поэтому выделенность (saliency [Lyons 1977: 146]) предмета – не обязательный компонент в семантике *заметить*; точнее, она присутствует как бы в двух модальностях – замечают и то, что легко *заметить*, и то, что трудно³.

Следует, однако, различать выделенность как пружину для значения спонтанного восприятия (обычно зрительного), как в *Я заметил в толпе одноклассника*, пример из [Апресян и др. 1997], и апостериорную выделенность как отклонение от нормы, так, из *Я заметил, что он был в галстуке* следует, что ему нормально быть без галстука.

Конструкция с предлогом *по*, выражающая видимый симптом, который служит основанием для заключения, и свойственная многим ментальным глаголам (*догадался, узнал по*), более естественна для *видеть* в примере (21а), чем для *заметить* в примерах (21б, в), которые не вполне соответствуют современной норме:

(21) а. *по глазам вижу*;

б. Все заметили *по краске ее лица и по живости речи*, что она была сердита (П).

в. Нужно знать, что во все это время мы сказали с Катей не более пяти слов; но я мало-помалу *заметила, по некоторым неуловимым признакам*, что все это происходило в ней не от забвения, не от равнодушия ко мне, а от какого-то намерения. (Достоевский)

И ничего удивительного: видимый симптом – это, опять-таки, зрительный Образ, который у *заметить* не в фокусе.

Примеры (22) – (25) показательны в том отношении, что *заметить* здесь употреблено не просто в контексте, где зрительное восприятие не в фокусе, а в таком, где

³ Прилагательное *заметный* употребляется, в значении зрительного восприятия, чаще всего в контекстах *еле заметный, едва заметный*.

предполагается д р у г о й тип восприятия, что для *увидеть* недопустимо:

(22) Он *не заметил* холода;

(23) Давид тоже *заметил* этот шум (Тургенев, цит. по МАС).

(24) Давно уже началось шарканье, сморканье, кашель и все то, что бывает, когда на литературном чтении литератор, кто бы он ни был, держит публику более двадцати минут. Но гениальный писатель ничего этого *не замечал*. (Достоевский. Бесы)

(25) Литографированный Колчак в клозете на полу. Приказы на полу, газеты на полу... Люди пола *не замечают*, ходят – не чувствуют... (Вс. Иванов. Броне-поезд 14–69);

Полное безразличие к типу восприятия – в контексте отрицания, т.е. у *не заметил*.

В (26) восприятие пропадает полностью; глагол обозначает чисто ментальный акт:

(26) в вас я *заметил* несколько более благоразумия и ясного взгляда на вещи, чем в обоих наших дурачках. (Достоевский)

Итак, для *заметить* несущественно, чтобы восприятие было именно зрительное; достаточно, чтобы было некое полученное извне впечатление (или совокупность впечатлений, распределенная по достаточному большому интервалу), которое может быть какой угодно природы. Выходит, не только у *заметить* компонент “создание зрительного Образа” не в фокусе, но и, более того, Образ не обязательно зрительный. Можно даже думать, что у слова *заметить* самого по себе зрительной специфики нет, она привносится дополнением и тем, что наши впечатления от внешнего мира по большей части зрительные. Надо сказать, что глагол *заметить* в этом отношении не одинок. Такое же безразличие к типу восприятия отмечено в разделе 5 для глагола *казаться*.

Существенное различие между *увидеть* и исходным *заметить* – в том, что *увидеть* совместимо с наличием намерения увидеть, как в (27), или с ожиданием определенного исхода зрительного контакта, как в (28):

(27) а. посмотрел в окно и увидел; б. *посмотрел в окно и заметил.

(28) а. Я увидела, что он *действительно* постарел;

б. ?Я заметила, что он *действительно* постарел.

Глагол *заметить* (если не считать контекста косвенного вопроса, как в примерах из (6), о которых см. в разделе 5.2.2) обозначает н е о ж и д а н н ы й акт восприятия:

(29) Обдумывая положение, я продолжал смотреть в окно и в д р у г *заметил*, что портреты на фронтоне аэровокзала вовсе не те, с которыми я простился, улетающая отсюда несколько лет тому назад. (Войнович)

Это объясняет пример (4). Компонент неожиданности отмечается в [Atkins 1994: 52] у англ. *notice*.

Компонент “ожидание” проявляется в просодическом отличии *увидеть* от *заметить*. Глагол *увидеть* может быть ударным оттого, что акт восприятия ожидался самим Экспериментом:

(30) Наконец-то я ее увидел\ (в значении ‘разглядел’; или ‘попал в общее пространство’).

А ударение на *заметить* означает только то, что результат восприятия, т.е. возникший в его ходе концепт, уже известен из предтекста:

(31) – Она располнела. – Я это заметил\.

(32) Челурный повел собаку в дом и покормил ее белыми пышками – собака ела их с трепетом опасности, так как эта еда попала ей в первый раз от рождения. Челурный *заметил* испуг собаки и нашел ей еще кусочек домашнего пирога с яичной начинкой, но собака не стала есть пирог.

Естественно, что н о в и з н а содержания важнее для *заметить*, у которого в фокусе концептуализация, чем для *увидеть*, ориентированного на своего рода контакт с объектом X через зрительный Образ в сознании, и контакт может повторяться:

(33) а. Я один раз ее увидел, хочу *еще раз* (увидеть);

б. *Я один раз ее заметил, хочу *еще раз* (заметить).

Поэтому содержание замеченного должно быть в каком-то отношении и н т е р е с н ы м (необычным, странным, ненормальным, ср. он (глаз хозяйки) *вмиг заметит что-нибудь* (П.) = 'что-нибудь, что не в порядке'), а для *увидеть* это не обязательно. В примере (34) совершенно незаметный объект запечатлелся в сознании Эксперимента случайно:

(34) Я заметил это пятнышко, но не придал ему значения.

Ясно, что в момент восприятия человек не сказал "Я заметил пятнышко", а сказал только тогда, когда пятнышко оказалось важным, концептуально выделенным.

Компонент "выделенность" (как подавляемая инференция), отличающий *заметить* от *увидеть*, демонстрирует пример (35) – не увидел имплицитно 'не было', а не заметил – 'не было заметно':

(35) а. Я увидел там одни развалины ⊃ 'больше ничего не было';

б. Я заметил там одни развалины ⊃ 'не заметил больше ничего достойного внимания'.

В семантике *заметить*, в отличие от *увидеть*, закодирована к р а т к о в р е м е н н о с т ь, мимолетность восприятия (и эта идея сохраняется тогда, когда *заметить* употребляется в значении речи). Этот компонент пропадает только тогда, когда *заметил* = 'наблюду', как в (17) выше или в (36):

(36) а. Коля *заметил*, что Лебедев по полчаса простаивает у двери и подслушивает, что они говорят с князем, о чем, разумеется, и известил князя. (Достоевский. Идиот);

б. Миллионеры, как я *заметил*, вообще люди прижимистые. (Войнович)

Там, где зрительное восприятие вовсе второстепенно, правильное сказать *поняв*:

(37) Я у него и после бывал. С Зильберовичем и без Зильберовича. В конце концов, *заметив*, что я не имею против него никаких злостных намерений, Смышч и мне стал доверять. (Войнович)

Итак, для объяснения примеров (1) – (6) не требуется предположения о большей агентивности *увидеть* по сравнению с *заметить*. Урезанную сочетаемость *заметить* можно объяснить тем, что у этого глагола компонент "создание зрительного Образа" не акцентирован, а может и вовсе отсутствовать. Иными словами, главное отличие *заметить* от *увидеть* не категориальное, а собственно семантическое.

Таксономическая категория глаголов *увидеть* и *заметить* заслуживает, однако, внимания, поскольку остается пример (7), с пассивом, и (8), с императивом.

Вернемся к аргументной структуре глагола *видеть*. В ситуации видения участвуют Эксперимент и Перцепт = Стимул. То, что воспринимаемый объект – это Стимул, т.е. отчасти Каузатор возникшей ситуации, объясняет диатетический сдвиг в (38) и (39):

(38) а. Он *остановил* внимание на небольшой картине в углу;

б. Небольшая картина в углу *остановила* его внимание (пример приводится, в несколько иной связи, в [Розина, в печати]).

(39) а. Царь *обратил* внимание на Гончарову;

б. Гончарова *обратила* на себя внимание царя (пример из [Падучева 1985: 181]).

В обоих примерах ситуация такова, что ее могут каузировать и Субъект внимания (поскольку он своим вниманием в какой-то мере распоряжается) и Объект – в силу своих специального свойства останавливать/привлекать (т.е. *обращать* на себя) внимание. Глагол, у которого участник-Объект не только не Пациент, но даже отчасти и Каузатор ситуации, – это, конечно, семантико-синтаксическая экстравагантность. И чем большую роль в возникновении ситуации играет Объект, тем более явно инициатива уходит из рук Субъекта: увеличивается роль случая (показательна высокая частота сочетаний *случайно увидел/заметил*).

Для примеров (38) и (39) можно поэтому предположить в качестве исходной диатезы (в) с возвратным глаголом:

(38) в. Его внимание *остановилось* на небольшой картине в углу;

(39) в. Внимание царя *обратилось* на Гончарову, от которой можно перейти и к (а) и к (б), подчеркнув большую каузирующую силу первого или второго участника ситуации.

Семантическая роль Субъекта проясняется при сопоставлении *увидеть* с *обнаружить*. Субъект глагола *обнаружить* – это вольный или невольный, но каузатор изменения состояния Объекта (его обнаруженности), так что Объект глагола *обнаружить* – Пациенс. Между тем Субъект у *увидеть* только Эксперидент. Поэтому у *обнаружить* совершенно иное, чем у *увидеть*, дерево производных значений, см. [Падучева 2000]. У *обнаружить* в число производных значений входит действие; значение действия проявляется в наличии специального участника в Твор. падеже:

Медицинский эксперт *специальным исследованием* обнаружил присутствие в теле яда.

А для *увидеть* значение действия исключено. Видимо, *заметить* приближается к *обнаружить* – в том смысле, что замеченный предмет является не только Перцептом, но и Пациентом: будучи замечен, предмет меняет свои свойства. Отсюда наличие пассива у *заметить*, роднящее его с *обнаружить*.

Впрочем, полностью вывести отсутствие пассива у *увидеть* из семантики нельзя. В самом деле, чтобы увидеть X, надо посмотреть, сознательно или нечаянно, в том направлении, где находится X (и, быть может, выделить X из окружающего фона). Дальше в ситуации сознательного желания увидеть (как и в ситуации поиска, т.е. желания найти) надо, кроме того, отождествить X, находящийся перед глазами, с имеющимся в сознании концептом искомого предмета, а при непреднамеренном видении приписать X-у концепт. Так что только языковое поведение не дает возможности приписать глаголу *увидеть* категорию действие с акцентом на результате: в задачах с картинками говорится не "Увидь утку!", а "Найди утку!". Разница между реальной ситуацией, включающей акциональные аспекты, и ее стативной концептуализацией поразительна: даже в таком контексте, где сознательное намерение присутствует в контексте употребления глагола *видеть*, оно не кодируется семантикой глагола; т.е. *увидеть* и в этом контексте не действие, к совершению которого можно, например, побудить – названием действия было бы *искать глазами*, ср. англ. *look* и *look for*.

5.2.2. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ДЕРИВАТЫ

Глаголам *видеть* и *заметить*, как и большинству глаголов восприятия, нормально иметь семантический дериват в тематическом классе ментальных глаголов:

(40) *я вижу, он не придет; и не видит в том потери* = 'не считает, что это потеря'; *я вижу, что не уедем <в Москву>* = 'я чувствую'; *я посмотрю* = 'я подумаю'; *смотрю отрицательно, с неодобрением; рассматриваю это как саботаж; усматриваю в этом упрек; взгляни на это проще; представляется, что; он вообразил, что* = 'он неправильно считает'; *воспринимаю как намек (упрек, оскорбление)* = 'понимаю, интерпретирую'.

Однако для *видеть* ментальное значение воспринимается как результат семантического сдвига; а для *заметить* граница между ментальными и нементальными употреблениями часто неясна.

Ментальное значение требует пропозиционального объекта. Пропозициональное содержание можно передать словами, а образ нельзя. Поэтому *Не могу вам передать, что я увидел* нормально, а во фразе *Не могу вам передать, что я заметил* другой смысл у *не могу*. Глагол *заметить* в большинстве своих употреблений ментальный

глагол, и его объект пропозициональный⁴, а значение зрительного восприятия возникает лишь в специальном контексте.

Пропозициональная сущность объекта при *заметить* отчетливо проявляется в контексте косвенного вопроса и параметрического имени; равенство (10) из раздела 1

У заметил X = 'У обратил внимание на X'

(которое фигурирует в МАС в статьях о *видеть* и *замечать*), 'прокалывается' в контексте, где X – параметрическое имя или косвенный вопрос:

(10') Я заметил ошибку ≠ Я обратил внимание на ошибку.

В самом деле, *заметил ошибку* = 'понял, в чем она состоит', у глагола косвенная диатеза; а *обратить внимание* можно лишь на что-то представшее взору – диатеза должна быть прямая:

*Я обратил внимание, в чем ошибка.

Поэтому

(41) а. с трудом заметил разницу = 'с трудом понял, в чем состоит разница';

б. не заметил разницы = 'не понял, что разница есть';

в. не обратил внимания на разницу = 'не счел разницу существенной';

(42) Я, как только заметил (*увидел) пропажу, выпил и схватился за голову. (Вен. Ерофеев)

Дело в том, что для *обратить внимание*, как и для *увидеть*, существен первый из двух этапов нормального восприятия – тот, который *заметить* как раз пропускает.

Таким образом, общий компонент, который есть во всех употреблениях *заметить*, ментальный. Разница между перцептивным и ментальным значением, ясная по отношению к *увидеть*, для *заметить* неуловима, ср. *Вся Россия населена гибнущими и спасающимися людьми – это давно заметил Сербинев*. (Платонов. Чевенгур)

В контексте параметрического имени значение *заметить* агентивное; поэтому допустимо сочетание *заметить* с *чтобы*; и форма императива:

(43) Читай внимательно, чтобы заметить опечатки;

(44) Заметь время = 'выясни, сколько сейчас времени'.

Значений *видеть*, отсутствующих у *заметить*, по крайней мере три.

1. Глагол *видеть* допускает, в качестве производного, употребление в значении 'воображать, представлять', т.е. имеет производное значение внутреннего зрения (*вижу тебя, как сейчас*): *воображать X* – значит иметь в сознании зрительный Образ X-а, не соответствующий в данный момент никакому Стимулу, поступающему из действительности. Между тем у *заметить* значение внутреннего зрения отсутствует. Это различие естественно объяснить тем, что в семантике *заметить* не акцентирован компонент создания зрительного Образа.

2. У *увидеть* в контексте Объекта-лица выделяется отдельное значение 'войти в межличностный контакт'; а у *заметить* такого значения нет:

а. Постарайся/попробуй увидеть редактора;

б. *Постарайся/*попробуй заметить редактора.

Это понятно, поскольку межличностный контакт возникает на базе зрительного восприятия (и контакта), которое требует нахождения в одном пространстве.

3. У *видеть* есть еще одно почти полностью выветренное значение, которое отсутствует у *заметить*, когда из всех компонентов значения остается одна пространственная смежность:

Чего только не видели эти стены; дубами, *видевшими* еще прадедов наших. Это значение возникает тоже на базе зрительного компонента и, естественно, отсутствует у *заметить*.

⁴ Показательно, что сочетание *заметить* с *как* на грани нормы. Пример из МАС: *Я заметил, как мотоботы {...} куда-то пропали*. О предметных и пропозициональных аргументах глаголов восприятия см. [Dik, Hengeveld 1991].

С другой стороны, у *заметить* есть невозможное для *видеть* производное значение речи; оно проявляет себя в сочетаемости:

Это ты *верно* заметил (= 'верно сказал') – **верно* увидел.

Семантический дериват в классе глаголов речи есть и у ряда других глаголов восприятия, ср. *отметить*, *выделить*. Нечто похожее – в примере

Обращаю ваше внимание на следующую неточность, где *обращать внимание* – глагол речи, перформатив.

Однако в русском языке эта деривационная модель – переход от восприятия к речи – не продуктивна. В статье [Добровольский (в печати)] отмечается, что глаголы восприятия в немецком языке (такие как *sehen*, *finden*, *wahrnehmen*, *empfinden*) весьма охотно употребляются в значении речи, например:

(45) In seiner Rede empfand er die Vorwürfe als gerechtfertigt.

'В своей речи он *ощутил (= сказал, что ощущает) упреки как справедливые'.

Выявить семантические пружины, регулирующие применимость деривационной модели 'восприятие' → 'речь' в русском языке, не удалось. Ясно, однако, что значение 'заметить', будучи пропозициональным, больше пригодно для такого семантического сдвига.

Интересно, что отглагольное имя *замечание* образовано именно от речевого значения *заметить*.

5.2.3. АСПЕКТУАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

Главное аспектуальное различие между *видеть* и *замечать* в том, что в паре *увидеть*–*видеть* несов. вид морфологически исконный и обозначает временное состояние; а в паре *заметить*–*замечать* несов. вид, производный от обычного моментального глагола *заметить* (семантических оснований для моментальности у *заметить*, как мы видели, более чем достаточно), не обозначает состояния. Поэтому *увидеть*–*видеть* составляют перфектную пару, а *заметить*–*замечать* нет.

Отсутствие у моментального глагола НСВ *замечать* каких бы то ни было нетривиальных значений – вещь нормальная, ср. глаголы *находить*, *терять*, *приходить* и др., обсуждаемые Ю.С. Масловым. Интереснее то, какой отпечаток на семантику СВ *заметить* накладывает отсутствие у него "перфектного продолжения". Глаголу *заметил*, в отличие от большинства других глаголов СВ, нечем фиксировать момент времени: восприятие было моментальным и закончилось; а ментальный компонент момента времени не фиксирует. В результате, СВ *заметил* оказывается ближе к НСВ *видел*, чем к СВ *увидел*, которое имплицитно 'вижу сейчас':

(46) Ты заметил/видел/*увидел в саду скамейку?

У *замечать* в исходном лексическом значении нет никаких частных видовых значений, кроме многократного и основанного на нем общефактического (как у *находить* {*очки*}). В контексте

(47) Я вообще *замечаю*: если человеку по утрам бывает скверно, а вечером он полон замыслов, и грез, и усилий, он очень дурной, этот человек. (Вен. Ерофеев)

видовое значение НСВ *замечать* нельзя представить как многократное повторение моментальных актов "замечания". Здесь у *замечать* особое лексическое значение: 'заклЮчить на основе наблюдения', как в (17) и (36). В контексте субъекта 1-го лица, как в (47), НСВ и СВ синонимичны; так что в (47) СВ *замечаю* можно заменить на *заметил*, не имеющее значения моментального акта.

Аналогичное значение (с утраченным компонентом 'намеренность') есть у *наблюдать*: глагол *заметить* в этом значении часто употребляется вместо нелитературного *наблюсти*.

Второе аспектуальное различие между *видеть* и *замечать* – наличие у *видеть* значения Свойства, отсутствующего у *заметить*. Значение Свойства связано с участни-

ком Глаза: способность видеть обусловлена наличием глаз и их нормальным функционированием. Вообще, участник Орган органически связан с идеей способности (и может быть ее воплощением), а наличие способности – это свойство.

Различие между *видел* и *замечал* в общефактическом значении требует отдельного анализа. Ср. пример (на базе [Wierzbicka 1980]):

- (48) а. Я видел человека, который переплыл Ламанш;
- б. Я *замечал человека, который переплыл Ламанш
- в. Я *заметил человека, который переплыл Ламанш.

Значение НСВ у *замечать* строится “композиционно” из СВ с помощью оператора многократности. Поэтому запрет в (б), с глаголом в НСВ, имеет ту же природу, что и во фразе (в), с глаголом СВ, которая аномальна потому, что дескрипция Перцепта в контексте *заметить* может включать ту информацию, которую Эксперидент получил в ходе данного моментального акта восприятия. С *видеть* в наст. времени и с *увидеть* (СВ) была бы такая же аномалия. А предложение (а) возможно за счет особого “общефактического” значения у НСВ *видеть*, которое не включает многократности, а отличается временной неопределенностью [Гловинская 1982]: (а) означает, что я когда-то видел человека, а информацию о нем мог получить отдельно.

Теперь мы можем заключить о *заметить* следующее. В своем исходном значении глагол *заметить* обозначает ситуацию, в которой:

- 1) тип впечатления, послуживший основой для наблюдения, зрительный;
- 2) замеченный объект/ситуация выделялся из фона, бросался в глаза;
- 3) поэтому впечатление не было получено в результате сознательно направленных на это усилий Эксперидента;
- 4) впечатление моментальное;
- 5) содержание наблюдения не является генерализованным суждением.

В прототипическом употреблении, как в (1в), присутствуют все эти компоненты. Однако ни один из указанных признаков прототипической ситуации не является обязательным компонентом в семантике *заметить*:

- впечатление может быть основано не на зрительном восприятии, а на слуховом, тактильном (как в примерах (22)–(25)) и вообще не на восприятии, как в (26);
- замеченный объект может быть не выделенным, а, напротив, незаметным, как в примерах из (6);
- глагол *заметить* может обозначать сознательную деятельность, как в примерах из (6) или (41);
- замеченное может быть не моментальным впечатлением, а результатом предварительного достаточно длительного наблюдения или повторяющихся актов наблюдения, как в (17) или (36);
- содержание наблюдения может при этом быть генерализованным суждением, как в (36б).

Соответственно, мы можем различить у *заметить* несколько лексических значений, каждое со своим набором компонентов и с той или иной спецификой поведения.

***заметить* 1.1a** ‘обратить внимание на объект X, который бросается в глаза (выделен)’:

Взглянув на него вопросительно, я вдруг *заметил*, что пока я читал, он успел переменить галстук (Д.); Он *заметил* у нее на руке кольцо; Я *заметил* там одни развалины; успел *заметить* ножку, с намерением выставленную... (П.)

***заметить* 1.1б** ‘обратить внимание на нечто не бросающееся в глаза, поняв, что это важно/интересно/странно/ненормально’:

заметил в ее реплике скрытую насмешку; хотел, чтобы я *заметил* колкости в его письме; Мервиль первый *заметил* эту взаимную склонность (П.); *заметил* в его взгляде скрытую неприязнь; Хозяйки глаз повсюду нужен, Он вмиг *заметит* что-

нибудь (П.); Я заметил, что ром прояснил его угрюмость; он вдруг заметил за самим собою, что ожидает Купфера (Тург.);

Комментарий:

1) В ситуации 'заметить' часто нельзя сказать, каким органом чувств Y воспринимает то, что он формулирует как X. 2) Фраза Я заметил, что он в галстукe имплицитно, что либо это для него необычно, либо о чем-то свидетельствует. Тем самым при значении 1.1б X также оказывается выделенным, но апостериори.

заметить 1.2 'выделить'; 'понять, что X отличается от других в лучшую сторону и сделать свою оценку известной другим людям' (субъект – общество / общественно значимое лицо):

Четвертый год существует театр, а вы уже замечены Москвой и заграницей; Старик Державин нас заметил (П.)

Комментарий:

1) Компонент "выделенность" присутствовал в качестве фонового в значениях 1.1а и 1.1б; в значении 1.2 он становится ассерцией. 2) Употребительна форма пассива, так как в контексте **заметить** 1.2 "замеченность" изменяет состояние X-а.

заметить 2.1 (разницу), косвенная – параметрическая – диатеза от **заметить** 1.1: с трудом заметил разницу; Как тебе удалось заметить разницу? Видимо, он все-таки успел заметить, куда я положила ключ; Постарайся заметить как можно больше ее промахов; Пошел, чтобы / с целью заметить отличие; заметил перемену в наружности; заметил надвигающуюся опасность (= 'заметил признаки опасности' = 'знает, в чем они состоят'); разница была замечена сразу.

Комментарий:

1) Категория у **заметить** 1.1 – происшествие; а **заметить** 2.1 имеет категорию действие с акцентом на результате. Это значение становится возможным только в косвенной диатезе, когда X не образ/впечатление, а вопрос, на который надо найти ответ, или задача, которую надо решить. 2) **обратить внимание** – синоним для **заметить** 1.1, но не для **заметить** 2.1.

заметить 2.2 (как в **заметить время**) 'обратить внимание на значение параметра X и запомнить его':

Я заметил место (подъезд, дом), чтобы внимательно осмотреть его на обратном пути.

Комментарий:

1) Управление союзом *чтобы* [= 'потому что хотел'] идет от компонента "важно" в значении **заметить** 1.1б. 2) Возможна форма императива (обеспечиваемая компонентом **запомнить**).

заметить 3 'сделать наблюдение'; 'Y накапливал произвольные впечатления; в результате, Y теперь знает/считает, что X'; см. примеры (17), (36), (47).

Комментарий:

То же значение в примере: Иосиф Бродский любил повторять: – Жизнь коротка и печальна. Ты заметил, чем она вообще кончается? (Довлатов). Языковая игра – на нарушении условия неочевидности того, что можно заметить. В контексте 1-го лица (и в контексте 2-го лица в вопросе) то же значение имеет парный НСВ **замечать**:

Я замечаю, брат, что ты приуныл (П.); С Швабриным встречался редко, тем более что замечал в нем скрытую к себе неприязнь (П.) А ты разве замечаешь, что я переменялся к тебе? (Остр. БАС)

заметить 4 'сказать нечто краткое':

Гопнер на это заметил, что без шпунта не обойтись (Платонов); Надо тебе заметить, что в доме у нее всегда порядок; Руссо (замечу мимоходом)... (П.).

Комментарий:

Компонент 'кратко' (и 'мимоходом') в латентном виде присутствует и в *заметить* 1.1а. Компонент "знание" (см. *заметить* 1.1б) в контексте глагола речи *заметить* 4 заменяется на "мнение". В контексте субъекта 1-го лица допустимо перформативное употребление: *В скобках замечаю, что* (П.). В контексте субъекта 3-го лица *замечать* 4, несов. вид, имеет значение перфектного состояния, т.е. обозначает как бы совершенное действие – *замечает* ≈ 'заметил': Вольтер на это *замечает*, что...; с ехидством *замечает*; Мур справедливо *замечает*, что... (П.)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренный частный пример подтверждает следующий общий принцип устройства лексической системы языка: одни и те же компоненты и параметры могут различать как значения одного слова (лексемы), так и разные слова.

Среди параметров, различающих значения как слов, так и лексем, важную роль играет коммуникативный статус компонента в толковании: изменение статуса компонента, т.е. фокусировки внимания, сказывается на сочетаемостных возможностях слова /лексемы и других аспектах их языкового поведения.

Что касается глаголов восприятия, то в их семантике обычно можно различить два компонента:

- 1) собственно перцептивный (реакция соответствующего органа восприятия на действительность);
- 2) ментальный (осознание воспринятого, идентификация объекта, выявление его свойств).

В работе показано, что в семантической структуре глаголов *увидеть* и *заметить* эти два компонента имеют разный статус: глагол *увидеть* акцентирует компонент "зрительный образ"; тогда как семантика *заметить* предполагает восприятие не обязательно зрительное и, вообще, помещает восприятие вне фокуса, на периферию, акцентируя ментальный компонент.

Следует, однако, иметь в виду, что значения одного слова очень часто различаются по одному – двум параметрам, а у разных слов, хотя бы и синонимичных, число различающихся параметров и компонентов будет, как правило, достаточно велико⁵.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю.Д. 1974 – Лексическая семантика. М., 1974.
Апресян Ю.Д. 1988 – Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // Язык: система и ее функционирование. М., 1988.
Апресян Ю.Д. 1992 – Словарная статья глагола *рисовать*. Семиотика и информатика. М., 1992.
Апресян Ю.Д. 1997 – *Видеть 1.1* // Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. М., 1997.
Апресян Ю.Д. 1998 – О толковом словаре управления и сочетаемости русского глагола // Сб. в честь Н.Ю. Шведовой. М., 1998.
Апресян Ю.Д. 2000 – *Выглядеть* // Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 2. М., 2000.
Апресян Ю.Д. (в печати) – Системообразующие смыслы 'знать' и 'считать' в русском языке (в печати).

⁵ В основу работы положен текст доклада, прочитанного на семинаре в Институте проблем передачи информации под руководством акад. Ю.Д. Апресяна. Автор пользуется случаем выразить благодарность всем участникам семинара, принявшим участие в обсуждении доклада, и Ю.Д. Апресяну как первому читателю рукописного текста статьи. Автор благодарен также Е.А. Горбуновой за помощь в подборе примеров по компьютерному корпусу текстов.

- Добровольский Д О* (в печати) – Лексическая сочетаемость в диахронии (к динамике усзуальных норм) (в печати)
- Кустова Г И* 1999 – Перцептивные события участники, наблюдатели, локусы // *Логический анализ языка Образ человека в культуре и языке* М, 1999
- Кустова Г И Падучева Е В* 1994 – Словарь как лексическая база данных // *ВЯ* 1994 № 3
- Мельчук И А* 1974 – Опыт теории лингвистических моделей Смысл ↔ текст М, 1974
- Мельчук И А Холодович А А* 1970 – К теории грамматического залога // *Народы Азии и Африки* 1970 № 4
- Падучева Е В* 1996 – Семантические исследования // *Языки русской культуры* М, 1996
- Падучева Е В* 1997 – Родительный субъект в отрицательном предложении синтаксис или семантика? // *ВЯ* 1997 № 2
- Падучева Е В* 1998а – К семантике пропозициональных предикатов знание, фактивность и косвенный вопрос // *ИАН СЛЯ* 1998 № 2
- Падучева Е В* 1998б – Парадигма регулярной многозначности глаголов звука // *ВЯ* 1998 № 5
- Падучева Е В* 1999 – Семантика глаголов выбора // *ИАН СЛЯ* 1999 № 5–6
- Падучева Е В* 2000 – Наблюдатель как эксперимент за кадром // *Слово в тексте и в словаре Сборник статей к семидесятилетию Ю Д Апресяна / Ред Л Л Иодмин, Л П Крысин* М, 2000
- Падучева Е В* 2001 – Русский деказуатив и его формальные модели // *НТИ Сер 2* № 1 2001
- Розина Р И* (в печати) – Конец или начало? Семантика глаголов остановки (в печати)
- Урысон Е В* 1996 – Фундаментальные способности человека и наивная картина мира // *ВЯ* 1996 № 4
- Щеглов Ю К* 1964 – Две группы слов русского языка // *Машинный перевод и прикладная лингвистика* Вып 8 1964
- Atkins В T S* 1994 – Analysing verbs of seeing a frame semantics approach to corpus lexicography // *Proceedings of the 20 th annual meeting of the Berkeley Linguistic Society* 1994
- Dik S Hengeveld K* 1991 – The hierarchical structure of the clause and the typology of perception verb complements // *Linguistics* V 29 1991
- Dowty D R* 1979 – *Word meaning and Montague grammar* Dordrecht 1979
- Faber P Peitez Ch* 1997 – Image schemata and light a study in contrastive lexical domains in English and Spanish // *Acta universitatis lodsiansis Folia linguistica*, 1997 V 36
- Kimball I* 1973 – *Get* // *Syntax and semantics* V 2 New York, London, 1973
- Leech G N* 1975 – *Meaning and the English verb* London 1975
- Levin B Rappaport Hovav M* 1995 – *Unaccusativity At the syntax – lexical semantics interface* Cambridge (Mass), 1995
- Lyons I* 1997 – *Semantics* V I–II Cambridge, 1997
- Lyons J* 1972 – *Introduction to theoretical linguistics* Cambridge, 1972 (русск пер Д Лайонз Введение в теоретическую лингвистику М, 1978)
- Muller I Johnson Laud P* 1976 – *Language and perception* Cambridge (Mass) 1976
- Rogers A* 1971 – Three kinds of physical perception verbs // *Chicago linguistic society* 7 1971
- Vendler Z* 1980 – *Telling the facts* // Kiefer F, Searle J (Eds) *Speech act theory and pragmatics* Dordrecht, 1980 (русск перев Вендлер З Факты в языке // *Философия Логика Язык* М, 1987)
- Wierzbicka A* 1980 – *Lingua mentalis* Sydney, 1980
- Wierzbicka A* 1987 – *English speech act verbs A semantic dictionary* Sydney, 1987

© 2001 г. Е В УРЫСОН

СОЮЗ ЕСЛИ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИМИТИВЫ*

0. Цель работы. Предлагаемая работа посвящена союзу *если*. Этот союз вводит условное придаточное предложение и при этом сам выражает условие¹. Действительно, многие высказывания вида *Если Р, то Q* допускают перифраз *Р при условии (если) Q*. Ср. *Меня отпустят гулять (Р), только если я сделаю все уроки (Q) – Меня отпустят гулять (Р) при одном условии я сделаю все уроки (Q), Он сможет поехать в экспедицию (Q), если ему оформят командировку (Р) – Он сможет поехать в экспедицию (Q) при условии если ему оформят командировку (Р)*. Сводится ли семантика союза *если* к выражению условия? Ю Д. Апресян отвечает на этот вопрос утвердительно: союз *если* и существительное *условие* обладают тождественным лексическим значением и различаются только тем, что принадлежат к разным частям речи [Апресян 1974 172–173]. В настоящей работе будет продемонстрировано, что союз *если* обладает гораздо более богатым и сложным значением, нежели существительное *условие*.

Как толковать союз *если*? Словари, например, [БАС] и [МАС], дают этому слову (как и другим союзам) не толкование в собственном смысле, а грамматическое описание, использующее абстрактные термины "условное предложение, условие". А. Вежицкая решительно относит союз *если* к семантическим примитивам "смысл *если* не может быть получен - - - из более простых понятий" [Вежицкая 1996 295]². Однако значение союза *если* кажется весьма сложным и богатым, по крайней мере, гораздо более богатым, нежели, например, значение временного союза *когда*, который не считается нетолкуемым. Поэтому, естественно, имеются и попытки дать союзу *если* толкование [Гладкий 1982, Ducrot 1972]. Цель этой работы – показать, что в рамках имеющейся семантической теории союз *если* действительно нетолкуем, но при этом в его значении выделяются четкие семантические компоненты. Мы рассмотрим статус этих компонентов и продемонстрируем, что для системного описания семантики союза *если* требуется определенное уточнение существующей семантической теории.

1. Центральные типы контекстов с союзом *если*: союз "*если* гипотезы" Основной тип употреблений союза *если* иллюстрируется следующими примерами

(1) *Если будут пробки (Р), то мы опоздаем на самолет (Q),*

* В работе используется описание союзов *если* и *раз*, которое автор обсуждал на рабочем семинаре сектора теоретической семантики Института русского языка РАН. Автор благодарит всех участников обсуждения за ценные критические замечания. Особую благодарность автор приносит руководителю сектора Ю Д. Апресяну.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 99-04-00420а) и РФФИ (проект № 00-15 98866).

¹ См. большую работу [Храковский 1998], содержащую обзор и интерпретацию условных конструкций и условных союзов в разных языках.

² Эта мысль впервые была высказана А. К. Жолковским, который отнес союз *если* к нетолкуемым, исходным словам, т. е. к тем словам, которые сами не подлежат толкованию, но через которые толкуются другие единицы естественного языка [Жолковский 1964].

(2) *Мы пойдём купаться (Q), если будет хорошая погода (P);*

(3) *Если Петя приехал во вторник (P), он уже все узнал от Андрея (Q).*

Очевидно, что союз *если* в данных случаях – это средство, с помощью которого мы сообщаем, что и P, и Q – это всего лишь наше предположение, наша гипотеза (ср. [Ducrot 1972]), а не описание реального или даже вымышленного положения дел. Именно поэтому во многих языках союз *если* (точнее – его эквивалент в данном языке) требует постановки предиката вводимой им пропозиции в специальное – условное – наклонение³. В каких случаях мы строим такие гипотезы?

Ясно, что говорящий прежде всего не знает, какая ситуация – P или не-P – имеет место в описываемый отрезок времени. Кроме того, говорящий считает, что в этот отрезок времени возможна ситуация P [Грамматика-80; Вежбицкая 1996]. При этом, строя гипотезу ‘P имеет место’, говорящий безусловно отдаёт себе отчет в том, что может иметь место как P, так и не-P [Грамматика-80; Падучева 1985; Ляпон 1986]. Однако гипотеза говорящего не ограничивается содержанием ‘P имеет место’. Говорящий представляет, как развиваются события в рамках его гипотезы, а именно, какая еще ситуация Q, связанная с P, имеет тогда место.

Сказанное можно записать в виде следующего выражения:

(I) *Если P, то Q [Если будут пробки (P), мы опоздаем на самолет (Q)] =*

(Ia) ‘говорящий не знает, какая ситуация имеет место в описываемый отрезок времени’;

(Iб) ‘говорящий считает, что в этот отрезок времени возможна [= может иметь место] ситуация P, возможна [= может иметь место] ситуация не-P’;

(Iв) ‘говорящий представляет [≈ строит гипотезу]: имеет место ситуация P’;

(Iг) ‘говорящий представляет, что в рамках этой гипотезы события развиваются так: имеет место ситуация Q, связанная с ситуацией P’.

В ирреальных контекстах выражение (Iб) модифицируется. Действительно, сравним (I) с ирреальным высказыванием.

(Ia) *Если бы я был директором школы (P), я бы отменил все контрольные (Q).*

Произнося высказывание (Ia), говорящий, скорее всего, не считает ситуацию P возможной – он просто представляет ее. В ирреальных контекстах выражение (Iб) выступает в следующем виде:

(Iб) ‘говорящий представляет, что в этот отрезок времени возможна [= может иметь место] ситуация P’.

Статус выражения (I) будет рассмотрен ниже. Сейчас попытаемся ответить на более частный вопрос: каким образом могут быть связаны ситуации P и Q?

Оказывается, что союз *если* служит для обозначения целого спектра возможных видов связи между двумя ситуациями, хотя и не различает их.

Начнем с логически самой простой связи – причинно-следственной:

³ В русском языке в предложении P (и, соответственно, Q) возможно как изъявительное, так и сослагательное наклонение. Ср. примеры в тексте, а также (а) *Если ты захочешь (P), ты узнаешь много интересного (Q)* VS. (б) *Если бы ты захотел (P), ты бы узнал много интересного (Q)*. Фраза (б) с сослагательным наклонением допускает два понимания: невыполненности условия (‘не захотел и не узнал’) и мягкого пожелания (‘хорошо, чтобы ты захотел’). Неоднозначность снимается контекстом, ср. (в) *Если бы тогда захотел (P), ты бы узнал много интересного (Q)*. “Сослагательное наклонение означает невыполненное условие только в случае лексически или контекстно выраженной отнесенности условия к плану прошлого” [Падучева 1985: 72].

Заметим, что частица *бы(б)*, как правило, располагается непосредственно после *если*, тяготея к слиянию с ним в одно слово. Это отражала старая (до 1918 г.) орфография, в соответствии с которой сочетание *если бы* писалось в одно слово, без пробела. Ср. синонимичный *если бы* союз *кабы*, в котором частица *бы* втянулась внутрь союза: *Эх, кабы на цветы не морозы, / И зимой бы цветы расцветали* (народная песня).

(i) ситуация P является причиной существования ситуации Q.

Ср.

(1) *Если будут пробки (P), мы опоздаем на самолет (Q)* [пробки (P) – причина опоздания на самолет (Q)].

Ср. также

(4) *Если мы не сдадим работу в срок (P), нас лишат премии (Q)* [опоздание к сроку (P) – причина лишения премии (Q)];

(5) *Если они не достали билетов на автобус (P), им придется ехать поездом (Q)* [отсутствие билетов на автобус (P) – причина того, что им придется ехать поездом (Q)].

Две ситуации могут быть связаны и так:

(ii) ситуация P является условием существования ситуации Q.

Ср.

(2) *Мы пойдем купаться (Q), если будет хорошая погода (P)*.

В данном случае ситуация P не создает ситуацию Q, как в примерах выше, а лишь благоприятствует ей, т.е. является условием ее существования. Ср. аналогичный пример

(6) *Если они попадут в Париж (P), то сразу отправятся в Лувр (Q)* [пребывание в Париже (P) – условие посещения Лувра (Q)].

Условную связь между ситуациями естественно усматривать и в примере

(3) *Если Петя приехал во вторник (P), он уже все узнал от Андрея (Q)*.

Во многих случаях, однако, трудно определить, какая связь – причинная или условная – выражается в предложении вида *Если P, то Q*. Ср.

(7а) *Если ты не проспишь (P), ты сможешь увидеть рассвет (Q)*.

Ранний подъем (P) естественно понимать как условие, при выполнении которого можно увидеть рассвет (Q). Но видимо, не менее естественно понимать его и как причину, которая порождает ситуацию 'ты видишь рассвет'. Последнее понимание поддерживается высказыванием

(7б) *Он смог увидеть рассвет (Q), потому что не проспал (P)*.

С логической точки зрения ситуации P и Q в примерах (7а, б) связаны абсолютно одинаково. Однако в (7б) эта связь оформлена с помощью союза *потому что*, т.е. подана как причинно-следственная. Можно подумать, что все дело в гипотетичности или реальности обсуждаемых ситуаций: то, что в рамках гипотезы было условием, ср. (7а), подается как причина, когда речь идет о реальном, осуществившемся положении дел, ср. (7б) (такая точка зрения на причину и условие принимается, например, в [Грамматика-80; Иорданская [1988]). Однако это не так: гипотеза может осуществиться, однако условие некоторой ситуации не станет мыслиться при этом как ее причина. Ср. нормальное высказывание.

(6) *Если они попадут в Париж (P), то сразу отправятся в Лувр (Q)*

и недопустимый пример

(6а) * *Они сразу отправились в Лувр (Q), потому что попали в Париж (P)*.

Ср. также абсолютно нормальный пример

(8) *Если тебя отпустят немного раньше (P), мы поужинаем вместе (Q)*

и прагматически странное высказывание

(8а) *Мы поужинали вместе (P), потому что тебя отпустили немного раньше (Q)*.

Причина и условие не всегда различимы по природе самих вещей. Отметим, что эти языковые концепты лежат в основе философских понятий причины, условия и причинности, однако и с точки зрения философии "различие между причиной и условием относительно" [ФЭС, ст. "Причина и следствие"].

Следующий возможный тип связи между ситуациями иллюстрируется примерами.

(9) *Если американцы первыми полетят на Марс (P), они и на Венеру полетят первыми (Q)*;

(10) *Если он выиграет первенство Европы (P), он и на Олимпиаде станет победителем (Q).*

Очевидно, что, например, во фразе (9) ситуация P ('американцы первыми полетят на Марс') не может быть ни причиной, ни условием ситуации Q, т.е. того, что американцы первыми полетят на Венеру. Фраза (10) тоже не предполагает никакой очевидной связи между двумя ситуациями. Ситуации P и Q связаны в обоих случаях опосредованно – они существуют благодаря одной и той же причине или возникают при одних и тех же условиях: применительно к (9) – это высокий уровень развития науки и техники, в случае (10) это – мастерство данного спортсмена. Обратим внимание на то, что в рассматриваемом случае данная причина (данное условие) реально существует, а не является гипотезой говорящего, как в случаях (i) – (ii). Отчасти в связи с этим во фразах типа (9) – (10) выражается дополнительный модальный смысл: 'говорящий считает, что не может быть так, чтобы ситуация P имела место, а ситуация Q – нет'⁴.

В случае типа (9) – (10) ситуации P и Q связаны так:

(iii) ситуация P и ситуация Q вызваны одной и той же причиной или возникают благодаря одному и тому же условию.

Похожим образом устроены и следующие высказывания, предполагающие ситуацию гадания:

(11) *Если сумма цифр будет четной (P), он позвонит сегодня вечером (Q);*

(12) *Если сейчас из-за угла выедет синяя машина (P), я сдам экзамен (Q).*

Казалось бы, в данном случае между ситуациями P и Q нет никакой логической связи, и тем не менее, эти примеры имеют вполне естественное осмысление. Оно базируется на следующем представлении об устройстве мира. "В мире нет случайностей. Одна и та же сила устраивает все ситуации. Человек не знает, как действует эта сила, поэтому он не знает будущего. Однако даже самая незначительная ситуация P – это проявление действия данной силы. По этому проявлению можно угадать то, как действует данная сила и в очень важном случае, в частности, можно угадать, будет иметь место ситуация Q или не-Q". Иными словами, союз *если* выражает здесь представление о том, что все ситуации имеют какую-то общую, универсальную причину.

Перечисленные типы связи между ситуациями P и Q достаточно легко поддаются формулировке.

Однако во фразах вида *Если P, то Q* может иметься в виду и какая-то совершенно иная связь между ситуациями. Ср.

(13) *Если пойдём в поход (P), обязательно возьмем с собой гитару (Q);*

(14) *Если к нам придут гости (P), мы отведем им самую лучшую комнату (Q);*

(15) *Если она встретит его на улице (P), он отвернется и пройдет мимо (Q).*

Очевидно, что в примерах (13) – (15) связь между ситуациями P и Q не может быть выражена в логических терминах типа причина, условие и т.п. В этих примерах речь идет просто о развитии событий в рамках начатой гипотезы. В (13) и (14) ситуация Q – это, возможно, продолжение мечты говорящего, в (15) – продолжение картины, разворачиваемой его воображением и т.п.⁵

Казалось бы, с учетом всего сказанного компонент (Iг) можно переписать в более четком виде:

(Iг) 'говорящий представляет, что в рамках этой гипотезы события развиваются так: имеет место ситуация Q, причем

P является причиной или условием существования ситуации Q

или

⁴ На наличие этого смысла наше внимание обратил И.М. Богуславский.

⁵ На такие самые обычные, житейские, высказывания, в которых отсутствует сколь угодно четкая каузальная связь между ситуациями P и Q, впервые обратила внимание А. Вежицкая (см. [Вежицкая 1996]).

ситуация Р и ситуация Q вызваны одной и той же причиной или возникают благодаря одному и тому же условию

или

ситуация Р и ситуация Q связаны друг с другом каким-то подобным образом¹.

Но каким же образом связаны Р и Q в примерах типа (13) – (15)? Это какая-то самая естественная, понятная связь, но в языке она остается неназванной, невыраженной.

Способность союза *если* обозначать такую не вполне специфицированную связь ситуаций ярко проявляется в примерах типа

(16) *Если я приду (Р), то не один (Q);*

(17) *Если она полюбит (Р), то навсегда (Q).*

Строго говоря, Р и Q здесь – это не две ситуации, а два фрагмента одной ситуации (ср. *Я приду не один; Она полюбит навсегда*). В данном случае говорящий строит гипотезу (представляет), что имеет место ситуация Р, а затем просто достраивает эту гипотезу. Разумеется, в примерах типа (16) – (17) нет никакой каузальной связи между Р и Q, и хотя сама эта связь кажется очевидной, мы не можем ее эксплицировать⁶.

Итак, существуют примеры с союзом *если*, в которых связь между ситуациями Р и Q не поддается экспликации, ср. (13) – (17). Но это значит, что в значение союза *если* входит некий невербализуемый компонент, которому мы можем дать лишь условное название, метку, например, такую: "глубинная связь ситуаций". Тем самым, значение союза *если* в данном круге контекстов оказывается невербализуемым, нетолкуемым.

Из сказанного следует, что выражение (I) не может претендовать на статус толкования союза *если* – это всего лишь некая дескрипция союза *если*, и к тому же неточная, поскольку неточен ее последний компонент, в каком бы виде – (Iг) или (Iг') – его ни взять. Добавим, что этот компонент содержит еще одну неточность: ситуации Р и Q могут быть не событиями, а одновременными процессами или состояниями, ср.

(18) *Если у него грипп (Р), он ничего не может делать (Q);*

(18а) *Если он знает теорию относительности (Р), он и законы Ньютона знает (Q).*

Очевидно, что к этому случаю неприменима формулировка "развитие событий". И, наконец, в выражении (I) фигурирует слово *гипотеза* и выражения *строить гипотезу*, в рамках этой гипотезы, которые семантически богаче служебного слова *если* и, кроме того, стилистически отмечены.

Нужна ли тогда вообще предложенная дескрипция (I) слова *если*? Быть может, естественно считать, что семантические примитивы вообще не подлежат никакой декомпозиции?

Отметим прежде всего, что даже внутри невербализуемого компонента, который мы назвали "глубинная связь ситуаций" (равно как и внутри компонентов 'причина' и 'условие', претендующих на статус семантических примитивов), выделится некая вполне вербализуемая часть. Это указание на время: ситуация Q имеет место одновременно с Р или позже Р⁷. Этот компонент "запаян" где-то в глубине

⁶ В случаях типа (16) – (17) выражается такой же дополнительный модальный смысл, что и во фразах типа (9) – (10); ср. 'не может быть так, чтобы я пришел не один', 'не может быть так, чтобы она полюбила не навсегда'. (Благодарим за это замечание И.М. Богуславского.)

⁷ Тот факт, что в понятиях причины и условия вычленяется более простое понятие времени, хорошо известен (см. [Апресян 1974: 130]). Отметим, что в некоторых высказываниях ситуация Q как будто предшествует ситуации Р. Ср. *Если я поеду в Вену (Р), куплю себе к поездке новую куртку (Q)*. Однако, как справедливо отмечается в [Храковский 1998: 35 сл.], предложение Р в таких случаях представляет своего рода свертку пропозиции 'Если я буду знать, что Р'. Ср. 'Если я буду знать, что поеду в Вену (Р), куплю себе новую куртку (Q)'

лексемы. Однако выделение его необходимо для описания лексической системы языка.

Действительно, значение 'если' во многих языках выражается не специальным словом, а лексемой многозначного слова типа *когда*. Ср. устаревшее значение русского слова *когда* = 'если', представленное в примерах

(19) *Когда помилует нас Бог, / Когда не буду я повешен, / То буду я у ваших ног, / В тени украинских черешен* (А.С. Пушкин);

(20) *Когда б я был не Иоаннов сын, / Не сей давно забытый миром отрок: / Тогда б... тогда б любила ты меня?...* (А.С. Пушкин).

Ср. также т.н. называемое условное значение англ. *when* и нем. *wenn*, франц. *quand* (основное значение этих союзов – 'когда'). Ср. также данные некоторых австралийских языков, обсуждаемые в [Вежбицкая 1996: 302]. Возможно, мы сталкиваемся здесь с "полисемической универсалией": слово со значением 'когда' нормально развивает значение 'если'.

Как бы то ни было, соответствующую – условную – лексему союза *когда* нужно признать семантическим примитивом. Но для того чтобы описать структуру полисемии слова *когда*, требуется выделить тот общий компонент значения, который объединяет временную лексему *когда* 1 и условную лексему *когда* 2. Отказываясь от попыток выделения внутри лексемы со значением 'если' составных компонентов, мы оказываемся не в состоянии описать хорошо известную многозначность данного временного союза⁸.

Сосредоточимся теперь на других фрагментах семантики союза *если*. Покажем, что в значение союза *если* действительно входят компоненты (Ia) – (Iв), причем их выделение необходимо для системного описания других употреблений данного слова.

2. Союз "если обобщения". Рассмотрим еще один класс контекстов с союзом *если*.

(21) *Если Петя задерживается (P), то мы ужинаем без него (Q);*

(22) *Если шел дождь (P), лепили на веранде из пластилина (Q)* (С. Довлатов);

(23) *Он счастлив (Q), если ей накинет / Боа пушистый на плечо (P)* (А.С. Пушкин).

Очевидно, что примеры типа (21) – (23) описывают не предположение, не гипотезу говорящего, а действительность, реальное положение дел. Рассмотрим сначала, что же сближает эти примеры с уже разобранными.

Союз *если* указывает здесь на ту же связь ситуаций P и Q, что и во всех предыдущих случаях. Так, в (23) ситуация P – это причина счастья субъекта, а в (21) – (22) ситуация P может пониматься как причина или условие существования ситуации Q. Ср. также следующий пример, в котором ситуации P и Q вызваны общей причиной или возникают благодаря одному и тому же условию:

(24) *Если Петя хорошо сдавал физику (P), он и по математике получал отлично (Q).*

При этом союз *если* и в этом круге контекстов может выражать некую неспецифицированную "глубинную связь ситуаций", ср.

(25) *Если Маша идет в театр (P), она обязательно берет с собой бинокль (Q);*

(26) *Если к ним приходят родственники (P), они иногда подают индейку (Q);*

(27) *Если Петя заходит в библиотеку (P), то в первую очередь смотрит свежие журналы (Q).*

⁸ Указание на время, по-видимому, объединяет условное и сопоставительное значение союза *если*. Последнее представлено в примерах типа *Если в Александровском округе климат морской, то в Тымовском он континентальный* (Чехов [МАС]). Попытка выделить подобный семантический инвариант, объединяющий условное и сопоставительное значение союза *если*, содержится в работе [Гладкий 1982]. Заметим, что примеры с сопоставительным союзом *если* допускают естественный перифраз, в состав которого входит слово *время*. Ср. *В то время как в Александровском округе климат морской, в Тымовском он континентальный*.

Отметим, что в данном классе контекстов, как и в предыдущем случае, Р и Q могут быть не двумя ситуациями, а двумя фрагментами одной ситуации, ср.

(28) *Если она едет куда-нибудь (Р), то всегда в сопровождении мужа (Q)* [ср. *Она выходит на улицу в сопровождении мужа*];

(29) *Если он вспоминает о ней (Р), то всегда с неприязнью (Q)*.

Тем самым, в данном случае, так же как и в предыдущем, в значение союза *если* входит невербализуемый компонент, которому мы дали условное название "глубинная связь ситуаций". Быть может, в примерах типа (21) – (27) союз *если* служит только для обозначения связи между ситуациями Р и Q? На наш взгляд, это не так. Рассмотрим примеры данного типа более пристально.

Обратим внимание на то, что Р и Q в составе фраз типа (21) – (27) – это обозначение не конкретной ситуации, а класса ситуаций. Действительно, в данных примерах речь идет о ситуациях, которые повторяются, причем эти повторяющиеся ситуации (например, 'Петя задерживается') подаются как некое обобщенное положение дел. Поэтому употребление союза *если* типично, в частности, в описаниях разного рода примет, ср.

(30) *Если ласточки летают низко (Р), скоро будет дождь (Q)*;

(31) *Если у березы желтеют отдельные ветви (Р), осень будет сухая (Q)* и т.п.

Понимание Р и Q как классов ситуаций обеспечивается, в частности, соотношением видо-временных форм глагола в пропозициях Р и Q⁹. Ср. возможную экспликацию формы глагола в пропозиции Р:

(А) 'ситуация Р повторяется' = 'в период времени Т в какие-то отрезки времени t_1, \dots, t_k имеет место ситуация Р; в какие-то другие отрезки времени t_m, \dots, t_n , которые чередуются с t_1, \dots, t_k , имеет место ситуация не-Р'.

Видо-временная форма глагола пропозиции Q выражает, очевидно, аналогичное значение.

По нашему мнению, союз *если* в рассматриваемых фразах указывает на возможность существования в данный период времени как ситуации Р, так и ситуации не-Р. Ср. экспликацию соответствующего компонента его значения

(а) 'в период времени Т в какие-то отрезки может иметь место ситуация Р, в какие-то другие отрезки времени может иметь место ситуация не-Р'.

На первый взгляд, это указание кажется излишним – союз *если* просто дублирует информацию, передаваемую видо-временной формой глагола. Действительно, из того, что ситуация иногда имеет место, следует, что эта ситуация возможна. Иными словами, компонент (а) значения союза *если* совпадает с возможным смысловым выводом из значения (А) видо-временной формы глагола. Но именно это дублирование поддерживает соответствующее понимание глагольной формы. Такая контекстная поддержка не является семантическим согласованием в строгом смысле слова (см. о нем [Апресян 1995: 13–14]), но очень близка к нему.

Указание на возможность существования как ситуации Р, так и ситуации не-Р отличает (помимо всего прочего) фразы (21) – (27) от очень близких им примеров с союзом *когда*. Ср.

(21а) *Когда Петя задерживался (Р), мы ужинали без него (Q)*;

(22а) *Когда шел дождь (Р), лепили на веранде из пластилина (Q)*;

(25а) *Когда Маша идет в театр (Р), она обязательно берет с собой бинокль (Q)*.

В этих примерах речь тоже идет о повторяющихся ситуациях Р и Q. Из них тоже следует, что в какие-то отрезки времени имеет место ситуация не-Р. Однако данные

⁹ Ср. очевидный пример, в котором повторяемость ситуации выражается видо-временной формой глагола, причем это понимание поддерживается контекстом: *На следующей неделе все повторилось. Петя задерживался, мы ужинали без него*. Данное, краткое, значение видо-временной формы глагола представляет собой разновидность общефактического значения несовершенного вида. Об условиях, благоприятствующих реализации общефактического значения вообще и его разновидностей, см. [Гловинская 1982].

примеры не содержат "лишнего" специального указания на возможность как ситуации Р, так и ситуации не-Р. Другое отличие этих фраз от примеров с *если* состоит в том, что союз *когда* указывает лишь на совпадение ситуаций во времени, но не на их "глубинную связь".

Значение союза *если* в данном круге контекстов можно представить так:

(П) *Если Р, то Q* [*Если Петя задерживается (Р), то мы ужинаем без него (Q)*] =

(Па) 'в период времени Т в какие-то отрезки времени возможна [= можем иметь место] ситуация Р, в какие-то другие отрезки времени возможна [= может иметь место] ситуация не-Р';

(Пб) 'в те отрезки времени, когда имеет место ситуация Р, имеет место ситуация Q';

(Пв) 'Р является причиной или условием существования ситуации Q; или ситуация Р и ситуация Q вызваны одной и той же причиной или возникают благодаря одному и тому же условию; или ситуация Р и ситуация Q связаны друг с другом каким-то подобным образом'.

Союз *если* выражает аналогичное значение в еще одном типе контекстов – в случае, когда актанта ситуации Р представлен существительным в родовом денотативном статусе. Ср.

(32) *Если участник игры набирает больше 10 баллов (Р), он проходит во второй тур (Q)*;

(33) *Если разведчик слишком много знает (Р), от него рано или поздно попытаются избавиться (Q)*.

В подобных случаях речь идет не об отрезках времени, принадлежащих периоду Т, а о множестве Х потенциальных актантов, выполняющих одну и ту же семантическую роль в описываемой ситуации Р. Тем самым, дескрипция (П) выступает в модифицированном виде (упрощенно):

(П') *Если Р, то Q* [*Если участник игры набирает больше 10 баллов (Р), он проходит во второй тур (Q)*] =

(П'а) 'с участниками из множества Х возможна [= может иметь место] ситуация Р, возможна [= может иметь место] ситуация не-Р';

(П'б) 'с ситуацией Р связана ситуация Q'.

Итак, у союза "*если* обобщения" есть две контекстно-обусловленные модификации. Но каков статус самого союза "*если* обобщения"? Можно ли считать его особой лексемой союза *если*? Или это всего лишь отдельное употребление союза *если*, которое не может претендовать на статус особой лексемы, особого значения союза?

Выше мы убедились, что "*если* обобщения" реализуется только в определенных контекстах. Существенно, что "*если* гипотезы" в подобных контекстах невозможен. Действительно, рассмотрим фразу

(34) *Если у Пети много больных (Р), он хорошо зарабатывает (Q)*.

Эта фраза допускает два понимания – "гипотетическое" (ср. *Вдруг у Пети много больных, тогда он хорошо зарабатывает*) и "обобщенное" (ср. *Когда у Пети много больных, он хорошо зарабатывает*). При этом то или иное понимание фразы зависит не только от значения, выражаемого союзом *если*, но и от значения видо-временной формы сказуемых (в Р это "нулевая связка"). В целом, нет такой фразы с союзом *если*, которая могла бы быть понята двояко, причем то или иное ее понимание было бы обусловлено исключительно смыслом союза *если*. Отсюда следует, что "*если* гипотезы" и "*если* обобщения" находятся в дополнительном распределении относительно контекста и, следовательно, "*если* обобщения" нельзя считать отдельной, самостоятельной лексемой. Это контекстно-обусловленная модификация, т.е. употребление, лексемы "*если* гипотезы". Для удобства мы, однако, будем употреблять название "*если* гипотезы" в узком смысле, не применяя его к модификации, названной нами "*если* обобщения".

Впрочем, вопрос о том, представляет ли "если обобщения" самостоятельную лексему или всего лишь употребление союза *если*, является для нас второстепенным. Нам важно, что "если обобщения" можно представить как результат преобразования лексемы "если гипотезы".

А именно, из значения "если гипотезы" устраняются все семантические компоненты, указывающие на знание и мнение говорящего. Это компоненты: (Ia) 'говорящий не знает, какая ситуация имеет место в описываемый отрезок времени'; (Iв) 'говорящий представляет [= строит гипотезу]: имеет место ситуация Р'. Это фрагмент компонента (Iб) 'говорящий считает'. Устранение этих компонентов и преобразует "субъективный" союз "если гипотезы", описывающий размышления человека, в "объективный" союз "если обобщения", описывающий реальное положение дел. Однако это преобразование не затрагивает невербализуемый компонент "глубинная связь ситуаций", благодаря чему союз "если обобщения" тоже нетолкуем.

Данное преобразование семантики союза "если гипотезы" и является свидетельством того, что в значение этой нетолкуемой лексемы входят вполне четкие и, как мы убедились, вербализуемые компоненты.

Наличие у семантического примитива нетолкуемой модификации значения затрагивает ряд теоретических проблем, которые будут обсуждаться ниже. Сейчас перейдем к следующему классу контекстов с союзом *если*.

3. Союз "если данного положения дел". Рассмотрим следующий пример

(35) *Если уж мой лучший друг решил остаться (Р), я остаюсь тоже (Q).*

Союз *если* в этих примерах не вводит никакой гипотезы. Данная фраза не предполагает, что Р и Q – это классы ситуаций. Речь здесь идет просто о данном, конкретном положении дел, о двух конкретных ситуациях Р и Q, имеющих место в определенных отрезки времени. Поэтому назовем слово *если*, представленное в примере (35), союзом "если данного положения дел".

Союз "если данного положения дел" очень характерен для разговорной речи. Ср.

(36) *У него там мать замдекана. – Ну, если у него мать замдекана (Р), он, конечно, будет учиться бесплатно (Q);*

(37) *Я получил пять! – Ну, если у тебя по философии пятерка (Р), то теперь тебе бояться нечего (Q).*

Многие фразы с *если* омонимичны: они могут описывать как гипотезу говорящего, так и данное положение дел. Ср.

(38) *Если Петя плохо понимает алгебру (Р), ему и грамматика будет трудна (Q)* [говорящий не знает, понимает ли Петя алгебру, и строит гипотезу 'Петя плохо понимает алгебру' VS. ситуация 'Петя понимает алгебру' имеет место];

(39) *Если так (Р), я уйду (Q)* [ситуация Р может иметь место реально, но может быть гипотезой говорящего];

(40) *Не унывай, приятель старинный! Если тебя из твоего дома выгнали (Р), в моем доме ты всегда найдешь себе приют (Q)* (И.С. Тургенев).

Эта омонимия снимается широким контекстом, ср. (36) – (40), или определенными лексемами внутри фразы, ср. *уж* в примере (35).

Наличие таких неоднозначных фраз – свидетельство того, что союз "если данного положения дел" является отдельной лексемой союза *если*, противопоставленной лексеме "если гипотезы" (и ее модификации – союзу "если обобщения")¹⁰. Что же выражает лексема "если данного положения дел"?

¹⁰ По-видимому, фразы, содержащие "если данного положения дел", отличаются от фраз с "если гипотезы" (так же как и от фраз с "если обобщения") особым просодическим оформлением. Исследование просодии высказываний с *если* представляет собой отдельную тему.

Прежде всего, очевидно, ту же связь ситуаций, что и союзы "если гипотезы" и "если обобщения". Так, в (35) и (39) ситуация Р является причиной существования ситуации Q; в (36) и (37) ситуация Р – это условие существования ситуации Q; в (38) ситуация Р и Q вызваны одной и той же причиной или возникают благодаря одному и тому же условию. Союз "если данного положения дел" может выражать и невербализуемую неспецифицированную связь ситуаций. Ср.

(41) У них родился мальчик. – Что ж, если родился мальчик (Р), они назовут его Иваном (Q);

(42) Петя сейчас в Москве. – Ну, если Петя в Москве (Р), он, конечно, уже позвонил Маше (Q).

Однако союз "если данного положения дел" обладает и какой-то собственной семантической спецификой. Она хорошо ощущается в следующем примере:

(43) Если мы насладились еще радостным свиданием с супругом, --- если ступаем еще по родной земле (Р), --- вам, вам обязаны тем, мужественные защитники Отечества (Q) (Ф.Н. Глинка).

Интуитивно ясно, что даже обозначая реальное, известное положение дел, союз *если* сохраняет какой-то намек на гипотетичность. А именно, говорящий отдает себе полный отчет в том, что хотя имеет место ситуация Р, но могла бы иметь место ситуация не-Р: 'мы могли бы не насладиться свиданием с супругами, не ступить по родной земле'. На наш взгляд, союз "если данного положения дел" выражает (в частности) следующий смысл: 'по мнению говорящего, могла бы иметь место ситуация не-Р'¹¹.

Для того чтобы убедиться в этом, сравним данный союз с его ближайшим синонимом – союзом *раз*¹². Ср.

(44) Если они уже сейчас ссорятся (Р), то потом лучше не будет (Q);

(44а) Раз они уже сейчас ссорятся (Р), то потом лучше не будет (Q);

(35а) Раз уж мой лучший друг решил остаться (Р), я остаюсь тоже (Q);

(36а) У него там мать замдекана. – Ну, раз у него мать замдекана (Р), он, конечно, будет учиться бесплатно (Q).

Союз "если данного положения дел" почти всегда можно заменить на союз *раз*. При этом союз *раз*, в отличие от *если*, никогда не обозначает гипотезы, поэтому омонимичные фразы типа (38) – (40) после замены союза *если* на союз *раз* становятся однозначными. Ср.

(38а) Раз Петя плохо понимает алгебру (Р), ему и грамматика будет трудна (Q);

(39а) Раз так (Р), я ухожу (Q).

Итак, оба союза указывают на то, что ситуация Р имеет место. Однако высказывания с союзом *если*, в отличие от аналогичных примеров с *раз*, воспринимаются как более мягкие, некатегоричные. В чем здесь дело?

Союз *раз* представляет ситуацию Р как данное [Иорданская 1988]. Но, очевидно, рассматриваемая лексема союза *если* тоже подает ситуацию Р как данное. Однако употребляя "если данного положения дел", говорящий допускает, что могла бы иметь место ситуация не-Р. Так, фраза (35) *Если уж мой лучший друг решил остаться (Р), я остаюсь тоже (Q)* выражает, в частности, следующий смысл: 'мой лучший друг решил остаться; думаю, что его решение могло бы быть и другим'. Фраза (35а), с союзом *раз*, никакого подобного мнения не выражает. Ср. также (38) *Если Петя плохо понимает алгебру (Р), ему и грамматика будет трудна (Q)* ['Петя плохо понимает алгебру; по мнению говорящего, Петя мог бы понимать алгебру хорошо'] VS.

¹¹ В [Храковский 1998] предлагается иная трактовка данного класса контекстов, с которой мы не можем согласиться.

¹² Союзу *раз* посвящена богатая фактическим материалом статья [Иорданская 1988].

(38a) *Раз Петя плохо понимает алгебру (P), ему и грамматика будет трудна (Q)* [‘Петя плохо понимает алгебру’].

Это различие между союзами "если данного положения дел" и *раз* хорошо ощущается при сравнении примеров из научных текстов, ср.

(45) *Мы доказали, что данные прямые параллельны. Но если они параллельны (P), то треугольник ABC – равнобедренный (Q)* [данные прямые могли бы и не быть параллельны, это требовалось доказать];

(46) *Раз магнитные атомы в кристалле расположены периодически и раз они связаны друг с другом обменным взаимодействием (P), то и направления магнитных моментов должны образовывать периодическую структуру (Q)* (Уппсальский корпус) [магнитные атомы в кристалле расположены так-то и связаны друг с другом таким-то образом, это доказано].

Тем самым, союз "если данного положения дел", в отличие от *раз*, содержит модальную рамку, которая выражает мнение говорящего о том, как могли бы в принципе складываться события: говорящий допускает возможность ситуации не-Р.

Отметим, что возможно промежуточное употребление двух лексем союза *если* – лексемы "если гипотезы" и лексемы "если данного положения дел". С помощью союза *если* говорящий тогда выражает не гипотезу, а лишь сомнение в существовании ситуации Р. Ср.

(47) *Она спасла его, выходила после катастрофы. – Ну, если она так преданно ухаживала за ним в больнице (P), он теперь на ней женится (Q)* [в сочетании со специфической интонацией; неохотно соглашаясь с адресатом, говорящий все же допускает возможность существования ситуации не-Р, и даже выражает сомнение в существовании Р].

Для контрастности ср.

(47a) *Раз она так преданно ухаживала за ним в больнице (P), он теперь на ней женится (Q)*.

Семантику лексемы "если данного положения дел" можно описать следующим образом:

(Ш) *Если P, то Q* [Если уж Петя решил остаться (P), я остаюсь тоже (Q)] =

(Ша) 'имеет место ситуация Р';

(Шб) 'по мнению говорящего, могла бы иметь место ситуация не-Р';

(Шв) 'имеет место ситуация Q, связанная с ситуацией Р, причем: Р является причиной или условием существования ситуации Q; или ситуация Р и ситуация Q вызваны одной и той же причиной или возникают благодаря одному и тому же условию; или ситуация Р и ситуация Q связаны друг с другом каким-то подобным образом'.

Очевидно, что лексема "если данного положения дел", подобно лексеме "если гипотезы" и ее модификации "если обобщения", не может быть истолкована: в ее значение входит тот же невербализуемый компонент "глубинная связь ситуаций". При этом союз "если данного положения дел" естественным образом представляется как результат преобразования лексемы "если гипотезы".

А именно, из значения "если гипотезы" устраняются семантические компоненты, указывающие на знание говорящего и на его гипотезу. Это компоненты: (Ia) 'говорящий не знает, какая ситуация имеет место в описываемый отрезок времени'; (Iв) 'говорящий представляет [= строит гипотезу]: имеет место ситуация Р'. Преобразуется компонент толкования, указывающий на мнение говорящего, – он как бы смягчается, превращаясь в модальную рамку. Ср. (упрощенно): (Iб) 'говорящий считает, что может иметь место ситуация не-Р' → (Ш б) 'по мнению говорящего, могла бы иметь место ситуация не-Р'.

В некотором смысле союз "если данного положения дел" занимает промежуточное положение между союзами "если гипотезы" и "если обобщения". Подобно "если обобщения", данный союз, описывает реальное, а не представляемое положение дел. Он

сближается с "если гипотезы", поскольку сохраняет указание на мнение говорящего, причем это мнение включает в себя определенным образом преобразованный компонент 'возможна ситуация не-Р'.

4. **Группа значений "если умозаключения"**. Иногда, употребляя союз *если*, говорящий не просто описывает реальные или представляемые ситуации, но и делает определенное умозаключение, рассуждает о данном положении дел или, шире, об устройстве мира. Наличие такого рассуждения и умозаключения может быть специально выражено лексемой *значит, следовательно* и т.п., располагающейся в начале главного предложения Q. Ср.

(48) *Если жизнь возможна на целом ряде планет (Р), то значит (следовательно) человек может столкнуться с себе подобными не только на Земле (Q).*

В таком контексте могут употребляться все описанные выше лексемы союза *если*. Так, пример (48) содержит союз "если гипотезы". Следующий пример содержит его модификацию – союз "если обобщения", ср.

(49) *Если у Васи по субботам лекции (Р), значит они катаются на лыжах без него (Q).*

В следующую фразу входит союз "если данного положения дел", ср.

(50) *Если уж Маша увольняется (Р), значит надо и мне думать о новой работе (Q).*

При этом не всякий контекст с *если* может предполагать какое-либо рассуждение или умозаключение говорящего, и тогда лексемы *значит, следовательно* и т.п. неуместны. Рассуждение или умозаключение исключено, если говорящий описывает свою решимость сделать что-либо, свои намерения и т.п. Поэтому следующее высказывание аномально, ср.

(51) *Если ты бросишь меня (Р), значит я застрелюсь (Q).*

Ср. правильную фразу

(51а) *Если ты бросишь меня (Р), я застрелюсь (Q).*

Однако в некоторых случаях средством, указывающим на наличие определенного рассуждения, определенного умозаключения говорящего, являются не лексемы *значит, следовательно* и т.п., а само слово *если*. Сравним следующие примеры:

(52а) *Если они успели на последнюю электричку (Р), значит они уже дома (Q);*

(52б) *Если они уже дома (Р), значит они успели на последнюю электричку (Q).*

Для простоты ограничимся одним – гипотетическим – пониманием этих фраз. В обоих примерах ситуация 'они успели на последнюю электричку' является условием, благодаря которому имеет место ситуация 'они уже дома'. Естественно, в обоих случаях предполагается, что ситуация-условие предшествует ситуации-следствию. Фраза (52а) подает это самым естественным образом: условие вводится союзом *если*, помещаясь в придаточное предложение, а следствие оформляется главным предложением. Но в примере (52б) условие и следствие как бы поменялись местами: условие представлено в главном предложении, а союз *если* вводит следствие. Существенно, что эта "рокировка" условия и следствия не связана с лексемой *значит* – ее можно устранить как из (52а), так и из (52б), ср.

(52'а) *Если они успели на последнюю электричку (Р), они уже дома (Q);*

(52'б) *Если они уже дома (Р), они успели на последнюю электричку (Q).*

Очевидно, в (52б) и (52'б) представлена особая лексема союза *если*¹³. Эта лексема, подобно остальным лексемам *если*, описывает глубинную связь двух ситуаций. Однако она указывает и на умозаключение говорящего, на ход его мысли¹⁴. Назовем эту лексему так: "если гипотезы + умозаключения". Ср. еще некоторые примеры с этой лексемой:

¹³ Тем самым, наше описание подобных фраз отличается от их трактовки, предлагаемой в работе [Храковский 1998: 19 сл.], где показателем умозаключения предлагается считать слово *значит*, а союз *если* рассматривается как выступающий в своем основном значении.

¹⁴ Ср. в связи с этим различие двух философских понятий: условия существования и условия познания.

- (53а) *Если он пошел в гости (Р), он взял с собой гитару (Q) ["если гипотезы"];*
 (53б) *Если гитары нет на месте (Р), значит он пошел в гости (Q) ["если гипотезы + умозаключения"];*
 (54) *Если они не дадут денег в долг (Р), у них увеличились расходы (Q) ["если гипотезы + умозаключения"].*

Данную новую лексему можно представить как результат определенного преобразования лексемы "если гипотезы". Это преобразование затрагивает последний компонент дескрипции (I), т.е. (Iг) или его уточненный вариант (Iг'), и состоит в следующем: смысл 'говорящий представляет' заменяется на смысл 'говорящий делает умозаключение', причем ситуации Р и Q в этом компоненте дескрипции меняются местами (т.е. ситуация Q является причиной или условием существования ситуации Р и т.п.). Ср.

(Iг") 'говорящий делает умозаключение, что в рамках этой гипотезы события развиваются так: имеет место ситуация Q, причем: Q является причиной или условием существования ситуации Р; или ситуация Р и ситуация Q вызваны одной и той же причиной или возникают благодаря одному и тому же условию; или ситуация Р и ситуация Q связаны друг с другом каким-то подобным образом'.

Компонент 'говорящий делает умозаключение' может трансформировать и семантику союза "если обобщения". Приведем примеры, ср.

- (55а) *Если у Васи по субботам бывали лекции (Р), Маша ходила на концерт одна (Q) ["если обобщения"];*
 (55б) *Если Маша появлялась на концерте одна (Р), значит у Васи в этот день была лекция (Q) ["если обобщения + умозаключения"];*
 (56а) *Если внук жил не у них, а у другой бабушки (Р), то они могли смотреть по вечерам телевизор, ходить в гости (Q) ["если обобщения"];*
 (56б) *Если они теперь могут смотреть по вечерам телевизор и ходить в гости (Р), значит внук живет не у них, а у другой бабушки (Q) ["если обобщения + умозаключения"].*

Примеры (55а) и (56а) содержат союз "если обобщения". Фразы (55б) и (56б) выражают умозаключение говорящего и содержат трансформацию этого союза. А именно, компонент (Iв) (ср. 'Р является причиной или условием существования ситуации Q; или ...') открывается пропозицией 'говорящий делает умозаключение, что', причем ситуации Р и Q в этом компоненте дескрипции меняются местами, т.е. ситуация Q является причиной или условием существования ситуации Р и т.п. Ср.

(Iв') 'говорящий делает умозаключение, что Q является причиной или условием существования ситуации Р; или ситуация Р и ситуация Q вызваны одной и той же причиной или возникают благодаря одному и тому же условию; или ситуация Р и ситуация Q связаны друг с другом каким-то подобным образом'.

Назовем союз *если*, представленный в (55б), (56б), союзом "если обобщения + умозаключения". Эта новая единица является контекстно-обусловленной модификацией, или употреблением, союза "если гипотезы + умозаключения". Основания для такого описания – те же, что и для признания союза "если обобщения" не отдельной лексемой, а употреблением союза "если гипотезы".

Следующие примеры демонстрируют наличие в языке союза "если данного положения дел + умозаключения", ср.

- (57) *Если уж Петя вчера не смог приехать на лекцию (Р), значит в метро действительно была авария (Q) [ср. "нормальный" порядок Если в метро была авария (Р), Петя не смог приехать на лекцию (Q)];*
 (58) *Я допускаю: мой рассудок в некотором затмении, но ведь я не мальчик, я же знаю, если станция Покров оказалась справа, значит – я еду из Петушков, а не из Москвы в Петушки! (Вен. Ерофеев).*

Лексема *если* в примерах (57) и (58) представляется как результат преобразования лексемы "если данного положения дел", причем это преобразование совершенно

аналогично описанной выше трансформации союза "если обобщения". А именно, последний компонент дескрипции (Шв) 'имеет место ситуация Q, связанная с ситуацией Р' предваряется пропозицией 'говорящий делает умозаключение, что...', а в следующей части этого компонента ('причем: Р является причиной или условием существования ситуации Q; или ...') ситуации Р и Q меняются местами. Ср.

(Шв) 'говорящий делает умозаключение, что имеет место ситуация Q, связанная с ситуацией Р, причем Q является причиной или условием существования ситуации Р; или ситуация Р и ситуация Q вызваны одной и той же причиной или возникают благодаря одному и тому же условию; или ситуация Р и ситуация Q связаны друг с другом каким-то подобным образом'.

В некоторых случаях компонент (Шв), модифицируясь, утрачивает указание на какую-либо логическую связь ситуаций Р и Q: ситуация Р подается лишь как обоснование для умозаключения 'имеет место ситуация Q'. Ср. примеры из [Грамматика-80: 572-573]:

(59) *Если я родился в 1899 году (Р), то, значит, [в момент моего рождения] в мире происходила англо-бурская война, в России уже был основан Художественный театр, в расцвете славы был Чехов (Q) (Ю. Олеша);*

(60) *Я магистр наук, если я вам говорю, что не болит у вас горло (Р), то значит не болит (Q). (К. Коровин).*

Очевидно, что все лексические единицы, образующие группу значений "если умозаключения", являются нетолкуемыми. Действительно, в семантику каждой из них входит невербализуемый компонент с условным названием "глубинная связь ситуаций".

Однако при этом в значении каждой из этих лексических единиц выделяются и вполне четкие и вербализуемые компоненты. Это, во-первых, компонент 'говорящий делает умозаключение' и, во-вторых, все те вербализуемые фрагменты, которые данные единицы унаследовали от своих логически исходных единиц, т.е. союзов "если гипотезы", "если обобщения" и "если данного положения дел" соответственно.

Анализ контекстов, в которых союз *если* служит средством выражения умозаключения, еще раз убеждает в том, что, подвергая союз *если* декомпозиции, мы приобретаем возможность системно описать его разные значения и употребления.

Коснемся теперь того, как эти разные значения и употребления союза *если* компонуются в его словарном описании.

5. Фрагмент структуры полисемии союза *если*. С точки зрения словарного описания выделенные лексемы союза *если* наиболее естественным образом объединяются так:

1.1. "если гипотезы" (*Если будут пробки, мы опоздаем*).

Контекстно-обусловленная модификация: "если обобщения" (*Если Петя задерживается, ужинают без него*).

1.2. "если гипотезы + умозаключения" (*Если они уже дома, они успели на последнюю электричку*).

Контекстно-обусловленная модификация: "если обобщения + умозаключения" (*Если иногда она ужинает одна, значит в эти дни Петя задерживается*).

2.1. "если данного положения дел" (*Если уж Петя уезжает, я уеду тоже*).

2.2. "если данного положения дел + умозаключения" (*Если станция Покров оказалась справа, значит – я еду из Петушков*).

Подчеркнем, что за пределами нашего описания остались многие контексты с *если*.

Во-первых, мы не рассматривали примеры типа: *Если захочешь есть (Р), возьми мясо (Q); Если тебе так холодно (Р), почему ты сидишь в одной рубашке (Q)?; Если хочешь знать правду (Р), отец уехал насовсем (Q)*¹⁵ и т.п. Специфика этих примеров состоит в том, что ситуация Р является причиной, условием или чем-то подобным не ситуации Q как таковой, а речевого акта (т.е. побуждения, вопроса, утверждения и

¹⁵ Последняя фраза – это модифицированный пример из [Иорданская 1988: 243].

т.п.), содержащего пропозицию Q. При этом само предложение Q может представлять собой косвенный речевой акт, ср. пример Дж. Остина: *Если захочешь есть (P), в холодильнике есть мясо (Q)*.

Во-вторых, мы не касались специфического вводного употребления *если*. Ср. *Если верить газетам (P), все было совсем по-другому (Q)*; *Это, если хотите (P), совершенно особый случай (Q)*; *Если помните (P), мы к вам в пятницу заходили (Q)* и т.п.

В-третьих, за рамками нашего описания остались контексты типа *В его глазах он заметил если не страх, то во всяком случае растерянность*.

Наконец, мы не рассматривали сопоставительный союз *если P, то Q*. Ср. *Если кочевые народы занимались скотоводством (P), то оседлые рано достигли высокой культуры земледелия (Q)* (ср., впрочем, сноску 4).

В тех случаях, которые были описаны выше, в семантику союза *если* обязательно входят два компонента – это компонент, указывающий на связь двух ситуаций (в его состав входит, в частности, невербализуемый компонент с условным названием "глубинная связь ситуаций") и компонент (упрощенно) 'возможна ситуация не-P'. Они образуют семантический инвариант рассмотренных лексем *если*.

Однако первый, невербализуемый, компонент смысла вполне самостоятелен – он не привязан к указанию на возможность и может выступать в сочетании с совершенно другими смысловыми компонентами или даже изолированно. Продемонстрируем это на двух примерах. Первый пример – союз *раз*, второй – некоторые внутритекстовые смысловые связи.

6. Союз *раз*. Выше мы убедились, что союз *раз* отличается от своего синонима – лексемы "*если* данного положения дел" – модальной рамкой. Рассмотрим теперь, какую связь между ситуациями выражает данный союз.

Вернемся к уже приводившимся примерам с союзом *раз*, ср.

(35a) *Раз уж мой лучший друг решил остаться (P), я остаюсь тоже (Q)*;

(36a) *У него там мать замдекана. – Ну, раз у него мать замдекана (P), он, конечно, будет учиться бесплатно (Q)*;

(39a) *Раз так (P), я уйду (Q)*.

Очевидно, в этих примерах ситуация P является причиной или условием существования ситуации Q. Видимо, это наиболее стандартный вид связи между ситуациями, оформляемый с помощью союза *раз*.

В следующих фразах ситуации P и Q имеют общую причину или возникают в одних и тех же условиях, ср.

(38a) *Раз Петя плохо понимает алгебру (P), ему и грамматика будет трудна (Q)*;

(44a) *Раз они уже сейчас ссорятся (P), то потом лучше не будет (Q)*.

Однако союз *раз* может выражать и ту неспецифицируемую глубинную связь ситуаций, которую оформляет союз *если*. Это иллюстрирует следующий пример:

(61) *Раз Настя пошла в театр (P), она взяла с собой бинокль (Q)*.

Действительно, здесь речь идет не о том, почему Настя взяла бинокль, а о том, что две ситуации: 'Настя пошла в театр' и 'Настя взяла с собой бинокль' – связаны друг с другом глубинным образом.

Как видим, указание на связь двух ситуаций и, в частности, невербализуемый смысл, названный нами "глубинная связь ситуаций", является компонентом семантики не только союза *если*, но и союза *раз*.

7. Связь ситуаций и семантика текста. Хорошо известно, что между предложениями внутри текста существует некая смысловая связь, благодаря чему каждое предложение текста не просто обозначает ситуацию, но представляет ее во взаимосвязи с другими ситуациями, описываемыми в тексте. Ср.

(62) *Наверняка будут пробки (P). Мы опоздаем на самолет (Q)*.

(63) *На завтра обещали хорошую погоду (P). Можно будет поехать на пляж (Q)*.

(64) *Петя приехал во вторник* (P). Конечно, он уже все узнал от Андрея (Q).

Обратим внимание на то, что в (62) – (64) выражается та же каузальная связь между ситуациями, что и в (1) – (3). Однако в (1) – (3) эта связь оформляется с помощью союза *если*, а в (62) – (64) она выражается не лексически, а самим соположением предложений внутри текста.

Легко убедиться в том, что и другие типы связи между ситуациями, оформляемые с помощью союза *если*, могут выражаться внутри текста бессоюзно. Ср. фразу (9) и следующий текст

(65) *Американцы первыми полетели на Марс* (P). Они и на Венеру первыми полетят (Q).

Соположение предложений в тексте может обозначать и неспецифицируемую "глубинную связь ситуаций", ср. фразы (14) – (15) и следующие тексты:

(66) *К нам приехали гости* (P). Мы отвели им самую лучшую комнату (Q).

(67) *Она встретила его на улице* (P). Он отвернулся и прошел мимо (Q).

Отметим, что соположение предложений в тексте обозначает и такие связи между ситуациями, которые не оформляются с помощью *если*. Ср.

(68) *Дул сильный ветер* (P). Город словно вымер (Q).

(69) *Вокруг стояла полная тишина* (P). Вдруг легкая тень отделилась от соседнего забора (Q).

Описание всех возможных типов связи между ситуациями, обозначаемыми соседними предложениями текста, представляет собой отдельную большую задачу. Для нас существенно, что невербализуемый смысл "глубинная связь ситуаций", так же как и другие типы связи, оформляемые союзом *если*, – это обычные смысловые связи, выражаемые внутри текста. Тем самым, союз *если* просто на просто вобрал в свою семантику некоторые типы внутритекстовых смысловых связей.

Это совершенно закономерно. Союзы как часть речи предназначены для того, чтобы выражать смысловые связи между сопологаемыми предложениями, в частности, уточнять и конкретизировать логические связи между ситуациями, обозначаемыми соседними предложениями текста.

8. Метаязык современной семантики, семантические примитивы и союз *если*. Мы выделили четыре лексемы союза *если*, две из которых имеют еще и контекстно-обусловленные модификации. При этом все выделенные нами лексические единицы нетолкуемы, одна из них считается семантическим примитивом, и при этом все они в определенной степени подвергаются декомпозиции. Эта ситуация далеко не стандартна. Для того чтобы уяснить ее, вспомним основные положения современной семантической теории.

В существующей семантической теории в качестве метаязыка используется естественный язык, точнее – его подъязык, состоящий из относительно небольшого числа слов, взятых в их центральном значении, и достаточно простых однозначных синтаксических конструкций. В этом подъязыке выделяется особая группа лексем, составляющая исходный словарь метаязыка толкований. Эти лексемы участвуют в толковании других лексем, но сами не определяются ни через какие единицы языка. Поэтому их называют семантическими примитивами. Все другие единицы языка сводимы к семантическим примитивам, т.е. могут быть истолкованы через них (если не непосредственно, то на каком-то шаге разложения).

В концепции А. Вежбицкой к семантическому примитиву предъявляется еще одно требование. А. Вежбицка считает, что семантический примитив представляет собой некий универсальный смысл, который поэтому во всех языках имеет материальное воплощение. В [Wierzbicka 1980] это требование представлено в "сильной" формулировке: семантический примитив во всех языках оформляется как отдельная лексема. Заметим, что по данным, приводимым в [Храковский 1998], во многих языках – тюркских, эскимосо-алеутских, тунгусо-манчжурских – условного союза как такового нет: показателем условной связи в них служат различные глагольные формы, ср. для

иллюстрации русск. *Будь ты похитрей (P), давно ходил бы в начальниках (Q)*. Тем самым, условный союз типа русского "если гипотезы" не удовлетворяет сильному требованию универсальности. Позднее А. Вежбицкая сформулировала это требование в более слабой форме: примитивы могут выражаться не только отдельными словами, но и частями слов, а также сочетаниями слов [Wierzbicka 1992]. "Слабому" требованию универсальности союз типа *если* вполне удовлетворяет. В дальнейшем требование универсальности нами не рассматривается.

До недавнего времени считалось, что в языке не существует никаких нетолкуемых лексем, кроме семантических примитивов. Иными словами, подразумевалось, что каждая нетолкуемая лексема участвует в толковании других единиц языка. Ясно, однако, что нетолкуемость и участие в толковании значения других слов, – это два логически независимых требования. Поэтому можно ожидать, что найдется нетолкуемая лексема, не являющаяся примитивом.

Такие лексемы были впервые подробно описаны Ю.Д. Апресяном – это лексемы, являющиеся близкими синонимами семантического примитива. В работе [Апресян 1995] сравниваются лексемы *хотеть* (семантический примитив) и *желать*. Лексема *желать* столь мало отличается от семантического примитива *хотеть*, что, подобно ему, не может быть истолкована – в частности, ее невозможно толковать через значение 'хотеть' и значение еще какой-то лексемы. Глагол *хотеть* выбирается на роль семантического примитива только потому, что он более нейтрален и семантически менее специфичен, т.е. больше подходит для толкования других слов.

Однако очень небольшие смысловые различия могут существовать не только между синонимами, но и между "соседними" лексемами многозначного слова. Тем самым, естественно ожидать, что явление, описанное Ю.Д. Апресяном в области синонимии, встретится и в области полисемии. Анализ лексем союза *если* подтверждает это предположение. Действительно, внутри союза *если* выделяется несколько нетолкуемых лексем. Но требованию участия в толкованиях, предъявляемому к семантическим примитивам, по-видимому, удовлетворяет только лексема "если гипотезы"¹⁶. Она и признается семантическим примитивом. Через остальные лексемы союза *если*, хотя они и нетолкуемы, вряд ли определяется хоть одна единица языка¹⁷.

В целом, граница между семантическими примитивами и "обычными" лексемами оказывается не такой четкой, как представлялась когда-то. Ее размыывают нетолкуемые лексемы, не являющиеся примитивами.

Сосредоточимся теперь на главном требовании, предъявляемом к семантическим примитивам, – требованию семантической неразложимости.

Семантическая неразложимость языковой единицы – это невозможность представить ее значение на предназначенном для этого семантическом метаязыке. Поскольку в современной семантической теории в качестве метаязыка используется естественный язык, то неразложимость лексемы (или другой языковой единицы) – это невозможность представить ее значение в виде выражения на естественном языке. Однако Ю.Д. Апресян продемонстрировал, что семантический примитив, т.е. лексема неразложимая по определению, неэлементарен – он может иметь весьма богатое и сложное значение [Апресян 1979]. В цитированной выше работе [Апресян 1995] этому факту дается теоретическое объяснение. Оно состоит в следующем.

Если глаголы *хотеть* и *желать* синонимичны, то, следовательно, в их значении есть общая часть. При этом *хотеть* является семантическим примитивом, и *желать*

¹⁶ Она входит, например, в толкование граммымы актуально-длительного значения НСВ, ср. (упрощенно) *Белье сохнет* = 'в каждый из последующих моментов белье суше, чем в каждый предшествующий момент; если этот процесс не прекратится, то белье начнет быть сухим' [Гловинская 1982].

¹⁷ Аналогичным образом оказались нетолкуемыми более одной лексемы союза-частицы *и* (см. подробно [Урысон 2000]).

тоже нетолкуем. Получается, что в значении каждого из них есть некая "ядерная" часть, общая для данных синонимов, и какие-то более мелкие семантические компоненты, семантические "добавки", создающие специфичный семантический ореол каждого из этих слов. При этом все компоненты, выделяемые в семантике примитива *хотеть* и его синонима *желать*, невербализуемы – их можно описать с помощью разного рода дескрипций, но нельзя истолковать на естественном языке по правилам толкования значений. Невербализуемые семантические компоненты, более мелкие, чем значение любой лексемы естественного языка, Ю.Д. Апресян, назвал "семантическими кварками". При этом предполагалось, что в нетолкуемой лексеме, в частности – в семантическом примитиве, могут выделяться только кварки.

Лексемы союза *если* опровергают это предположение. В значении лексем союза *если*, наряду с семантическим кварком, выделяются и вполне вербализуемые компоненты: 'знать', 'не знать', 'считать', 'быть возможным'. Без выделения этих компонентов структуру многозначности слова *если* не удалось бы представить в системном виде – именно "игра" этих компонентов создает полисемию союза *если*. Отметим в связи с этим, что дескрипции (I) – (III), хотя и не являются толкованиями, но позволяют системно описать структуру полисемии рассматриваемого слова.

Обратимся теперь к семантическому кварку, выделенному нами в семантике *если*. Он невербализуем, и поэтому ему можно дать лишь условное название, ярлык. В качестве такового мы выбрали выражение "глубинная связь ситуаций". Нужен ли этот конструкт? Выделение его противоречит одному из постулатов существующей семантической теории. Процитируем А. Вежбицкую: "если бы кто-нибудь взялся утверждать, что такое (т.е. содержащееся в разных лексемах слова, но не выражаемое никакой языковой единицей – Е.У.) значение существует, но у нас просто нет слова для его воплощения, я бы повторила вслед за Витгенштейном, что о том, о чем невозможно говорить, следует молчать" [Вежбицкая 1996: 301–302]. Мы, однако, считаем, что данный конструкт безусловно нужен, т.к. он позволяет описать различие между союзом *если* с одной стороны, и словами *условие*, *при условии*, *причина*, *потому что* и т.п. – с другой. Данный семантический кварк входит как составная часть в указание на связь ситуаций, выражаемую союзом *если*. Это указание тоже представляет собой невербализуемую единицу (поскольку содержит в своем составе кварк). Выделение этой невербализуемой единицы тоже необходимо, т.к. позволяет описать близость семантики союза *если* и некоторых внутритекстовых отношений.

Очевидно, что наши данные еще больше размывают границу между примитивами и обычными, т.е. толкуемыми лексемами. В связи с этим мы предлагаем различать два свойства лексемы: толкуемость и разложимость. Разложимость – более слабое свойство. Естественно считать, что лексема семантически разложима, если в ней выделяется хотя бы один семантический компонент, при том что в целом ее значение может быть и невербализуемо. Такой семантический компонент может быть невербализуемым кварком, меньшим, чем любая лексема естественного языка. Однако это необязательно: такой семантический компонент может быть и вполне вербализуемым. Ср. перечисленные выше компоненты, выделяемые в семантике союза *если*.

Теоретически возможны следующие ситуации: 1) лексема нетолкуема и неразложима (т.е. представляет собой "семантический монолит"; в настоящее время нам неизвестны такие единицы); 2) лексема нетолкуема, но разложима (ср. *хотеть* и *желать*, "если гипотезы"). При этом ситуация (2) включает два случая: а) в значении лексемы выделяются только семантические кварки (таковы, по-видимому, глаголы *хотеть* и *желать*); б) в значении лексемы выделяются и кварк(и), и вербализуемый компонент или компоненты (ср. лексемы союза *если*). Во всех случаях лексема может быть объявлена семантическим примитивом.

Каков синтаксис компонентов, выделяемых в значении нетолкуемой единицы? Можно предположить, что невербализуемые семантические компоненты, т.е. кварки, могут быть не связаны никакими синтаксическими отношениями. Однако вербали-

зуемые компоненты могут образовывать и нормальные высказывания, ср., например, компонент (I6) выражения (I): 'говорящий считает, что в этот отрезок времени возможна [= может иметь место] ситуация P, возможна [= может иметь место] ситуация не-P'. В целом вопрос о синтаксисе семантического разложения, не являющегося толкованием, остается открытым.

Рассмотрим теперь вопрос о метаязыке семантики, т.е. о том языке, на котором представляется семантика языковых единиц.

Ю.Д. Апресян, предложивший различать национальную (поверхностную) и универсальную (глубинную) семантику, высказал предположение, что каждая из них нуждается в своем языке описания. "С помощью семантического языка, мыслимого как подъязык языка-объекта, хорошо описывается, главным образом, национальная семантика. Универсальная (cross-cultural, глубинная) семантика должна строиться, по-видимому, на основе искусственного логического языка, словами которого будут подлинные семантические примитивы – пересекающиеся части квазипереводящих слов естественного языка. Это своего рода семантические кварки – реально существующие смыслы, никогда не материализуемые в словах естественного языка" [Апресян 1995: 481].

Наш материал демонстрирует, что для описания национальной семантики тоже недостаточен семантический метаязык, представляющий собой подъязык языка-объекта: для того чтобы описать полисемию союза *если*, а также выявить его место в семантической структуре языка, требуется выделить в значении данного слова невербализуемый семантический кварк.

Действительно, если согласиться с тем, что для представления нетолкуемой лексемы исследователь вправе пользоваться не толкованием, а семантическим разложением – в том смысле, как оно определено выше, – то придется включить данный семантический кварк в метаязык семантики. Иными словами, метаязык семантики нужно расширить, предусмотрев в его словаре особые невербализуемые единицы – "долексемные семантические элементы". Существенно, что союз *если* не является каким-то особым, уникальным словом, которое чуть ли не единственное в языке требует расширения имеющегося метаязыка. Выделение семантических кварков необходимо для описания многих слов русского языка, в том числе, не являющихся семантическими примитивами; см. наш анализ различных лексем в работах [Урысон 1996; 1998; 2000].

Надо сказать, что Ю.Д. Апресян выявил ряд кварков, которые безусловно необходимы для описания национальной семантики. Это, например, "стативность", частеречная семантика и некоторые другие смыслы, которые в [Апресян 1980] были названы нетривиальными семантическими признаками, а в [Апресян 1995: 482] охарактеризованы как "подлинные семантические примитивы". Каждый нетривиальный семантический признак "отражает определенную семантическую особенность слова, но не дублирует ее целиком" [Апресян 1980: 27]. При этом нетривиальный семантический признак, например, "стативность", приписывается группе слов (т.н. стативам), обладающих "сходством реакций {...} на другие языковые единицы разных уровней (морфологического, синтаксического, семантического)" [Апресян 1995: 482]. Поскольку это сходство реакций "семантически мотивировано", то "мы обязаны предположить наличие в их значениях некоего общего смысла" [Там же].

Ясно, что указание на связь ситуаций, выражаемое союзом *если*, и, в частности, семантический кварк "глубинная связь ситуаций" не являются нетривиальными семантическими признаками – данные семантические кварки составляют самую суть семантики союза *если* и при этом никак не мотивируют особенностей его поведения.

Итак, в семантике союза *если* выделяется семантический кварк, не являющийся нетривиальным семантическим признаком. При этом данный семантический кварк не представляет собой общую (пересекающуюся) часть лексем *если*, *if* и т.п. Следовательно, данный семантический кварк принадлежит к какому-то иному, еще не описанному, типу кварков. Он участвует в семантическом разложении лексем союза *если* (в

том смысле, как мы определяем разложение лексемы) и поэтому должен быть включен в метаязык для описания национальной семантики.

Использование в семантическом метаязыке искусственных единиц для описания национальной семантики отнюдь не является новшеством. Как известно, "вплоть до начала 80-х годов считалось, что основу словаря семантического метаязыка (список семантических примитивов) составляют искусственные слова, слова-конструкты (...)" (ср. 'каузировать', 'поток фактов') [Апресян 1995: 466–467]. Эти конструкты должны были быть очищены от разного рода смысловых нюансов, ассоциаций и т.п., присущих словам естественного языка. В этом смысле они сближаются с тем семантическим кварком, который представляет собой пересекающуюся часть квазипереводящих друг друга слов естественного языка. Однако мы предлагаем ввести в семантический метаязык "долексемный семантический элемент", меньший таких искусственных примитивов. При этом он больше нетривиального семантического признака в том смысле, что, в отличие от такого кварка, составляет ядро семантики лексемы.

Можно предположить, что количество "долексемных семантических элементов", т.е. достаточно крупных семантических кварков, достаточно велико. При этом они обладают не только лингвистической, но и психологической реальностью. Действительно, вряд ли, формируя высказывание, человек просто "обрабатывает" имеющуюся в сознании семантическую сеть, которую ему осталось только вербализовать. Вряд ли человек думает словами. Если бы это было так, никому не приходилось бы подыскивать нужное слово для выражения мысли, никогда бы не возникало ощущение, что содержание, выраженное словами, не вполне адекватно замыслу ("мысль изреченная есть ложь"). Можно думать, что на каком-то этапе "долексемные семантические элементы" участвуют в формировании смысла высказывания и лишь затем этот первичный смысл превращается в вербализуемое семантическое представление высказывания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю.Д. 1974 – Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
Апресян Ю.Д. 1979 – Английские синонимы и синонимический словарь // Англо-русский синонимический словарь. М., 1979.
Апресян Ю.Д. 1980 – Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели "СМЫСЛ ↔ ТЕКСТ" // Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 1. Wien, 1980.
Апресян Ю.Д. 1995 – О языке толкований и семантических примитивах // Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
БАС – Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л. 1948–1956.
Вежбицкая А. 1996 – Язык. Культура. Познание. М., 1996.
Гладкий А.В. 1982 – О значении союза "если" // Семиотика и информатика. Вып. 18. М., 1982.
Гловинская М.Я. 1982 – Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
Грамматика-80 – Русская грамматика. Т. I–II. М., 1980.
Жолковский А.К. 1964 – Лексика целесообразной деятельности // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 8 / I Московский государственный педагогический институт иностранных языков. Труды института. М., 1964.
Иорданская Л.Н. 1988 – Семантика русского союза *раз* (в сравнении с некоторыми другими союзами) // Russian linguistics 1988. V. 12. № 3.
Ляпон М.В. 1986 – Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М., 1986.
МАС – Толковый словарь русского языка в четырех томах. Т. 1–4. М., 1985–1990.
Падучева Е.В. 1985 – Высказывание и его соотношенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985.
Упсальский корпус – Машинная база к Частотному словарю под ред Л. Леннгрена.

- Урысон Е.В. 1996 – Синтаксическая деривация и "наивная" картина мира // ВЯ. 1996. № 4.
- Урысон Е.В. 1998 – Языковая картина мира VS. обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // ВЯ. 1998. № 2.
- Урысон Е.В. 2000 – Русский союз и частица *и*: структура значения // ВЯ. 2000. № 3.
- ФЭС – Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
- Храковский В.С. 1998 – Теоретический анализ условных конструкций (семантика, исчисление, типология) // Типология условных конструкций / Отв. ред. В.С. Храковский. М., 1998.
- Ducrot O. 1972 – Dire et ne pas dire. Paris, 1972.
- Wierzbicka A. 1980 – Lingua mentalis: the semantics of natural language. Sydney, 1980.
- Wierzbicka A. 1992 – Semantics, culture, and cognition. Universal human concepts in culture-specific configurations. New York, Oxford, 1992.

© 2001 г. Г.Е. КРЕЙДЛИН, Е.А. ЧУВИЛИНА

УЛЫБКА КАК ЖЕСТ И КАК СЛОВО

(к проблеме внутриязыковой типологии невербальных актов)

*Еще в ребячестве, бессмысленный и злой,
Я встретил старика с плешивой головой.
С очами быстрыми, зеркалом мысли гибкой,
С устами, сжатыми наморщенной улыбкой.*

А. Пушкин

ВВЕДЕНИЕ

Примерно сорок лет тому назад замечательный русский лингвист А.А. Реформатский впервые в отечественной научной литературе поставил вопрос о характере и способах совместного существования в одном коммуникативном акте нескольких знаковых систем [Реформатский 1963]. В его статье были затронуты самые разные проблемы, относящиеся к особенностям функционирования в речи знаков разной природы и к анализу их поведения в интерактивной деятельности. По мнению А.А. Реформатского, в акте устного общения никогда не происходит простое кодирование или перекодирование смысла. В нем сосуществуют параллельно разные системы обработки знаковой информации, и, процитируем ученого, "хотя они как-то и конкурируют в принципе, но не накладываются друг на друга, а представляют собой более сложное соотношение". Особенно важным для построения лингвистической теории диалога и общей теории знаковой коммуникации А.А. Реформатский считал выявление и описание разных возможных соотношений между языковыми и неязыковыми знаковыми кодами и построение типологии выделяемых в ходе такого анализа единиц и категорий.

Именно проблеме соотношения вербальных и невербальных знаков и посвящена наша работа. Основное содержание ее составляет описание относительно небольшого фрагмента научного проекта, который был задуман и начат два года тому назад и главной целью которого является построение **внутриязыковой (русской) семантической типологии невербальных жестов и невербальных актов в их соотношении с вербальными**. Исследование русских жестов и жестовой коммуникации проводилось и проводится нами по сей день вместе с группой студентов и аспирантов-лингвистов из Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) и Московского государственного университета (МГУ). Все они являются участниками еженедельного рабочего семинара по невербальной семиотике, заседания которого проходят на кафедре русского языка Института лингвистики РГГУ в течение уже восьми лет под руководством одного из авторов доклада.

Предлагаемое ниже **аналитическое описание основных типов русских жестов-улыбок и их естественно-языковых номинаций** является необходимым начальным этапом на пути построения семантической типологии русских улыбок. Оно родилось на перекрестке нескольких научных традиций, среди которых назовем в первую очередь работы по невербальной семиотике – паралингвистике, кинесике, гаптике, окулесике и

др. (см., например, [Крейдлин 2001; Крейдлин, Григорьева, Григорьев 1996; Григорьева, Григорьев, Крейдлин 1996; Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001]) и исследования по семантике, выполненные в рамках Московской и Польской семантических школ (И.А. Мельчук, А.К. Жолковский, Ю.Д. Апресян и их коллеги и ученики; А. Вежицкая и А. Богуславский), а также Московской типологической школы (А.Е. Кибрик, его сотрудники и ученики).

В основе представляемого здесь исследования лежит целый ряд теоретических и методологических положений, и одной из важных задач мы считаем эксплицитное формулирование и обоснование большей части из них.

Выдвигаемые положения удобно разделить на две группы. В первую группу попадают утверждения и гипотезы, касающиеся невербальных знаков и невербальных коммуникативных актов вообще, а во вторую – допущения, относящиеся непосредственно к улыбкам.

I

(1) Невербальные семиотические коды в коммуникативном акте тесно взаимодействуют с естественным языком, а потому моделирование интерактивной коммуникативной деятельности невозможно без изучения и описания механизмов такого взаимодействия.

(2) Базой для внутриязыковой типологии невербальных актов и метаязыком для их описания должен стать особый **семантический язык**, один и тот же как для невербальных, так и для вербальных актов. Мы убеждены, что только на общем и прочном **семантическом фундаменте** можно достичь внутренней целостности невербальной семиотики и не менее желательной **интеграции невербальной семиотики и лингвистики в рамках общей теории коммуникации**. Этот метаязык должен быть семантическим языком **пропозиционального типа**, призванным отражать мыслительные, психологические, ценностные или какие-то иные установки жестикулирующего (говорящего). Таким образом, в качестве единиц языка описания значений улыбок не могут выступать выражения типа "жесты приветствия" или "улыбки радости", каковые присутствуют в подавляющем большинстве известных нам жестовых словарей и описаний. Подобные выражения годятся только для обозначения лексикографических типов (в смысле Ю.Д. Апресяна) соответствующих знаковых кинематических единиц и не могут служить толкованиями отдельных элементов жестовых языков. Действительно, если строить толкование только с помощью подобных, так сказать, семантических "атомов" или "молекул", то получается, что все жесты, объединенные, например, под рубрикой "улыбки радости" или под рубрикой "жесты прерывания контакта", следует рассматривать как полностью синонимичные, что заведомо неверно.

(3) Выдвигая тезис о целесообразности и возможности построения единого метаязыка для описания значений невербальных и вербальных единиц, мы вполне осознаем **качественное отличие невербальных знаков от вербальных**, а потому отдаем себе отчет в том, что семантическое описание слов и словосочетаний, обозначающих улыбки, вообще говоря, отличается от семантического описания самих улыбок.

В данной работе, и это крайне существенно, описываются именно **невербальные единицы** (хотя они и постоянно соотносятся с языковыми выражениями).

(4) Необходимо отличать анатомию и физиологические свойства лица, а также психологические характеристики человека, которые передаются мимическими жестами, от **семантики самих выражений лица**, или, в нашей терминологии, **мимических жестов**. По этой причине структурные и психологические типы улыбок могут вполне расходиться с семантическими.

(5) Жесты, которые мы понимаем достаточно широко и под которыми имеем в виду кинемы рук, ног и головы (термин *кинема* впервые ввел в научный обиход основатель науки о жестах – кинесики, американский антрополог Р. Бирдвистел), выражения лица,

или мимические жесты, знаковые статические положения тела – позы – и знаковые телодвижения, имеют свой собственный синтаксис, причем двух типов: **внутренний**, задаваемый правилами комбинаторики и упорядочивания разных видов жестов, и **внешний**, обуславливающий правильную сочетаемость в устном коммуникативном акте невербальных единиц с единицами естественного языка – словами, словосочетаниями, предложениями.

б) Для более строгого и адекватного описания семантики жестов, в том числе с позиций "человека с улицы" (термин А. Вежбицкой), часто бывает необходимо **выйти за пределы лингвистики и прибегнуть к помощи других наук**¹. Сказанное отнюдь не означает, что успешный результат в виде экстралингвистического анализа языкового или семиотического явления должен непременно найти именно **лексикографическое отражение**, соответственно, в лингвистическом или жестовом словарях, ориентированных на рядового носителя языка и культуры. Однако внелингвистические научные интерпретации и объяснения, подкрепляющие и поддерживающие языковую интуицию, на наш взгляд, почти всегда помогают вскрыть побудительные причины и – независимо от интуиции и опыта конкретного исследователя – более аргументированно обосновать необходимость включения тех или иных смысловых единиц в толкование или в другие части семантического представления жестовой лексемы. Мы полагаем, что подобные объяснения способствуют большей объективизации, а тем самым большей точности и формальной строгости описания, и потому их поиск может и должен стать одним из важных инструментов и принципов современной невербальной семиотики и лингвистики.

Теперь сформулируем ряд гипотез и положений, относящихся к собственно улыбкам.

II

(7) У жестов-улыбок имеется контекстно-независимый смысловой инвариант, по всей видимости, универсальный, не зависящий от культурных и языковых локальных конвенций (гипотеза А. Вежбицкой), что объясняет, в частности, почему эти жесты объединились в один языковой класс под именем *улыбки*.

Однако

(8) улыбка для нас это не один жест, как, например, для А. Вежбицкой, а **класс семантически разнородных жестов**, причем смысловое разнообразие и соответствующее ему разбиение всех жестов-улыбок на классы является, по всей видимости, **культурно специфичным**. Русские улыбки, вообще говоря, отличны от китайских, польских или французских улыбок по смыслу и по функциям, по формальному строению и коммуникативному поведению, а также по ситуациям использования.

Действительно, исполнение и использование многих жестов, включая улыбки, являются культурно обусловленными, то есть зависят от культурных требований и предпочтений [Эфрон 1972; Кейдон 2000]. Так, в отличие от европейских, азиатские культуры ориентированы не столько на раскрытие индивидуальности каждого отдельного ребенка, на идеалы просвещения и цивилизации и на жизненный успех как на основной результат, сколько на **нормативное воспитание личности**, то есть на воспитание в соответствии с существующими в обществе принципами и моделями жизни: религиозными и культурными традициями, духовными и моральными ценностями, поведенческими стереотипами и человеческими образцами. Такое воспитание предполагает и в последующей жизни следование особому устойчивому укладу, стилю отношений и поведения, а также способам и приемам этикетного общения, плохо понятным, например, европейцам.

¹ Формулируемое положение – гуманитарная интерпретация теоремы Геделя о неполноте – *mutatis mutandis* становится постепенно важнейшим принципом современной науки вообще.

Вот что пишет, например, о японском этикете, японской улыбке и соответствующем невербальном коммуникативном акте О. Клинеберг: "Японская улыбка вовсе не обязательно является самопроизвольным выражением удовольствия; она подчиняется нормам и законам японского этикета, развиваемого и культивируемого в обществе с самых юных лет. Этот молчаливый язык, по-видимому, бывает часто плохо понятен и трудно объясним европейцам, и, как следствие, может вызывать у них непреодолимую неприязнь и ярость. Японский ребенок с детства учится улыбаться как некой социальной обязанности точно так же, как он учится кланяться или падать ниц. На лице японца всегда должно быть выражение радости, чтобы не навязывать друзьям и знакомым свою грусть или печаль" [Клинеберг 1935: 285–286].

В другой статье отмечается следующее различие в ситуациях употребления улыбок у американцев и корейцев: "Американские жених и невеста во время брачной церемонии улыбаются, выглядят счастливыми, а в Корее ни жениху, ни невесте улыбаться не положено. Если невеста улыбается, то у нее первой родится девочка, а это совсем не желательно. Поэтому отсутствие улыбки на лице, помимо того, что отражает идею подчеркнутого приличия и скромного поведения, идущую от давнего этикета времен Конфуция, служит также вполне осознанным и практически полезным инструментом, предотвращающим появление нежелательного события. По этой причине корейские жених и невеста остаются серьезными и до, и во время, и непосредственно после брачной церемонии" [Ким 1978: 2–3]. А в некоторых культурах, например в малайской, в целом ряде формальных ситуаций запрещены все жесты, даже взгляды, выражающие добрые чувства к адресату. В малайской культуре, как и в корейской, жених и невеста на свадьбе не должны улыбаться друг другу. Когда мужчина еще только начинает ухаживать за женщиной, обоим тоже предписывается тщательно скрывать свои чувства и не улыбаться. В противном случае "им же самим будет стыдно (*malu*)", а оценка *malu* 'стыдно' является резко отрицательной характеристикой поведения в малайском обществе.

Приведем, наконец, один литературный пример, показывающий восприятие французских улыбок русским человеком, оказавшимся в Париже: (1) *Никто здесь не знал ни его имени, ни национальности, ни положения, и Тамарин понимал, что, если он скоропостижно умрет в кофейне, то и приветливая хозяйка, и приветливый гарсон нисколько не огорчатся – разве что пожалеют, что стало одним клиентом меньше. Но в самых формах этих, в радостных улыбках... была человеческая приветливость, от которой он совершенно отвык в Москве* (Алданов. Начало конца).

(9) Русские улыбки тоже семантически отличаются друг от друга. Ср. в этой связи очень важное для нас замечание Е.В. Урысон, сделанное ей в словарной статье синонимического ряда слов *улыбка, усмешка, ухмылка* в [НОСС 2000: 366]: "Обычно улыбка выражает радость или другое подобное чувство, приятное субъекту, ср. *Он смотрел на нее с радостной (влюбленной, веселой) улыбкой*. Однако это может быть и весьма сложное чувство, в котором достаточно велика доля интеллектуальной оценки, причем радость переплетается с чувствами, неприятными субъекту, например, с печалью или злостью. Ср. *Он слушал ее с горькой (печальной) улыбкой; Он смотрел на нее со злорадной (издевательской, насмешливой) улыбкой*. В связи с этим улыбка может оцениваться как положительно, так и отрицательно. Ср. *На ее лице появилась приятная (неприятная) улыбка; От этой ужасной улыбки ее бросило в дрожь*".

Действительно, хотя улыбка – это типичное, стереотипное проявление счастья, радости, удовольствия, благодарности, восторга и других позитивных чувств, люди не так часто в каждый данный момент испытывают ровно одно, причем именно положительное, чувство, и улыбка передает всю сложность и разнообразие испытываемых переживаний и ощущений. Вообще, мимические выражения по большей части представляют собой комбинацию чувств, и именно поэтому разные улыбки воспринимаются людьми как разные жестовые единицы, что подтверждается многочисленными полевыми и лабораторными исследованиями. Так, *нервная улыбка*, как и

нервный смех, в отличие, скажем, от **веселой улыбки**, больше говорит о напряженном актуальном состоянии улыбающегося или даже о том, что он все время находится в нервном напряжении, чем о том, что он чувствует что-то хорошее (у некоторых людей такая улыбка вообще стала постоянной привычкой и *не сходит с их лица*). Смысловые компоненты, отвечающие за передачу позитивных чувств, тут как бы уходят на задний план, а в фокусе жеста **нервной улыбки** выступают совсем иные элементы.

Разумеется, восприятие улыбок зависит от самых разных факторов, а не только от конкретного значения, которое имеет та или иная улыбка. В частности, интерпретация улыбки зависит от ситуации, в которой возникает жест, от состояния адресата, воспринимающего улыбку, от степени его знакомства с субъектом, от того, как адресат к субъекту относится, и т.п. С одной стороны, многие улыбки, например **нормальная, искренняя, приветливая улыбка**, обладают в акте коммуникации огромной силой иллюкативного вынуждения и связанным с ней любопытным свойством: встречаясь с **искренней, приветливой улыбкой**, ей очень трудно противостоять и, как мы говорим, *не улыбнуться в ответ*. Отсутствие улыбки в таких случаях воспринимается как непонятное или агрессивное поведение, см. (2) *Это был очень старый, видимо, с трудом передвигающийся человек угрюмого вида. Он почти не улыбнулся в ответ на улыбку Кангарова и не объяснил цели своего приезда: ясно и без того. "Кажется, немой из Портичи", – шепнул по-русски Базаров. Посол на него покосился и торопливо пошел навстречу входившему в вестибюль церемониймейстеру* (Алданов. Начало конца). Больше того, отсутствие ответной улыбки может даже привести к коммуникативному провалу, подобному тому, какой бывает в ситуации незамеченной или как бы незамеченной руки, протянутой в знак приветствия. С другой стороны, люди на улыбки часто никак не реагируют – хотя бы по той простой причине, что они вообще довольно сильно отличаются по своим способностям откликаться на чувства и переживания других. А еще бывает и так, что человек, квалифицирующий данную конкретную улыбку, обращает внимание на одни эмоции, пренебрегая другими, например, видит в направленной на него улыбке проявление самодовольства, а не, скажем, радости. Именно в этих случаях при языковом описании улыбок появляются разного рода слова, чаще всего прилагательные, обозначающие, по мнению говорящего, главные эмоции, испытываемые в данный момент человеком, ср. *самодовольная улыбка vs. радостная улыбка*.

Между тем – и это принципиальное для нас положение – иное словесное обозначение улыбки еще не означает, что перед нами другая улыбка, другой жест. Разные словесные обозначения улыбок могут вполне соответствовать одной жестовой форме, ср., например, **широкая улыбка, открытая улыбка, белоснежная улыбка** или **белозубая улыбка**, как в предложении (3) *Здравствуйте, друзья – промолвил обладатель белозубой, открытой улыбки и национальной гордости; именно промолвил – трудно было применить другой глагол к его неторопливому аккуратному выговору с заметным акцентом*.

С другой стороны, улыбки могут существенно различаться по смыслу, и главным поверхностным показателем смысловых расхождений, как и в естественном языке, является модифицированная форма. Кроме того, у разных смысловых типов русских улыбок, бывают, вообще говоря, разные контекстные жестовое, а возможно также языковое или параязыковое, сопровождения. Например, при **широкой улыбке** обнажены оба ряда зубов, что придает лицу несколько агрессивный вид, о чем писал еще Ч. Дарвин [Дарвин 1872/1965]; при этом за **широкой улыбкой** часто следует смех, а глаза улыбающегося смотрят на адресата или на объект, вызвавший улыбку. В то же время **застенчивая улыбка**, ср. (4) – *Фамилия твоя какая? – спрашивает он. – Кривомазов, отвечал я, подделывая застенчивую улыбку, и он гладил меня по голове и кормил конфетами* (В. Пелевин. Омон Ра), больше похожа не на **широкую**, а на **нормальную, обычную**, или, как ее еще называют, **естественную улыбку**, поскольку

ку и при застенчивой и при нормальной улыбках виден только верхний ряд зубов. Однако застенчивая улыбка отличается по своей форме также и от нормальной улыбки: при производстве застенчивой улыбки, в противоположность нормальной, верхние зубы обычно приходят в контакт с нижней губой, а в некоторых вариантах физической реализации даже чуть ее прикусывают. К тому же голова улыбающегося застенчивой улыбкой всегда слегка опущена, и он никогда не смотрит партнеру в глаза.

Смысловые элементы, которые различают русские улыбки и которые составляют базу для семантической типологии, образуют дополнение инварианта до конкретного смыслового наполнения того или иного вида улыбок.

(10) Семантический анализ улыбок, понимаемых как жестовые знаки, должен быть непосредственно связан с их морфологическим и структурным анализом, с выделением и описанием типовых кругов употреблений каждой из выделяемых единиц. У русских улыбок разных видов круг употреблений и набор согласующихся с улыбкой жестовых и речевых выражений, вообще говоря, разный.

* * *

Обоснование сформулированных гипотез и утверждений непосредственно связано, во-первых, с практической ориентацией нашей работы на будущее лексикографическое, словарное, представление собранной кинетической информации в особом словаре русских улыбок, о котором мы еще скажем чуть позже, во-вторых, с естественно-языковым отображением жестов-улыбок и на возможность параллельного этим жестам кинетического, речевого и параречевого сопровождения, и в-третьих, с определением особенностей функционирования русских улыбок в текстах разных жанров и стилей.

§ 1. АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ОСНОВНЫХ ИДЕЙ И РЕЗУЛЬТАТОВ, СВЯЗАННЫХ С АНАЛИЗОМ УЛЫБОК

Итак, основным объектом нашей работы являются невербальные единицы – улыбки.

С физиологической точки зрения улыбку можно описать как деятельность мускулов лица, в результате которой растягиваются губы. Авраам Линкольн как-то сказал: "The Dear Lord gave us our face, but we make our own mouth" 'Наше лицо нам дал Господь, но рот мы делаем себе сами'. С улыбки матери, с улыбки и голоса ребенка начинается жизнь человека на земле. Улыбающееся лицо матери является наиболее эффективным стимулом, на который способен реагировать младенец на самой ранней стадии своей жизни. Крупнейший теолог нашего времени Ганс Урс фон Балтазар во время своей последней лекции в 1988 году произнес такие слова: "Ребенок пробуждается к сознанию только любовью, улыбкой своей матери. В этой встрече открывается горизонт бесконечного бытия".

Первую улыбку на лице младенца можно заметить на 8-ой –10-й день его жизни, однако на такой ранней стадии развития улыбку бывает очень трудно каждый раз соотносить с каким-то одним, строго определенным стимулом: как показали многочисленные наблюдения, улыбки младенца возникают как реакции на самые разнообразные факторы. Между тем есть много данных, говорящих о том, что даже в этот период улыбка является знаком, обращенным к адресату, и всегда выражает желание ребенка получить что-то или от чего-то избавиться. По мере взросления человека его улыбки становятся еще более определенным знаком, и в норме улыбка означает 'удовольствие, радость, счастье'. Жесты широкая улыбка и обычная улыбка являются как раз носителями этих позитивных смыслов.

Большая часть улыбок представляет собой прагматически освоенные жесты, то есть единицы, ставшие устойчивыми и привычными для людей данного этноса или

данной культуры. Они сравнительно часто используются и стандартно интерпретируются людьми в процессе устного общения, в то время как противопоставленные им **прагматически неосвоенные единицы** употребляются в коммуникативном акте в гораздо меньшей степени и даже далеко не всегда распознаются как жесты. Прагматически освоенные улыбки входят в центр невербальной системы русского языка тела, а неосвоенные – в ее периферию или вообще еще только находятся на пути в лексикон рассматриваемого невербального языка. Важным показателем того, что улыбка относится к прагматически освоенным жестам, является наличие у нее стандартного языкового обозначения в виде закрепленной номинации (а чаще – нескольких синонимичных номинаций). Прагматически неосвоенные или плохо освоенные единицы не имеют общепринятого языкового имени (укажем, впрочем, что некоторые освоенные улыбки тоже не имеют стандартного языкового наименования, ср., например, разбираемый ниже жест **"улыбнуться одними уголками рта"**).

Мы считаем здесь важным подчеркнуть, что улыбка как таковая является исключительно важным социальным и культурным феноменом, причем роль этого жеста постоянно растет. И в первую очередь это связано с увеличением числа и значимости социальных и культурных ритуалов в современном обществе. Речь идет о таких важных социальных ситуациях общения, как официальное представление-знакомство, деловые встречи, ведение коммерческих, дипломатических и политических переговоров, ритуализованные визиты и приемы, посещение банков, магазинов, юридических контор, медицинских и других общественных учреждений, и др. Отметим и сегодняшнюю исключительно важную общественную роль рекламы, где улыбка человека стала чуть ли не обязательным элементом. В этих и подобных им случаях мы всегда сталкиваемся с **социальными улыбками** разных типов, видов и форм. По-видимому, во всех без исключения культурах улыбки играют первостепенную роль в организации и поддержании социальной жизни и коммуникации людей. Каждая дружеская встреча и диалог начинаются с первой улыбки, с первого дара любви, дружбы или просто хорошего отношения, которые, впрочем, рождают у другого ответственность за такое отношение. Мы все любим искренние улыбки, считая их хорошим знаком, ср. пушкинское *Как уст румяных без улыбки, Без грамматической ошибки Я русской речи не люблю*.

Основное социальное назначение и мотивация русских улыбок – оказывать положительное влияние на адресата, в частности, успокаивать его и показывать добрые чувства к нему. Многие улыбки создают у партнера хорошее настроение или побуждают его к определенным действиям, ср. (5) *Он добрый? Вроде да – все время улыбается, говорит приятные вещи* (Тростников. Сильные мира сего).

Будучи употребленными как **коммуникативные мимические эмблематические жесты**, улыбки в своей семантической структуре содержат компонент 'я хочу, чтобы ты знал...'. Некоторые коммуникативные улыбки используются как знаки приветствия и прощания, люди их *дарят* другим в знак установившегося контакта или как обещание на будущее, ср. (6) *Она еще раз сжала ему руку и ушла, подарив на прощанье чудную, но настолько несчастную улыбку, что я удивился* (Леру. Духи Дамы в черном). С другой стороны, по своей изначальной физиологической природе улыбки являются **симптоматическими знаками-эмблемами** согласно терминологии работ [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 1996; Крейдлин 2001]. Иными словами, они являются такими жестами, которые в пределах данного невербального языка обладают собственным лексическим значением и способны выступать в коммуникативном акте изолированно от речи, выражая эмоциональное состояние субъекта, ср. характерные русские улыбки радости, смущения, растерянности, грустной иронии и под. Симптоматические улыбки дают выход чувствам наружу, представляя собой мимический сигнал, который свидетельствует, в частности, о позитивных чувствах, испытываемых улыбающимся человеком в настоящий момент. Человек может улыбаться своим мыслям и чувствам, даже оставаясь один.

Отметим особо, что там, где нет какого-либо, вербального или невербального, показателя **негативной эмоции**, там мы либо имеем дело с ситуацией физического или психического нездоровья человека, либо сталкиваемся с отсутствием полного проявления самой эмоции. Жестикулирующий, как часто говорят, сознательно *сдерживает* или *подавляет свои чувства*. Умение человека не показывать своим поведением испытываемое им горе или демонстрировать сдержанность перед лицом опасности, то есть *сохранять* (sic!) *хладнокровие*, обычно оценивается другими людьми как положительное качество. Однако в случае испытываемых человеком позитивных эмоций ситуация иная: *неулыбающееся, деревянное или невыразительное лицо*, как и *окаменевший взгляд* или абсолютно *застывшая, неподвижная поза*, создают представление о "неживом человеке", и все эти невербальные манифестации оцениваются отрицательно. Кстати, совсем иное дело *непроницаемое лицо*, тоже не предполагающее появления на нем улыбки. Возможно, далеко не всегда приятное друзьям, оно не выдает информацию недругам, причем не только эмоциональную, но и когнитивную. Контроль за выражениями лица, в частности за улыбками, является одной из важнейших форм общего контроля человека за коммуникативной ситуацией.

Итак, у русских улыбок, как и у других симптоматических жестов, есть **два типа употреблений** – физиологически исходное, **симптоматическое**, употребление в качестве средства выражения эмоции и производное, **коммуникативное**, употребление – сознательная передача адресату некоторой информации. Однако для улыбок последний круг употреблений, в особенности социально-информативная и этикетная сферы, имеет значительно более высокую функциональную значимость и частоту, о чем свидетельствуют например, многочисленные языковые выражения типа *спрятать улыбку, сдержать улыбку, удержаться от улыбки, убрать* (или: *снять, стереть*) *с лица улыбку*, ср. (7) *Посольство уже встало. Секретарь прошел мимо двери, стер с лица улыбку и холодно бросил: "Доброе утро товарищ Дакочи..."* (Алданов. Начало конца), а также сочетания *встретить кого-либо улыбкой, выдавить* (или: *выжать*) *из себя улыбку*, ср. (8) *Надо будет выдавить из себя улыбку, выйдет натянутой, но, если очень постараться, можно улыбнуться вполне прилично* (Алданов. Начало конца), *одарить* (или: *наградить*) *кого-либо улыбкой, раздвинуть губы в приветственной* (или: *прощальной*) *улыбке*.

Приведенные и аналогичные им языковые единицы показывают, что как коммуникативные жесты улыбки являются сознательными и контролируемыми выражениями лица, хотя, разумеется, и у разных людей, и у одного человека в разных жизненных ситуациях степень осознанности и контроля над улыбками может быть различной, о чем мы еще поговорим позже.

Как известно, многие культуры обладают особыми социальными и культурными моделями, или сценариями, невербального поведения, в том числе эмоционального. Человек, относящийся к конкретной культуре, хорошо знает ее правила и нормы, утверждаемые соответствующими сценариями, и обычно действует, соглашаясь с ними. В тех же случаях, когда поведение представителей данной культуры происходит с явным нарушением норм, то это делается ими либо осознанно – обычно с намерением выполнить определенное коммуникативное задание, – либо неосознанно. А тогда ненормативное поведение либо получает нестандартную интерпретацию, либо просто осуждается другими людьми как этически или эстетически нехорошее, как физически или психологически неприятное, а потому не благоприятствующее общению.

Американская культура, например, известна всему миру как система ценностей, одобряющая и высоко оценивающая улыбки на лицах людей, в том числе и в ситуациях, когда человек вовсе не испытывает положительных чувств. Многие русские, например, оценивают такое невербальное поведение американцев как неприятное, неискреннее и фальшивое. Между тем, как нам представляется, мы здесь просто имеем дело с серьезными межкультурными различиями. Целью подобного поведения улыбающегося американца является показать другому человеку, пусть

совсем незнакомому, что ему, например, приятна встреча с ним; да и вообще это хорошо, когда люди думают, что тебе сейчас хорошо. Американские коммуникативные улыбки по своей ориентации являются активными, так как многие из них содержат в семантической структуре компонент, отражающий некое моральное обязательство: 'я готов сделать для вас что-то хорошее'. А, скажем, в японской культуре достойным считается поведение, при котором адресат не должен видеть проявление плохих чувств на твоем лице, в частности потому, что ему от этого тоже может быть плохо, и по этой причине говорящему предписывается улыбаться даже в тех ситуациях, когда ему плохо. Таким образом, если одна из основных функций и задач американской улыбки состоит в налаживании и поддержании нормальной коммуникации, то у социальной японской улыбки *mikoniko*, о которой идет речь, главная функция – охранная, "сберегающая" чувства другого. Японская улыбка *mikoniko*, продукт с давних времен культивируемого этикета, чрезвычайно сложного и изысканного по исполнению, является более пассивной, чем разобранная американская, поскольку содержит компонент 'не хочу сделать вам что-то плохое'. Кроме того, согласно японским этикетным нормам коммуникативного поведения, информацию, болезненную или тревожную для адресата, тоже следует передавать с улыбкой, которая, однако, в этом случае является уже не просто знаком успокоения, но и, как говорят сами японцы, проявлением вежливости, выражающейся в высшем самоотречении.

* * *

Улыбкам как семиотически нагруженным единицам посвящено довольно много исследований. По всей видимости, человеком, с которого началось систематическое изучение движений тела и мимики лица, включая улыбки, был Джон Каспер Лафатер, пастор из Цюриха, опубликовавший в 1792 году "Эссе по физиогномике". Он был первым, кто провел подробное наблюдение и описание корреляций между выражениями лица, позами и жестами, с одной стороны, и типами личностных характеристик человека, с другой. (Следует, правда, напомнить, что Петроний, еще примерно за тысячу лет до труда Дж. Лафатера, в своем романе "Сатирикон" написал: "По лицу человека я узнаю его характер, а по походке могу прочесть его мысли".)

Каждое умственное, моральное или психическое качество души, по мнению Дж. Лафатера, находит отражение в "эстетических", как он их называл, свойствах тела. Красота, безобразие, физическая немощность, чрезмерные худоба или полнота рассматривались им как знаки, непосредственно указывающие на те или иные черты человеческого духа, то есть утверждалось прямое соответствие между физическими и психическими свойствами. Дж. Лафатер считал, например, что неприятное лицо указывает на то, что его обладатель – плохой человек вообще или человек, замысливший что-то нехорошее. Внешность человека, а также такие его качества, как обаяние, красота или уродство, имеют, по мнению Дж. Лафатера, свои корреляты в невербальном поведении человека; например, красота обусловлена не только чертами лица или характеристиками фигуры, но также свободой и уверенностью в движениях, умением держать и носить тело, изысканными жестами и взглядами. Человек со стиснутыми зубами, со злобеще сжатыми кулаками (любопытно, что в ряде языков, например в английском, для обозначения сжатых кулаков и стиснутых зубов или челюсти существует один и тот же глагол *to clench*) и вялыми, неуклюжими движениями едва ли может быть признан красивым, а человека, на лице которого не бывает улыбки, мало кто сочтет приятным.

Самым известным оппонентом пастора был выдающийся немецкий ученый и писатель Георг Кристоф Лихтенберг, который критиковал Дж. Лафатера за чересчур упрощенный подход к физиогномике (ср. "{...} Иногда злобой называют то, что делается с некрасивым выражением лица" [Лихтенберг 1965: 154]), за стремление объяснить мир, только исходя из сознания и из практической человеческой деятель-

ности, ср. "Как танцмейстер и учитель фехтования никогда не начинают изучения анатомии рук и ног, так и здоровая полезная философия должна брать свое начало из чего-то более высшего, чем эти отвлеченные умствования. Ногу надо ставить именно так, ибо иначе упадешь" [Лихтенберг 1965: 266]. Особенно беспокоили его те опасные следствия, которые может повлечь за собой подобный подход. Он писал, что "если физиогномика станет тем, что ожидает от нее Лафатер, можно будет вешать детей задолго до того, как они совершат поступки, заслуживающие виселицы". Г. Лихтенберг всегда подчеркивал, что правильное изучение выражений лица, в частности улыбок, и жестов должно сочетать в себе анатомический, физиологический и психологический анализы форм и способов движений человеческого тела.

Чарльз Белл, английский анатом, физиолог, хирург и художник, был одним из тех, кто первым заинтересовался выражениями эмоций на человеческом лице [Белл 1844]. Его работы в области функционального анализа нервной системы заставили обратить внимание на соотношение различных частей тела и деятельности отдельных групп мышц и нервов, функционально ответственных, как тогда считали, за выражаемые с их помощью эмоции. В частности, Ч. Белл пришел к заключению, что все сильные чувства, такие как страх, ярость, радость или горе, сопровождаются изменениями в дыхании, а также мускульной активности лица и корпуса (поскольку мускульная активность сама находится под действием изменившихся моделей дыхания). Как пишет он сам, "чтобы понять, как выражается эмоция, требуется тщательное изучение анатомии лица и органов дыхания". Что же касается улыбок, то ученый считал, что они передают тысячи различных значений, от "безмятежной улыбки доброты и презрительного изгиба в улыбке нижней губы до улыбки самодовольного тщеславия или улыбки сожаления".

Исследованием эмоций и их проявлений на лицах у человека и животного занимался и Чарльз Дарвин. В своей знаменитой книге [Дарвин 1872/1965] он специально останавливается на улыбке и отмечает, что наиболее яркие эмоции у человека проявляются в выражениях глаз и мимике, а из мимических жестов самым экспрессивным является улыбка.

В особенности много исследований было посвящено происхождению улыбки и ее эволюционному развитию. Так, в статье [Хофф 1976] речь идет о возникновении улыбок у высших приматов. Утверждается, что жест восходит к мимике обнаженных зубов, которая у всех обезьян связана с подчинением и легким испугом. В то же время противопоставленный улыбке, но тесно с ней связанный смех филогенетически соотношен с игровым лицом (с так называемым игровым покусыванием, легкой агрессивностью и демонстрацией дружественных намерений субъекта).

О происхождении улыбок говорится и в работе [Блертон-Джоунз 1972], где представлены результаты наблюдений над улыбками у дошкольников и констатирована значимость социальной функции улыбок у детей при установлении ими коммуникативных контактов. Там же выявлена важная функция улыбок – функция **умиротворения** (ср. русские сочетания *успокаивающая улыбка, примирительная улыбка, обезоруживающая улыбка*). В этой функции улыбка у детей сходна с мимикой подчинения и страха у обезьян.

Р. Краут и Р. Джонстон [Краут, Джонстон 1979] тоже обращают внимание на то, что улыбка у животных возникла как сигнал, призванный сгладить напряженность во взаимодействиях между представителями одного биологического вида, живущими в одном коллективе, а потому "можно вполне предположить, что улыбки у людей тоже часто должны появляться в тех ситуациях, когда кто-то из них пытается успокоить или умиротворить другого, например, когда он или она сделали что-то неправильно или нарушили какие-то социальные нормы и приносят за это извинение" [Краут, Джонстон 1979: 1550]. З. Фрейд, однако, возводил улыбку к мимике грудного ребенка, которого только что накормили молоком и который показывает матери, что наелся.

Эти, а также последующие исследования Ван Хоффа вместе с С. Пройшофтом, посвященные социальным функциям улыбок и смеха (см., например [Пройшофт,

Хофф 1997], показали исключительно важную роль формы и положений губ, открытого рта и обнаженных зубов при исполнении основных видов улыбок.

Симптоматические улыбки-эмблемы составили предмет многочисленных трудов известного психолога, специалиста по эмоциям и их лицевому выражению П. Экмана и его коллег. Среди них выделим работы [Экман 1992; Экман, Фризен 1982; Экман, Дэвидсон, Фризен 1990], которые, однако, как и упомянутые выше исследования других ученых, лежат исключительно в области антропологии, психологии, этологии и физиологии, но не лингвистики.

Коммуникативные улыбки-эмблемы изучались в основном в связи с их интерактивными и социальными функциями. Так, в уже упомянутой работе [Краут, Джонстон 1979] было продемонстрировано одно любопытное соотношение между чувством радости и ее проявлением в виде обычной улыбки. Авторы наблюдали за поведением людей в естественных жизненных ситуациях, таких как встреча с другими людьми в учреждениях, театрах и иных общественных местах, приветствие любимой команды на стадионе или спортивной арене, игра в кегли в кегельбане и пр., и пришли к выводу, что люди редко улыбаются во время тех событий, которые предположительно являются каузаторами эмоций радости или счастья, то есть, например, когда производился успешный бросок шара во время игры в кегли или когда любимая команда забивала гол. Но улыбки всегда были спутниками людей во время коммуникативных взаимодействий, например, при встрече знакомых, при обращении к болельщикам той же команды со своей радостью, соседям по трибуне, или во время беседы в процессе игры в кегли. Такие улыбки рассматриваются как жесты, призванные выразить удовольствие от встречи или разделить успех, как призыв прокомментировать событие, происходящее на поле, и под. В то время, однако, оставалось неясным, были ли все это улыбки радости, – возможностей объективной проверки еще не было, да к тому же в естественных условиях это и сегодня не просто. Р. Краут и Р. Джонстон пишут (с. 1551), что они не знали также, одинаково ли исследуемые ситуации действовали на людей, за которыми велось наблюдение. Даже если предположить, что люди испытывали чувство радости, то часто возникавшие перепалки и потасовки с болельщиками другой команды во время матчей, подсчет очков после завершения партии в кегли и даже жаркое солнце могли для разных людей оказывать существенно разное влияние на интенсивность и длительность испытываемого чувства.

Одно из самых известных экспериментальных исследований последнего десятилетия, относящихся к сфере человеческих эмоций и эмоционального поведения, представлено в статье [Фернандес-Долс, Руиз-Белда 1995]. В ней описаны результаты анализа невербального мимического поведения 22 спортсменов разных стран (14 женщин и 8 мужчин), победителей летних Олимпийских игр в Испании, во время церемонии их награждения золотыми медалями. Авторы интересовали прежде всего улыбки на лицах чемпионов. Было выдвинуто, на первый взгляд очевидное, предположение, что эти люди испытывают чувство огромной радости от победы и что это чувство должно проявляться прежде всего в радостных улыбках на их лицах. Однако все оказалось не столь просто.

В ситуации награждения, уже самой по себе эмоционально накаленной, были выделены три фазы поведения, или три разных подтипа эмоциональных ситуаций, – поведение спортсменов перед пьедесталом (ситуация ожидания), нахождение на пьедестале во время награждения (ситуация коммуникативного взаимодействия с официальными лицами и публикой) и спуск с пьедестала и стояние перед флагом во время его подъема и исполнения национального гимна (некоммуникативная ситуация снятия предшествующего сильного эмоционального напряжения). Важные для нас выводы, к которым пришли авторы, таковы: (1) сами по себе радость и счастье от победы к улыбкам не приводят; испытываемых эмоций не достаточно для того, чтобы на лицах людей появились улыбки. Дело в том, что улыбки у подавляющего числа спортсменов наблюдались только во второй фазе, а именно в ситуации коммуникативного взаимодействия; (2) возможно, что в первой и третьей фазах многие вообще не

испытывали эмоций радости и счастья или умело их сдерживали, поскольку у большинства чемпионов улыбок в этих ситуациях не наблюдалось (в первой стадии было зафиксировано всего 4 улыбки из 22, а в третьей – вообще ни одной); (3) прототипическое выражение эмоции радости напрямую связано с коммуникативными и социальными задачами.

Иначе говоря, за улыбкой как невербальным средством выражения испытываемого чувства или переживания всегда стоят социальные мотивы, связанные, главным образом, с коммуникативным взаимодействием людей.

Исследования улыбок разных жестовых языков и культур показывают, что симптоматическая функция улыбки, которая отражает **когнитивный** – ‘мысль о чем-то’ и **эмоциональный аспект** – ‘это что-то улыбающемуся приятно’ и которая передается в толковании улыбки смысловым жестовым примитивом ‘выражает’, постепенно отходит на второй план как вторичная по степени своей употребительности и важности, а **главной начинает становиться коммуникативная и социальная составляющие**, о чем мы уже говорили. Коммуникативная функция улыбок тоже необходимо должна отражаться в их семантических представлениях, а потому смысловой инвариант улыбок содержит не только компонент ‘я чувствую нечто хорошее’, как вполне справедливо полагает А. Вежбицкая, но и коммуникативную пропозицию ‘я хочу, чтобы ты знал...’, вводимую жестовым семантическим примитивом ‘показывает’ (о жестовых семантических примитивах см., например, в работе [Крейдлин, Григорьева, Григорьев 1996]).

Данный вывод, впрочем, следует пока что рассматривать не как окончательное утверждение, а как предварительную гипотезу. Ведь **лингвистический анализ жестов-улыбок** еще только начинается; до сих пор он остается совершенно в стороне от основного руслу исследований в области кинесики и лингвистики. Ни семиотический анализ жестов-улыбок и их вариантов, ни соотношение языковых номинаций улыбок с реально воспроизводимыми жестами, за исключением ряда работ А. Вежбицкой по семантическому анализу выражений лица, в частности, поиску семантического инварианта жестов-улыбок (см. [Вежбицкая 1993; Вежбицкая 1995] и особенно [Вежбицкая 1999]), не были, насколько нам известно, предметом специальных работ, причем сказанное касается как русских жестов-улыбок, так и иных. Между тем легко показать, что даже одна только вариативность в составе русских жестов-улыбок, как видно из разнообразия их названий и способов физических реализаций, могла бы стать объектом отдельного семиотического или лингвистического анализа. Русские люди последовательно различают, например, такие жесты, как **улыбка, усмешка, гримаса, оскал и ухмылка**, и такие слова, как глаголы *усмехаться, скалиться, лыбиться и ослабиться*.

В ряде исследований А. Вежбицкая дает толкование **улыбке** исходя из того, что улыбка как жест представляет собой нечто цельное и единое, что это не класс единиц, а одна единица. Так, в своей монографии [Вежбицкая 1999: 173] она пишет: "... a smile is not polysemous (it doesn't have a fixed number of distinct meanings), and it does have one semantic invariant identifiable independently of context ('улыбка – не является полисемантической единицей (она не имеет фиксированного набора отдельных значений) и обладает смысловым инвариантом, устанавливаемым независимо от контекста')". И далее продолжает: "... the core meaning of a smile (that is, roughly speaking, of the configuration of facial muscles in which the corners of the mouth are raised, and of the movement which produces this configuration) can be stated as follows: "I feel something good now" ("основное значение улыбки (то есть, грубо говоря, конфигурация мышц лица, при которой подняты уголки рта, а также движение, благодаря которому такая конфигурация достигается) можно сформулировать следующим образом: ‘я чувствую сейчас что-то хорошее’”). Ко многим аргументам, представленным А. Вежбицкой в защиту именно так формулируемого смыслового инварианта, можно добавить еще один, связанный со смысловым согласованием прямой речи и комментария к ней, ср. два комментария

к прямой речи – нормальное предложение "*Хорошо, что старик уехал: его от этой музыки разбил бы паралич*", – с улыбкой подумал он и неправильное *"*Плохо, что Дима не приехал*", – с улыбкой подумала она.

Между тем, полностью соглашаясь с формулировкой единого смыслового инварианта для всех улыбок, мы хотели бы все же выразить сомнение по поводу двух из высказанных А. Вежбицкой положений.

Во-первых, как показывают наши собственные видео- и визуальные наблюдения, а также целый ряд полевых и лабораторных исследований по описанию выражений лица, выполненных другими людьми, **не при всяких улыбках поднимаются уголки рта**, хотя соответствующие жесты продолжают **называться улыбками** (ср. *кривая улыбка*, которая стоит даже ближе к *ухмылке*, чем к стандартной настоящей улыбке, или *обиженная улыбка*, также сильно модифицированная форма по сравнению с улыбкой обычной). Г. Сиффорд [Сиффорд 1978] отмечает, в частности (с. 7), что форма "уголки рта подняты", которая обычно называется U-образной формой, не характерна для улыбок американцев, живущих на юге Америки, – там улыбки исполняются без поднятых уголков рта ("*unraised corners*").

Мы, однако, абсолютно солидарны с Е.В. Урысон [НОСС 2000: 365–368] в том, что при всякой улыбке **рот растягивается**, и именно этот признак является общим для всех форм улыбок.

Во-вторых, из наличия у улыбок смыслового инварианта еще не следует, что жест улыбки имеет одно значение: смысловой инвариант может оставаться таковым для каждого отдельного значения, для каждой отдельной улыбки, "перетекая" от одного значения к другому. При анализе улыбок следует учитывать не только ранее приведенные различия в именах жестов, но и наличие языковых операторов, видообразующих и модифицирующих улыбку, например, прилагательные при именах и наречия при глаголах. Именно различные типы смысловых наречий, модификаций и других смысловых когнитивных операций над инвариантом создают разнообразие смысловых типов русских улыбок, часто даже размывая границы между улыбками и другими видами жестов (подобно тому как прилагательное *пивная*, приложимое к имени *кружка*, выводит, как считает А. Вежбицкая, *пивную кружку* за пределы настоящей, или прототипической, *кружки*; см. об этом подробно в книге [Вежбицкая 1985]).

Еще раз подчеркнем, что речь идет именно о смысловых, а не, например, о психологических, особенностях улыбок (хотя, заметим попутно, нам интересна не только семантика, но также и прагматика улыбок, их употребление, функции и роли в коммуникации людей). Ср. такие разные жесты, как *голливудская улыбка*, которую все носители русской культуры воспринимают как неискреннюю, ненастоящую улыбку, как *кривая улыбка* или, например, *холодная улыбка*, не передающие в целом именно того смысла, который, по мнению А. Вежбицкой, имеет жест улыбки, ср. (9) *Он был выше меня на полголовы и, вероятно, чуть постарше; войдя в освещенную прожектором зону, он поднял ладонь в черной перчатке, растянул губы в холодной улыбке, и перед моими глазами на секунду мелькнул летчик в кабине истребителя с пиковым тузом* (Пелевин. Омон Ра).

§ 2. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ РУССКИХ УЛЫБОК: МЕТОДИКА И СПОСОБ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧИ

Вопрос о внутриязыковой семантической типологии невербальных единиц, и в частности улыбок, насколько нам известно, до сих пор никогда не ставился. Не рассматривалось и соотношение между названием классов жестов – *улыбка* – и глаголом *улыбаться*, хотя это соотношение достаточно нетривиальное и интересное для изучения, ср. *широкая улыбка* – *широко улыбаться*, *счастливая улыбка* – *счастливо улыбаться*, *глупая улыбка* и *глупо улыбаться* и *умная улыбка* – **умно улыбаться*,

знакомая улыбка – **знакомо улыбаться, улыбнуться в знак прощения* и **улыбка прощения*. *Постоянная улыбка* – это не то же самое, что *постоянно улыбаться*, предложение *Она приветливо улыбалась* обозначает активные действия субъекта, субъект контролирует ситуацию, а фраза *На ее лице появилась приветливая улыбка* означает, что что-то произошло с субъектом, и он ситуацию не контролирует. По-русски можно сказать *Быть две недели в обществе Викторова ей не очень улыбалось, но когда же появится еще одна возможность увидеть Лондон?*, однако для этого значения глагола *улыбаться* в русском языке нет соответствующего деривата – существительного, и т.п.

Несмотря на то, что сама типология улыбок до сих пор не попадала в сферу внимания ученых, некоторые психологи и специалисты в области социальной коммуникации выделяли и описывали отдельные важные разновидности улыбок. Из известных нам исследователей, которые, по всей видимости первыми, пытались выделить и описать наиболее часто встречающиеся улыбки, были Ч. Брэнниган и Д. Хэмфрис [Брэнниган, Хэмфрис 1967]. Они рассматривали как отдельные три разновидности улыбок (названия терминологические, а не реально языковые): *simple smile* ‘обыкновенная, нормальная улыбка’, *upper smile* ‘верхняя улыбка, или улыбка, приоткрывающая верхние зубы’, *broad smile* ‘широкая улыбка’ (с. 44), и это деление жестов, основанное исключительно на их физических признаках, может служить основой для формальной, или морфологической, классификации улыбок. Мы надеемся, впрочем, показать, что эти формы довольно жестко соотносятся с определенными семантическими типами улыбок.

Наша работа по созданию семантической типологии русских улыбок строилась следующим образом. Из данных, собранных в процессе наблюдений за улыбками людей, а также из анализа номинаций улыбок, взятых из большого массива текстов, были получены дифференциальные признаки, по которым в дальнейшем осуществлялась классификация. Более конкретно, невербальный материал был взят из различных видеозаписей, сделанных любительской камерой, а также из повседневных визуальных наблюдений, а вербальный материал – из произведений русских писателей первой и второй половины XX века.

На начальном этапе построения семантической типологии, о котором пойдет далее речь, мы решили уделить больше внимания **соотношению жестов-улыбок и их языковых обозначений**. Нам хотелось прежде всего решить две задачи: во-первых, выяснить, как обозначают разные виды улыбок носители языка, прежде всего русские писатели, и, во-вторых, можно ли реконструировать конкретный вид жеста-улыбки по его языковому описанию.

Мы исходили из того,

– что за каждым видом улыбок стоят не только конкретные значения дифференциальных признаков, определяющих лексикографический портрет одной улыбки, но и интегральные признаки, задающие лексикографический тип улыбок;

– что русские улыбки многофункциональны и скрывают за собой ряд смыслов, обеспечивающих нормальное протекание речевой коммуникации, в частности такую важную ее социальную функцию, как установление контакта или желание поддерживать его, а также обозначают такие смыслы, как ‘приветливость’, ‘искренность’, ‘теплота’ и ряд других;

– что вариативность присуща не только самим улыбкам, но и их языковым обозначениям. Имена русских улыбок допускают вариативность разного плана: синтаксическую, лексическую и стилистическую, о чем, помимо наших наблюдений, убедительно свидетельствуют, например, недавние замечательные лексикографические работы Е.В. Урысон [НОСС 2000: 365–368] и Л.Н. Иорданской и С. Паперно [Иорданская, Паперно 1996: 367–372]. Ср., хотя бы такие слова и словосочетания, как *улыбка счастья* и *счастливая улыбка*, *улыбка* и *улыбочка*, *улыбнулся*, *одарил улыбкой* и *расплылся в улыбке*, *скривил губы в улыбке* и *кривая улыбка*, *заученно улы-*

баться и улыбаться заученной улыбкой, выразить улыбкой благодарность и улыбнуться в знак благодарности и др.;

– что названия русских улыбок дают богатые по численности и лексическому разнообразию синонимические ряды, соответствующие, по всей видимости, одному жесту. Рассмотрим ряд *радостная, веселая, радужная, счастливая, восторженная улыбка*. Эти номинации отражают значение и функцию улыбки как жеста радости, что составляет смысловой инвариант ряда: 'я чувствую сейчас нечто очень хорошее'. Интересно, что так улыбаются, например, даже слепые дети, которые не могли видеть улыбку вообще и которых этому жесту никто не учил; они воспринимают ее как бы "мышечно". Как утверждает К. Мори-Руан [Мори-Руан 2000], слепые дети радостной улыбкой реагируют на некое приятное событие или на что-то смешное. Это наблюдение подтверждает также Г. Уэйнрайт, которая пишет: "Даже слепые от рождения дети, никогда не видевшие чужого лица, улыбаются, когда что-то им нравится" [Уэйнрайт 1999: 52]. Впрочем, в обеих цитируемых работах не проводилось четкого различия между улыбкой и смехом, что, на наш взгляд, следовало бы сделать.

* * *

В предыдущих параграфах речь шла, главным образом, о теоретических положениях и методологических предпосылках построения внутриязыковой семантической типологии невербальных единиц. В последующих разделах работы описываются основные семантические типы русских улыбок.

Сначала в § 3 мы обратимся к важнейшим признакам, различающим улыбки, разбивая их на классы: физические признаки, социальные признаки, психические признаки, оценочные характеристики и др. Поскольку все эти признаки в русском языке регулярно выражаются прилагательными, классификация улыбок, будучи окончательно построенной, может одновременно служить и семантической классификацией соответствующих русских прилагательных². Наряду с сочетаниями слова *улыбка* с видообразующими прилагательными рассматриваются также и другие атрибутивные конструкции с этим словом. Далее, в § 4, на базе полученной классификации определяются главные семантические типы русских улыбок. Заметим сразу, что отнюдь не про каждую улыбку сегодня можно с полной уверенностью сказать, в какой семантический класс она входит, или образует ли данная улыбка самостоятельный тип. Окончательный ответ на эти вопросы можно будет дать только после того, как будет построено исчерпывающее семантическое описание всех улыбок и их имен. Наконец, в § 5 ставится задача реконструкции жеста по его языковому описанию и намечаются некоторые пути ее решения.

Одна из причин выбранной композиции дальнейшего изложения материала заключается в следующем. Нам бы хотелось по возможности сохранить сложившуюся традицию обозначения некоторых классов, уже выделенных ранее в научной литературе, однако эти классы обозначаются иногда с помощью элементов физической реализации улыбок, а иногда с помощью элементов семантического описания. Именно поэтому сначала нами описывается атрибутивная сочетаемость, а потом указываются семантические классы улыбок. Элементы каждого из классов улыбок в общем случае собираются из единиц различных групп сочетаемости.

§ 3. СЕМАНТИКА АТРИБУТИВНЫХ СОЧЕТАНИЙ СО СЛОВОМ УЛЫБКА

1. Физические признаки

Из физических признаков назовем прежде всего (а) форму и степень открытости рта и положение губ.

² Многие из приводимых ниже сочетаний прилагательных со словом *улыбка* содержатся также в работах [Иорданская, Паперно 1996] и [Урысон 2000].

Наши языковые данные подтверждают гипотезу этологов и антропологов о решающей роли формы рта и зубов в формировании жестов-улыбок. Мы различаем две разновидности русских улыбок: улыбки, в названиях которых отображается участие тех или иных органов при их производстве, и улыбки, в названиях которых отражается восприятие адресатом или третьим лицом формы рта, губ, зубов и пр. улыбающегося.

К первой группе относится, например, **белозубая улыбка**. Это улыбка с достаточно широко открытым ртом, открывающим зубы, ср. (10) *В этот момент дверь открылась и из соседнего помещения вышел высокий представительный джентльмен с белозубой улыбкой, сразу выдававшей в нем иностранца*. Сюда же попадают жест "улыбнуться одними уголками рта", не имеющий стандартной номинации и представляющий собой своеобразную, едва заметную улыбку, при которой степень растянутости рта максимально низкая и в образовании которой участвуют только уголки рта, жест "улыбаться с сомкнутыми губами", тоже не имеющий идиоматичного названия, и некоторые другие.

Ко второй группе принадлежат, например, **улыбка на тонких губах**, выражающая эффект от восприятия почти сомкнутых, растянутых и вытянутых в одну линию губ, при этом зубы не видны, **белоснежная улыбка**, **открытая улыбка** и **широкая улыбка**, когда рот широко раскрыт, видны оба ряда зубов, глаза улыбающегося обычно светятся радостью, см. также (11) *Обнажив в улыбке зубастый рот, он двинулся в нашу сторону, заранее распахнув объятия, которые, как мне подумалось с облегчением, были предназначены зятю* (Искандер. Табу), и ряд других улыбок.

Многие из подобных улыбок в своей смысловой структуре содержат элемент оценки. Отметим, что наличие оценочных компонентов в семантике русских улыбок является характерным признаком этого класса жестов. Прилагательные *кривая, натянутая, дрожащая* являются языковыми характеристиками формы улыбки (например, форма *натянутой улыбки* близка по форме *тонкой улыбке*, но зубы при *натянутой улыбке* часто сжаты), однако это не исключительно показатели формы, но также слова, передающие ее отрицательную оценку со стороны говорящего. Приведем пример: (12) *У меня отнялся язык. И они, кажется, это почувствовали. – Ты тоже без дела не останешься! – генерал улыбнулся, но улыбка его была натянутой и неохотной*.

Еще одним физическим признаком, характеризующим улыбки, является (б) **интенсивность**.

Параметр интенсивности биологически обусловлен действием **большого скулового**, или, как говорят физиологи, **зигоматического**, **мышца лица** (*zygomatic major*). Изучавший социальную функцию улыбок А. Фридланд [Фридланд 1994] показал, что как в случае воображаемого, так и в случае реального партнера по коммуникации главную роль в улыбке играет именно этот мускул, который идет вдоль лица от угла губ вверх к передней части уха. А. Фридланд пишет, что при воспроизводстве улыбки "наблюдающий ее адресат физически может отсутствовать: активная работа большого скулового мускула точно так же происходит и при психологическом наблюдателе (*psychological coviewer*)" [Фридланд 1994: 236]. Отметим, что, строго говоря, степень интенсивности создается не одной улыбкой, а целым комплексом "улыбка + отдельные компоненты некоторых других мимических, и не только мимических, жестов, прежде всего жестов глаз".

Известно, что в производстве **слабой улыбки**, равно как и **вымученной**, **вялой**, **блеклой** и т.п., участвуют только скуловые мышцы. Рот жестикулирующего лишь слегка растянут и почти совсем не раскрывается, глаза грустные, мануальная и мимическая жестикуляция резко ограничены. И эти улыбки, составляющие отдельный тип, несут в себе соответствующие смыслы нездоровья, угнетенного состояния, личной или социальной зависимости ("улыбки снизу вверх"). Например, **слабая улыбка** является лишь подобием обычной, стандартной улыбки, то есть является жестом, свидетель-

ствующим о болезненном состоянии человека, его физической немощи, об особом психическом состоянии субъекта или об отношении к адресату ('робость', 'почтение'). Близкие к **слабой улыбке** *бледная, тусклая, вымученная, вымороченная улыбки* подчеркивают в своем названии разные оценки, связанные с тем или иным состоянием жестикулирующего, но при этом все они передают слабую по интенсивности улыбку и образуют вместе с ней отдельный тип.

В то же время большая степень открытости рта, и, соответственно, бóльшая интенсивность, влечет за собой активизацию расположенных около глаз, или околоорбитных, мускулов. Для улыбок с подобной физической реализацией в теории эмоций существует даже особое видовое, терминологическое, понятие – **улыбка Дюшена** – по имени физиолога, описавшего ее форму [Дюшен 1862/1990]. В работе [Экман, Дэвидсон, Фризен 1990] показано, что улыбка Дюшена является подлинным проявлением положительных эмоций радости и счастья, а потому может служить невербальным ключом к распознаванию этих эмоций. Основными компонентами ее физической реализации являются: (а) растянутый, приоткрытый или открытый, рот с приподнятыми вверх уголками рта – результат действия основного скулового мускула; (б) сопутствующее движению губ поднятие щек и (в) появление складок кожи около глаз (действие околоорбитных мускулов).

2. К физическим признакам примыкает признак '**время**'. Прилагательные времени, как и прилагательные интенсивности, тоже не являются видообразующими.

Применительно к улыбке мы предлагаем различать два разных признака '**время**' – **абсолютное и относительное время**.

Абсолютное время характеризует улыбку по времени ее исполнения (ср. *утренняя улыбка*) или по ее длительности (ср. *быстрая улыбка, мимолетная улыбка*). Прилагательные при слове *улыбка* обычно выражают признак длительности как вторичный по отношению к другим свойствам, таким, как например, статичность или изменчивость, и передают особенности восприятия того или иного типа улыбки адресатом или сторонним наблюдателем: *неуловимая улыбка* – это 'настолько быстрая улыбка, что как бы незаметная и потому трудно фиксируемая', *постоянная улыбка* (в одном из пониманий этого сочетания) отличает человека, улыбающегося все время в течение беседы, а близкая к ней *неизменная улыбка* говорит о том, что улыбка не сходит с лица и что форма ее не меняется.

Относительное время представляет собой параметр, назначение которого показать, что произведенная улыбка совершается вовремя или не вовремя. Например, *запоздалая улыбка* свидетельствует о том, что произведший ее человек совершил неуместное действие, поскольку, по мнению говорящего, время, когда было уместно улыбаться, прошло; ср. (13) *На другой день был к обеду его шурин, говорили как раз об иске Горна, дочка с некрасивой жадностью пожирала шоколадный крем, жена ставила вопросы невпопад. "Что ты, с луны, что ли, свалилась?" – сказал он и запоздалой улыбкой попытался смягчить выказанное раздражение* (Набоков. Записка Лужина).

Прилагательные времени занимают в известной степени промежуточное положение между словами, характеризующими улыбку как жестовый знак, который имеет определенную форму, то есть обозначающими разнообразными физическими параметрами, и словами, характеризующими ментальное, психическое или физическое состояния субъекта – носителя улыбки. Действительно, сочетание *постоянная улыбка*, как мы уже говорили, характеризует человека, с лица которого улыбка во время разговора не сходит. Вместе с тем прилагательное *постоянный* обозначает также свойство самой улыбки, а именно ее длительность. Прилагательные относительного времени, такие как *преждевременная улыбка, запоздалая улыбка, несвоевременная улыбка* и им подобные, саму улыбку семантически не определяют; они говорят нам нечто о ситуации

в целом, то есть и о самом жестикулирующем, и об отношении времени появления на его лице улыбки ко времени описываемых в предложении событий.

3. Перейдем теперь к социальным признакам.

Кинетическими переменными, не только определяющими конкретный вид улыбки, но и фактически задающими контекст ее употребления, являются стандартные социальные характеристики жестикулирующего – (i) возраст, (ii) профессия (в том числе обозначение местности, где распространена данная профессия, ср. жест **голливудская улыбка**), (iii) вид ситуации, в которой появляется улыбка, а также (iv) тип социальных и межперсональных отношений между жестикулирующим и его партнером по коммуникации.

Что касается (i) возраста, то в русском языке жестов выделяется как особая **детская улыбка**, свойственная только взрослым (при этом **взрослой улыбки нет**) или **младенческая улыбка**, см. (14) *Итак, граждане, – заговорил Бенгальский, улыбаясь младенческой улыбкой, сейчас перед вами выступит...* (Булгаков. Мастер и Маргарита); есть также **старческая улыбка**.

Скажем несколько слов и по поводу отражения в названиях улыбок (ii) профессии их носителя. Есть профессиональная **клоунская улыбка**, есть, как мы уже говорили, **голливудская улыбка**, ср. (15) *Перехватив заинтересованный взгляд Савелия, он расплылся в голливудской улыбке*.

Последнее имя явно заимствовано, однако жест и по форме и по семантике прочно вошел в центр русского языка жестов. **Голливудской** мы называем улыбку **искусственную, деланную или фальшивую**, однако, поскольку в намерения жестикулирующего входит показать ей хорошее отношение к адресату или (возможно, в действительности не испытываемые в данный момент) хорошие чувства, ее физическая реализация должна максимально походить на настоящую улыбку. Так обычно улыбаются красавицы с обложек журналов, ведущие телепрограмм, продавцы.

Помимо названий улыбок по некоторым видам профессий, имеется и родовая **профессиональная улыбка**. Она свойственна продавцам, банковским служащим, врачам, психологам, юристам, работникам ЗАГСов и многим другим чиновникам: (16) *При этом все встали. После чего, с профессиональной улыбкой, чиновник почтил новобрачных сырым рукопожатием, и все было кончено* (Набоков. Защита Лужина). Интересно, что не существует таких видовых профессиональных, стереотипных для русского языка, улыбок, как ***командирская, тренерская, учительская улыбка** и т.п.; ср. существование **командирского, тренерского, учительского голосов** [Крейдли 1999].

Важное место в ряду кинетических параметров, выражаемых улыбкой, занимают (iii) вид ситуации общения, в которой появляется улыбка, ср. **прощальная улыбка, приветственная улыбка**, и (iv) социальные и межперсональные отношения между партнерами по коммуникации, ср. **отеческая, материнская, дружеская, приятельская улыбка; начальственная, барская, хозяйская или холуйская улыбка**. Приведем лишь один пример. Д.М. Погодин вспоминал о салоне Е.П. Расстопчиной, что для каждого, кто входил в ее гостиную, *"находилась ласковое слово, привет, дружеская улыбка, пожатие руки и каждому у ней было тепло, весело, приятно..."*.

Выражение отношений с помощью улыбок является типичным коммуникативным приемом, который с высокой частотой фиксируется в русских текстах. 'Вежливость', 'почтительность', 'предупредительность', 'учтивость' и некоторые другие качества – все они могут передаваться с помощью соответствующих улыбок. А признак пола сам по себе, обособленно от других признаков, не выражается – нет ни **женских**, ни **мужских улыбок**, хотя пол вместе с возрастом, например, уже вполне могут обозначаться: существуют и **мальчишеская улыбка** и **девичья улыбка**.

4. Зато физическое состояние человека свободно передается с помощью этих жестов, и мы говорим о *болезненной улыбке, нездоровой улыбке или о вялой улыбке*. При этом обычно выражается только **плохое** физическое состояние, ср., например, неправильное сочетание **здоровая улыбка*. Прилагательные физического состояния могут описывать также некоторые психологические состояния человека – робость, застенчивость, нерешительность и т.п., и в этом они сходны с прилагательными интенсивности. Ср., например, следующий текст: (17) *Я увидел этого человека через несколько дней. Он был невысок, хрупок, светловолос, с предупредительными, без угодливости, манерами. Говорил тихо и немного, улыбка у него была неуверенная, застенчивая, болезненная какая-то.*

5. Наибольшую по численности группу занимают психологические признаки и выражающие их прилагательные. Эти слова бывают нескольких смысловых типов.

А. Первую группу составляют определяющие улыбку прилагательные, которые обозначают актуальное эмоциональное состояние субъекта. Соответствующие улыбки выражают либо сочетание двух и более чувств, испытываемых человеком, либо быструю смену одного чувства другим. **Грустная улыбка** – это улыбка на лице грустящего человека или, точнее, улыбка, подобная той, которая бывает у человека, когда тот грустит, – потому что, когда мы решаем, действительно ли человек с данной улыбкой грустный, мы автоматически производим сопоставление с известным нам эталоном, ср. (18) *Я вспомнил о том, как я не собирался дожить до этой зимы, до первого снега. Это вызвало у меня грустную улыбку.*

Рассеянная улыбка – это улыбка человека, погруженного в свои мысли, а **удивленная улыбка** обычно возникает, когда происходит какое-то неожиданное событие, к которому или к возможному результату которого у жестикулирующего хорошее отношение (например, человек случайно встречает на улице друга детства, с которым много лет не виделся). **Удивленную улыбку** отличает слегка приоткрытый рот, что почти всегда бывает при выражении удивления, но губы растянуты в улыбку, а их уголки чуть оттянуты назад; кроме того, брови подняты, а глаза улыбающегося человека несколько расширены по сравнению с нормой. Чувство удивления обычно быстро проходит, и форма лица меняется: на нем остается **обычная или широкая улыбка**. См. также такие улыбки, как *страдальческая, задумчивая, глупая, довольная, тревожная, смущенная, злая, угрюмая, хитрая, лукавая, озорная, злобная улыбки*, ср., например, (19) *Я обратил внимание на его улыбку: она была жестокая и глупая, словно улыбка ребенка, приклеенная к лицу взрослого* (Леру. Духи Дамы в черном). Многие из приведенных сочетаний образуют отдельные смысловые типы улыбок.

Б. Вторую группу образуют психологические прилагательные, выражающие постоянное свойство, а не временное состояние: *мудрая, добродушная, умная, надменная, наглая улыбка*. Впрочем, как хорошо известно, между первой и второй группой нет непроходимой границы: в ту же вторую группу могут войти, например, рассмотренные выше *страдальческая улыбка и рассеянная улыбка*, если эти улыбки, соответственно, характеризуют людей, по натуре склонных к страданиям и мечтательных, и потому постоянно им присущи.

В. В третью группу входят слова, обозначающие отношение жестикулирующего а) к адресату, б) к ситуации или предмету речи а, возможно, и к третьему лицу. Имена *добрая, ласковая, любезная, нежная, заискивающая, недоверчивая, дружелюбная, прерзительная, благосклонная, обольстительная, кокетливая, милостивая, сладкая, снисходительная* и под. применительно к улыбке выражают отношение к адресату, *торжествующая, деловая, победная, скептическая, невозмутимая* – к ситуации, предмету речи или третьему лицу. Ср. например, (20) – *В Таллинне опохмелимся, – сказал Жбанков, – есть около шести рублей. А хочешь, я тебе приятную вещь скажу? Жбанков подмигнул мне. Радостная, торжествующая улыбка преобразила*

его лицо. – Сказать? Мне еще Жора семьдесят копеек должен! (Довлатов); (21) Он опять со снисходительной улыбкой направлял на нее токующий взгляд, под которым она еще больше выпрямлялась... (Искандер. Табу); (22) Странная, медленная, нежная улыбка всплыла из глубины существа Борского и завладела лицом, наделив его непривычной мягкостью (Нагибин. Поездка на острова); (23) Улыбка у него была всегда сладкая: степень ее сладости зависела не от содержания разговора, а от того, с кем он говорил. Но коричневые глаза его никогда не отвечали улыбке, в них постоянно было беспокойство; иногда они желтели и сразу становились очень злыми. В этом полном несоответствии глаз и улыбки заключалась особенность его лица, вызывающая у наблюдательных людей смутную тревогу (Алданов. Начало конца); (24) "Пожертвовав четвертью акций, концерн перестанет быть белой вороной в сферах реального бизнеса... Это высокая, но разумная плата", – подчеркнул Андриюша, улыбаясь господам безжизненной деловой улыбкой (Гер. Сказки по телефону).

Описываемые здесь улыбки нередко смягчают отрицательные чувства и отношения к адресату, а иногда даже ловко маскируют отрицательные и – реже – нейтральные эмоции. Так, улыбка на лице говорящего, появившаяся сразу же вслед за резкими словами, брошенными в адрес собеседника, имеет ясную прагматическую цель – по возможности успокоить адресата, показать ему, что говорящий не намеревался его обидеть, что резкие слова говорящего не стоит воспринимать слишком серьезно, что адресат уже прощен, что к нему хорошо относятся, и под. Но в другой ситуации улыбка уже может быть вызвана совсем другими причинами. Например, в европейской культуре человек (как правило, это бывает мужчина) часто *натягивает на лицо улыбку*, как маску, стремясь в данной ситуации общения "сохранить лицо", то есть следовать этической установке не демонстрировать в разговоре мысли и чувств, не вписывающихся в принятые обществом нормы поведения. (Не случайно, в одном из "Писем к сыну" граф Честерфилд, всегда наставлявший сына, как тому следует вести себя в светском обществе, писал, что превыше всего человеку нужно иметь *volto sciolto e pensieri stretti*, то есть открытое лицо и скрытые мысли.) В этих случаях человек не хочет показать собеседнику, какие у него возникли переживания, не хочет раскрыть перед ним своей истинной обиды, сожаления, злости, боли, недоверия, удивления или еще какого-либо реально появившегося отрицательного или нейтрального чувства. Такое невербальное поведение вызвано "требованиями момента" и может быть связано, в частности, со стремлением улыбающегося извлечь для себя какую-то выгоду, однако изначально оно всегда обусловлено существующими социальными нормами и правилами этикетного поведения. И хотя во всех случаях улыбки означают, что человек чувствует что-то хорошее, ситуации и мотивы возникновения улыбок, а также форма передачи и степень проявления испытываемых чувств могут быть самыми разными.

Г. Четвертая группа слов состоит из психологических прилагательных, которые отражают намерения жестикулирующего по отношению к собеседнику, например, желание его успокоить, утешить, приободрить, посочувствовать, поблагодарить, польстить, пококетничать или, наоборот, причинить зло, обмануть, войти в доверие, соблазнить и многое другое; ср. *успокаивающая, ободряющая, льстивая, подкупающая, сочувственная, благодарная, кокетливая, коварная, угодливая, предательская, соблазнительная, призывная улыбки*.

Д. Пятая группа – это слова, описывающие соответствие или несоответствие улыбки реальному психологическому состоянию улыбающегося: *искусственная, деланная, (не)естественная, (не)натуральная, фальшивая, неуместная, притворная, (не)искренняя, заученная, отработанная, натянутая* и т.п. улыбки. Часть из перечисленных прилагательных, например, *искусственная*, является видообразующими. **Искусственная** (а также: **фальшивая, ненатуральная, неестественная, деланная**) улыбка напо-

минает **верхнюю улыбку**, разновидность **естественной**, однако между ними, помимо очевидных смысловых, имеются и некоторые структурные различия.

Поставив важный и интересный вопрос о том, можно ли по выражениям лица отличить искренние проявления чувств от притворных, и анализируя различные формы и конфигурации лица, которые могли бы служить достаточно надежными невербальными ключами к распознаванию обмана и лжи, известные в мире специалисты в области теории эмоций П. Экман и У. Фризен исходили из того, что мимику рта физиологически легче контролировать, чем, например, движения глаз или движения мышц верхней части лица. Поэтому именно в верхней части лица следовало, по их мнению, искать непроизвольно возникающие и не контролируемые черты, свидетельствующие о неискренности воспроизводимых жестов. В частности, изучая разного рода улыбки, им удалось показать (см., например [Экман, Фризен 1982]), что **искусственная**, или **фальшивая, улыбка** не образует под глазами тех кожных складок, что появляются при обычной **верхней улыбке**, и что человек, улыбающийся **фальшивой улыбкой**, не способен намеренно воспроизвести эти складки под нижними веками. П. Экман и У. Фризен утверждают, что даже малолетний, но достаточно внимательный человек после некоторой тренировки сумеет отличить **фальшивую улыбку** от **естественной**. И в этом ему может помочь также то обстоятельство, что, как показала многолетняя практика наблюдений над бытовым поведением людей разных культур, **фальшивая улыбка** на лице человека чаще всего возникает не вовремя, то есть раньше или позже, чем можно было бы ожидать.

Е. Шестая группа – это имена прилагательные, передающие стилистические особенности поведения человека или стилистические особенности текста, например *ироничная, (не)выразительная, шутливая, ехидная, игровая, неофициальная или официальная улыбки*.

Ж. Наконец, последняя, седьмая, группа психологических прилагательных образована словами, дающими улыбке оценку при ее восприятии: *неприятная, безобразная, уродливая, отвратительная, омерзительная, гадкая, гнусная, вымученная, скверная, маразматическая, раздражающая, ядовитая улыбки*, а также *приятная, изумительная, восхитительная, обворожительная, очаровательная, чарующая, обаятельная, ангельская, привлекательная, пленительная, божественная, неотразимая улыбки* и др. Конечно, компонент оценки присутствует и у многих непсихологических прилагательных, о чем уже говорилось выше, но у слов данной группы оценочная функция является основной. Эти слова, как правило, прямо не связаны с отдельными семантическими классами улыбок, то есть не являются видообразующими, хотя в норме, например, **восхитительная улыбка** едва ли может быть **фальшивой** или **натянутой**; скорее всего, это **улыбка открытая, приветливая**.

Иногда, как все мы знаем, однозначно установить сферу действия прилагательного не удастся. Так, у сочетания *злая улыбка* наблюдается контаминация двух смыслов: с одной стороны, *злая улыбка* может выражать злобное отношение к адресату, а с другой стороны, быть вызвана какими-то аспектами ситуации. Аналогичное утверждение можно высказать и относительно сочетаний *ироничная улыбка, снисходительная улыбка* или *равнодушная улыбка*; ср. (25) *И Чорба облегченно вздохнул и понял, что искус окончено. Он перебрался на кушетку и, сжимая руками волосатую голень, с равнодушной улыбкой смотрел на женщину* (Набоков. Возвращение Чорба).

б. Еще один класс составляют прилагательные, являющиеся метафорическими описаниями улыбок. Культурная маркированность лица как части тела широко отражается в устойчивых полусвободных сочетаниях, и применительно к улыбке используется целый ряд метафор. Во-первых, это **метафора света**: *светлая улыбка*, ср. (26) *Молодая женщина тащила с речки корзину белья. Она шла и улыбалась такой светлой улыбкой, что Чонкин поневоле тоже заулыбался* (Войнович. Жизнь и не-

обычайные приключения солдата Ивана Чонкина), *ослепительная улыбка, сияющая улыбка, яркая улыбка, солнечная улыбка, лучезарная улыбка* (примерно соответствует русскому выражению *рот до ушей*), *хмурая улыбка, мрачная улыбка, тень улыбки*. Когда у человека лицо *расплылось в улыбке*, то есть когда он "переполнен приятными эмоциями", когда его лицо *сияет от радости* или *освещается радостью*, когда улыбка *озарила его лицо*, то мы понимаем, что он улыбается настоящей улыбкой. Напротив, отсутствие света, то есть когда человек нахмурился, когда его лицо омрачилось, потемнело или тень пробежала по лицу и т.п., говорит о том, что улыбки на лице нет. Во-вторых, это **метафора движения улыбки** – скольжения, хода, бега, плавания: *ускользающая, скользящая по лицу улыбка, убегающая улыбка*, см. также *расплыться в улыбке, улыбка пробежала по ее лицу, улыбка сошла с его губ, застывшая улыбка*. Далее назовем **метафоры вкуса** – *сладкая, слащавая, приторная, сладенькая, кислая и горькая улыбки*, ср. (27) (Джюльетта) Ну, няня... *Чем ты так огорчена? Дурных вестей не множь угрюмым видом. Но если сообщенья хороши, Их портит кислая твоя улыбка* (Шекспир. Ромео и Джульетта, перев. Б. Пастернака), **метафоры мягкости** – *мягкая улыбка, жесткая улыбка*, ср. (28) "*Фрейлейн Петерс, – с мягкой улыбкой обратился к ней Кречмар, – я хочу вам представить создателя знаменитого зверька*", **температуры** – *ледяная улыбка, холодная улыбка, теплая улыбка, застывшая улыбка, тяжести* – *легкая улыбка, тяжелая улыбка*, ср. (29) *Прежде он упоминал о начальстве не иначе как с серьезным видом, потом – с легкой улыбкой, которую можно было понимать разное, а еще позднее заговорил почти откровенно* (Алданов. Начало конца).

Сделаем один важный вывод. Все описанные метафоры говорят о том, что в норме русское "позитивное" лицо должно быть теплым, подвижным и экспрессивным; ср. сочетания *теплое лицо, живое лицо, оживленное лицо, выразительное лицо*. Если же лицо человека не выражает эмоций, то оно метафорически обозначается в русском языке с помощью выражений образа застывшей жидкости или твердого статуарного предмета, ср. *застывшее, неподвижное, деревянное, каменное лицо*. На таком лице улыбки также быть не может, и оно обычно оценивается как плохое (похожие замечания про метафоры тепла и жесткости и про их применение в других языках можно найти в книге [Вежбицкая, 1999: 226–227]).

* * *

Выше мы перечислили наиболее употребительные типы языковых номинаций русских улыбок, связанные с семантическими свойствами прилагательных. Всего нами было собрано порядка 160 прилагательных, и среди них: *белозубая (улыбка)* (форма, зубы), *дрожащая* (форма, губы), *натянутая* (форма, восприятие), *слабая* (физический признак, интенсивность), *мимолетная* (абсолютное время), *запоздалая* (относительное время), *детская* (социальный признак, возраст), *клоунская* (социальный признак, профессия), *дружеская* (социальный признак, отношение к коммуникативному партнеру), *приветственная* (социальный признак, тип ситуации общения), *болезненная* (физическое состояние), *грустная* (психологический признак, актуальное эмоциональное состояние жестикулирующего), *выжидательная* (психологический признак, актуальное эмоциональное состояние жестикулирующего или относительное время), *рассеянная* (психологический признак, актуальное эмоциональное состояние или свойство жестикулирующего), *доброжелательная* (психологический признак, отношение жестикулирующего к адресату), *деловая* (психологический признак, отношение жестикулирующего к ситуации), *гадкая* (психологический признак, оценка при восприятии), *вежливая* (социальный признак, социальные отношения между говорящими), *официальная* (стилистические особенности ситуации общения), *ненатуральная* (несоответствие улыбки

реальному психологическому состоянию субъекта), *мрачная* (метафора света), *ускользающая* (метафора движения), *кислая* (метафора вкуса), *легкая* (метафора тяжести), *холодная* (метафора температуры).

Эти примеры, как нам кажется, дают наглядное представление о семантическом богатстве и самих русских улыбок и их имен.

§4. РУССКИЕ УЛЫБКИ: ФРАГМЕНТ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ

Теперь мы можем представить фрагмент семантической типологии русских улыбок.

Основные семантические типы русских улыбок – это **улыбки-чувства**, которые распадаются на два класса: позитивные и нейтральные/отрицательные, **улыбки-состояния/свойства**, которые, как у улыбки-чувства, имеют свои морфологические и структурные признаки и отображают два вида состояний/свойств: физические и психические, и **улыбки-отношения**, также имеющие свои формальные показатели и разбивающиеся на четыре класса: эмоциональные, общекommunikативные, этикетные и социальные. Улыбки каждого из выделенных классов могут оцениваться с помощью стандартных языковых средств, часть из которых указана в конце приводимой ниже таблицы.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ РУССКИХ УЛЫБОК:

1. Улыбки-чувства

а) позитивные

высокая интенсивность

Пример: тип открытая улыбка

физические свидетельства и/или степень проявления чувства

– *белозубая, открытая, широкая*

отображения чувств

– *блаженная, веселая, радостная, счастливая*

метафоры

– *белоснежная, светлая, сияющая*

нормальная интенсивность

Пример: тип нормальная улыбка

довольная, естественная, обыкновенная, обычная

метафоры

– *легкая, теплая*

б) нейтральные/негативные

Пример: тип кривая улыбка

физические свидетельства

– *кривая, 'улыбка уголками губ'*,

отображения чувств

– *несчастливая, печальная, робкая*

метафоры

– *горькая, жесткая, кислая*

2. Улыбки-состояния/свойства

физические свидетельства и/или степень проявления чувства

– *тонкая, 'улыбка с втянутой губой'*

отображения физических состояний/свойств

– *больная, изможденная, измученная, нездоровая, усталая*

отображения психических состояний/свойств

– *беззаботная, наглая, нервная, равнодушная, спокойная*

метафоры

– *легкая, слабая*

3. Улыбки-отношения

эмоциональные

– злорадная, коварная, приветливая, метафоры: ледяная, теплая

(обще)коммуникативные

– искусственная, неискренняя, притворная, фальшивая

этикетные

– вежливая, официальная, приветственная, прощальная, фамильярная

социальные

возраст

– детская, младенческая, старческая

профессия

– голливудская, клоунская, профессиональная

ранг (статус)

– барская, начальственная, холуйская

степень родства/знакомства

– дружеская, материнская, отеческая

ОЦЕНКИ (ПРОЯВЛЕНИЯ) ЧУВСТВ/СВОЙСТВ/СОСТОЯНИЙ

Положительная оценка	Отрицательная оценка
хорошая	неприятная
обаятельная	глупая
обворожительная	отвратительная
обезоруживающая	ужасная
приятная	омерзительная
умная	жалкая
мудрая	скверная
<u>Метафоры</u>	<u>Метафоры</u>
мягкая	приторная
солнечная	слащавая

§5. РЕКОНСТРУКЦИЯ УЛЫБОК ПО ИХ ЯЗЫКОВОМУ ОПИСАНИЮ (К ПОСТАНОВКЕ ЗАДАЧИ)

При любом способе построения типологии улыбок встает правомерный вопрос: как соотносятся языковые обозначения улыбок, характеризующие жестикулирующего, с реальными русскими улыбками? Иными словами, речь идет о задаче восстановления жеста по его языковому описанию. На практике с такой задачей всегда сталкивается, например, режиссер при постановке пьесы или фильма. В особенности трудной и вместе с тем чрезвычайно актуальной является данная задача в случае, если произведение, выбранное для сценической или экранной реализации, является иностранным.

Поясним, что именно мы имеем в виду под реконструкцией улыбки. Допустим, что мы встретились со следующим текстом:

(30) *Левий улыбнулся столь недоброй улыбкой, что лицо обезобразилось совершенно* (Булгаков. Мастер и Маргарита).

Сам по себе факт кардинального преобразования лица, о котором идет речь в этом предложении, – независимо от языковой характеристики улыбки как *недоброй*, – свидетельствует о том, что вызвавший трансформацию лица жест не является стереотипным, то есть естественным, обыкновенным. По сравнению с обычной улыбкой меняются и семантический тип и физическая реализация жеста. Что же имеется в виду под языковым сочетанием *недобрая улыбка*? Очевидно, что это название улыбки, которая кодирует определенный смысл – отношение к адресату – и характеризуется определенными формой рта – почти закрытый рот – и положением губ – вытянутые губы, не направленные вверх. Кроме того, *недобрая улыбка* всегда сопровождается определенным, злым, выражением глаз и фиксированной формой бровей, лицо и,

возможно, поза жестикулирующего напряжены. Иными словами, за языковым выражением *недобрая улыбка* скрывается не один жест улыбки, а целый **жестовый комплекс**.

Такого рода ситуация по нашим наблюдениям имеет место во всех случаях с психологическими и социальными прилагательными, на что указывают сразу несколько факторов: 1) языковой контекст номинации жеста; 2) улыбки, наблюдаемые в конкретных ситуациях общения, и 3) комментарий лиц, наблюдающих ту или иную улыбку (такой комментарий можно увидеть в сценариях к фильмам, в рекомендациях режиссеров или в ремарках, содержащихся в текстах сценических произведений).

Приведем еще несколько примеров того, как может идти реконструкция жеста улыбки.

А. Начнем с того, что рассмотрим, как под действием отдельных элементов языкового контекста восстанавливается определенный вид улыбки. Возьмем следующий текст:

(31) – *Павел Константинович! – проговорил он умоляющим голосом. – Не успокаивайтесь, не давайте усыплять себя! Пока молоды, сильны, бодры, не уставайте делать добро!... И все это Иван Иванович проговорил с жалкой, просящей улыбкой.*

В авторской ремарке, вводящей слова обращения, указан тип голоса, которым оно произносится. Умоляющий голос как параязыковой элемент жестко привязан к определенным русским жестам, например, таким, как **прикладывание рук к груди или наклон корпуса в сторону адресата**. Физическая дистанция между говорящим и адресатом при этом уменьшена по сравнению с нормой (русская культура является неконтактной или мало контактной). Сюда же можно отнести и конкретную улыбку, а именно ту, о которой говорится в тексте. Таким образом, здесь наблюдается тройное семантическое согласование: жеста, голоса и языковых обозначений того и другого.

Некоторые виды улыбок уже прочно вошли в центр русской невербальной этикетной системы. Они допускают сравнительно небольшую вариативность как в названии, так и в форме исполнения. Они высокочастотны, хотя и являются ситуативными, то есть привязанными к строго фиксированным ситуациям и невербальным актам. Так, приветствия и знакомства, поздравления и пожелания – все эти коммуникативные семиотические, а отнюдь не только речевые, акты канонически совершаются с **приветливыми улыбками**. **Приветливая улыбка** в таких ситуациях появляется почти всегда, то есть невербальное общение в указанных семиотических актах в сильной степени лексикализовано. Так, например, за **приветливой улыбкой в ситуации приветствия (приветственная улыбка)** скрываются важные, культурно и социально нагруженные, интерактивные, фактические и эмоциональные смыслы. Среди них ‘предложение установить коммуникативный контакт’, ‘добродушие’, то есть ‘теплое, доброжелательное отношение к адресату’ (= ‘я хочу, чтобы ты знал, что я сейчас чувствую к тебе нечто хорошее’), ‘надежда получить в ответ аналогичную улыбку’, то есть ‘оптимистичное ожидание от адресата ответной приветливой улыбки’, и, тем самым, ‘неприятие какой-либо негативной, жестовой или словесной, реакции с его стороны’, ‘радушие’ (= ‘доброе отношение, выражаемое при встрече, какое обычно бывает при радостной и сердечной встрече гостя хозяином’) и др. Отсюда легко устанавливается близость **приветливой и приветственной улыбок** к другому виду улыбок – **широкой (открытой, доброжелательной и пр.)**. Иными словами, эти улыбки объединяются в один жестовый синонимический ряд.

По своей форме **приветливая улыбка** – это улыбка с открытым ртом, поза человека при этом свободная, корпус устремлен к адресату, глаза радостно смотрят на него. Такая улыбка часто сопровождается словами, передающими радость от встречи с адресатом или радость за него, а также жестами типа ‘раздвинуть руки в знак приветствия’, ‘помахать приветственно рукой’ и т.п.

Б. Обратимся теперь к комментариям в пьесах. Мы обсудим лишь один пример.

В пьесе Ж.-П. Сартра "Дьявол и Господь Бог" происходит диалог, в котором банкир предлагает архиепископу сделать то, что тот и сам бы хотел сделать, но не может, а потому в ответ, как сказано в ремарке, "*печально улыбается и пожимает плечами*". Читатель понимает, что улыбка архиепископа меньше всего похожа на прототипическую, обычную, на что указывает наречие *печально*. Русские жесты печали – это **нахмуренный лоб, напряженный рот, немигающие, или, напротив, закрытые глаза, сжатые губы, скованная поза**, и они никак не сочетаются с **открытой, широкой улыбкой**. **Печальная улыбка** должна соответствовать всем этим элементам: она образуется из комбинации почти прикрытого рта, губы при этом чуть скривлены, а их уголки направлены вниз, глаза улыбающегося могут не смотреть на адресата.

* * *

Для правильной интерпретации улыбки часто необходимо исследовать не только вербальный, но и **невербальный** контекст ее номинации.

В. Рассмотрим пример (32): – *Телохраниитель?* – удивленно переспросила Розочка. – *Зачем он нам?* – *Да и дорого, наверное?* – подхватила Зинаида Александровна. – *Не беспокойтесь, все оговорено в вашем контракте!* – с **вежливой улыбкой поклонился** им Эммануэль.

Здесь мы видим совместное исполнение двух жестов – мимического (**улыбки**) и знакового телодвижения (**поклона**), причем имеется в виду не очень низкий поклон, то есть выражение именно вежливости, а не, скажем, раболепия или подобоострастия. **Поклон** для большинства культур, включая русскую, является жестом почтительной вежливости, и в нормальной ситуации улыбка должна соответствовать исполняемому телодвижению, согласованному с контекстом. Таким образом, если бы даже в разбираемом тексте не было прилагательного, характеризующего улыбку, можно было бы сравнительно легко реконструировать семантический тип и форму улыбки. Вообще, улыбка всегда должна сочетаться с выражением глаз, всего лица, позой, жестами рук, иначе она выглядит неестественной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе был построен фрагмент семантической типологии определенного вида жестов – русских улыбок. Кроме того, показано, как на основе конкретно-языковых описаний улыбок можно проводить реконструкцию стоящих за ними реальных жестов. Нам кажется, что подход от лингвистики позволит успешно прийти к конечной цели нашего исследования этого вида жестов – составлению словаря русских улыбок и выявить некоторые тонкие различия между его отдельными единицами.

В будущем намечается: 1) описание функций и ролей русских улыбок в акте коммуникации; 2) составление словаря русских улыбок, где будут предложены развернутые толкования основных русских улыбок, описаны их основные круги употреблений и указаны смысловые соотношения между этими жестами и их номинациями; 3) изучение метафор, используемых при описании улыбок и 4) построение полной семантической типологии русских улыбок. Кроме того, в качестве одной из более отдаленных, перспективных, задач можно назвать 5) аналитическое исследование явления смеха как жеста, наиболее близкого к улыбке, – выделение видов смеха, описание условий их функционирования, исследование способов и механизмов вербальной и невербальной концептуализации смеха в русском языке и русском языке тела и б) компаративный анализ типов улыбок и смеха в различных языках и культурах, выявление лингвистических культурных сходств и различий в самих этих невербальных единицах, а также в их наименованиях и физических реализациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю Д* 1986 – Интегральное описание языка и толковый словарь // ВЯ 1986 № 2
- Григорьева С А , Григорьев Н В , Крейдлин Г Е* 1996 – Словарная статья в новом экспериментальном словаре русских жестов, мимики и поз // Московский лингвистический журнал 1996 № 2
- Григорьева С А , Григорьев Н В , Крейдлин Г Е* 2001 – Словарь языка русских жестов М , 2001
- Крейдлин Г Е* 1999 – Голос и тон в культуре и языке // Язык о языке / Под ред Арутюновой Н Д М , 1999
- Крейдлин Г Е* (в печати) – Невербальная семиотика М , 2001 (в печати)
- Крейдлин Г Е , Григорьева С А , Григорьев Н В* 1996 – О новом экспериментальном словаре русских жестов, мимики и поз // Гуманитарная наука России Соросовские лауреаты (лингвистика) Материалы Всероссийского конкурса научно-исследовательских проектов в области гуманитарных наук М , 1996
- Лихтенберг Г К* 1965 – Афоризмы М , 1965
- НОСС 2000 – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка Второй выпуск / Под общим рук Ю Д Апресяна М , 2000
- Реформатский А А* 1963 – О перекодировании и трансформации коммуникативных систем // Исследования по структурной типологии М , 1963
- Уэйррайт Г* 1999 – Язык тела М , 1999
- Bell Ch* 1844 – Visible speech the science of universal alphabetics London, 1844
- Blurton-Jones N G* 1972 – Categories of child-child interaction // Blurton-Jones N G (Ed) Ethological study of child behavior Cambridge, 1972
- Blannigan Ch , Humphries D* 1972 – Human non-verbal behavior a means of communication // Blurton-Jones N G (Ed) Ethological studies of child behavior Cambridge, 1972
- Darwin Ch* 1872 – The expression of the emotions in man animals New York, 1872 [3rd edition – 1965]
- Duchenne G B* 1990 – The mechanism of human facial expression or an electro-psychological analysis of the expression of the emotions Cambridge, 1990
- Efron D* 1941 – Gesture and environment New York, 1941 [в 1972 году книга вышла под названием Gesture, Race and Culture]
- Ekman P* 1992 – Facial expressions of emotion new findings, new questions // Psychological science 1992 № 3
- Ekman P , Davidson R , Friesen W V* 1990 – Duchenne's smile emotional expression and brain physiology II // Journal of personality and social psychology 1990 V 58
- Ekman P , Friesen W V* 1982 – Felt, false, and miserable smiles // Journal of nonverbal behavior 1982 № 6
- Fernando Dols J M , Ruis Belda M A* 1995 – Are smiles a sign of happiness? Gold-medal winners at the Olympic games // Journal of personality and social psychology 1995 V 69 № 6
- Fridlund A.J* 1994 – Human facial expression San Diego, 1994
- Hooff I A R van* 1976 – The comparison of facial expression in man and higher primates // Cranach N (Ed) Methods of inference from animal to human behavior Chicago 1976
- Iordanskaja L , Paperno S* 1996 – A Russian-English collocational dictionary of the human body Columbus (Ohio), 1996
- Kendon A* 2000 – Studying gesture in Naples and elsewhere // Gestures meaning and use Porto, 2000
- Kim Ki hong* 1978 – Misunderstanding in nonverbal communication America and Korea // Papers in linguistics 1978 № 1–2
- Klineberg O* 1935 – Emotional expression // Race differences New York, 1935
- Klaut R E , Johnston R E* 1979 – Social and emotional messages of smiling an ethological approach // Journal of personality and social psychology 1979 37 № 6
- Maury-Rouan C* 2000 – Audible facial expressions and the case of the smile in blind born children // Gestures meaning and use Porto, 2000

- Posner R , Kruger R , Noll T , Serenari M* 1998 – The Berlin dictionary of everyday gestures // The semantics and pragmatics of everyday gestures Abstracts Berlin, 1998
- Preuschoft S , Hooff J A R van* 1997 – The social function of 'smile' and 'laughter' variation across primate species and societies // Segestråle U , Molnar P (Eds) Nonverbal communication Where nature meets culture Mahwah (New Jersey), 1997
- Seaford H W Jr* 1978 – Maximizing replicability // *Semiotica* V 24 № 1–2
- Wierzbicka A* 1985 – Lexicography and conceptual analysis Ann Arbor, 1985
- Wierzbicka A* 1995 – Kisses, handshakes, bows The semantics of nonverbal communication // *Semiotica* V 103 № 3–4 1995
- Wierzbicka A* 1999 – Emotions across languages and cultures diversity and universals Cambridge, 1999

© 2001 г. В.В. ЛЕВИЦКИЙ

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СИНКРЕТИЗМ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ И ГЕРМАНСКОМ

1. СЕМАНТИЧЕСКИЙ СИНКРЕТИЗМ

1.1. Понятие "семантический синкретизм". Под семантическим синкретизмом понимается объединение в одном значении нескольких, часто трудно совместимых, семантических компонентов. При этом термин "синкретизм" употребляется до некоторой степени условно. То, что обозначается словом "синкретизм", может быть лишь цепочкой семантических трансформаций, из которой исследователю известно начальное и конечное звено. Что касается промежуточных звеньев в такого рода связках, то они, как правило, допускают множество альтернативных толкований, каждое из которых может быть подтверждено фактами, реально зафиксированными в том или ином языке, хотя, разумеется, в некоторых случаях выдвигаемые семантические гипотезы остаются чисто умозрительными. Их реальность подтверждается прежде всего регулярной повторяемостью определенных семантических изменений.

1.2. Синкретизм значения "резать/связывать/гнуть". Одной из наиболее важных гипотез, на которой основана этимологизация и.-е. и герм. корней в данной статье, является гипотеза о синкретизме понятия "резать/связывать/гнуть". Эта гипотеза в неявном виде высказывается в некоторых этимологических словарях. В наиболее четком виде она сформулирована О.Н. Трубачевым. Вначале О.Н. Трубачев говорил об универсальном характере семантического перехода "резать, ломать, рубить > плести, вить, крутить" [Трубачев 1966: 250]. Позже, в "Этимологическом словаре славянских языков", предпочтение было отдано термину "синкретизм". Вот некоторые из сопоставлений, приводимых О.Н. Трубачевым: дисл. *skera* "резать", ди. *křntati* "режет", но гот. *haurds* (<**krtis*) "дверь" ("нечто сплетенное"), ди. *křnatti* "крутит, сучит" (и.-е. **sker-* "резать/связывать"); ди. *dālayati* "раскалывает", но дирл. *dolb(a)id* "формирует" (и.-е. **del-*); рус. *дербить* "чесать, скрестя", но ди. *drbhati* "связывает, вьет" (и.-е. **derbh-*); лит. *plàkti* "бить, стучать", но рус. *плести* (ие. **plek-*); рус. *тесать*, но лат. *texere* "связывать" (ие. **teġ-s-*).

Идея о неразрывной связи значений "резать/связывать/гнуть" была обоснована на большом фактическом материале индоевропейских языков М.М. Маковским, который соотносит эту связь с положением Основного мифа о Разрыве как необходимой предпосылке Соединения, создания вселенской Гармонии, Порядка (эти последние равносильны Соединению). М.М. Маковский считает, что значения "резать/связывать/гнуть" можно признать "первозначениями" для индоевропейского, и включает их в общую систему энантиосемии, типичную для дологического мышления (соединение противоположных значений, согласно М.М. Маковскому, представляет собой один из видов табуирования в языке наряду с табуирующими отрицаниями в начале слова). Концепция М.М. Маковского изложена в [Маковский 1989; 1995; 1996: 337–375; 2000].

В словаре [Рокоту 1959–1969] сопоставляемые О.Н. Трубачевым лексемы приписываются либо омонимичным формам (*sker-*), либо интерпретируются как дериваты, возникшие в результате цепочки семантических изменений ("резать > заниматься

резьбой > искусно вырезанное, фигура, образ"), либо, наконец, представляются как комплексное действие, состоящее из различных видов деятельности ("сколачивать", "плотничать", "плести", "соединять" и т.п.).

Таким образом, гипотеза о семантическом синкретизме позволяет по-новому интерпретировать целый ряд и.-е. корней и деривационно-семантические связи между ними. Наблюдения показывают, что в некоторых случаях принятие этой гипотезы допускает не только альтернативное этимологическое решение, но предоставляет единственно возможный вариант этимологического толкования форм, происхождение которых до сих пор остается неясным.

1.3. Типология дериватов понятий "резать" и "связывать". Для предпринимаемой нами далее этимологизации многих германских и индоевропейских форм представляется важным и необходимым воссоздание перечня основных семантических дериватов и вариантов понятий "резать" и "связывать", большинство из которых в более или менее явном виде представлены в словаре Покорного. Упорядочение семантической мотивации этимологических решений с опорой на повторяемость определенных семантических переходов в разных языках является, по мнению В.И. Абаева, одним из основополагающих принципов создания этимологического словаря [Абаев 1986: 26].

Сема [резать] выступает в виде следующих вариантов (деривационные отношения между этими вариантами могут иметь разностороннюю направленность):

а) острый; режущий, колющий предмет (меч, стрела, плуг и т.п.): дисл. *harfr* "борона", днв. *scara* "лемех", ди. *krpāna*- "меч" (< *sker*- "резать"); ди. *chidira*- "топор, меч" (< *skei*- "резать"); лат. *cultur* "нож", фрак. *skalmē* "меч, нож" (< *skel*- "резать"); ст.-сл. *корьје* (< *skep*-*lskop*- "обрабатывать острым инструментом"); дисл. *bīldr* "наконечник стрелы" (< **bheig*- "бить"); дисл. *dālkr* "игла" (< **dhelg*- "колоть, игла");

б) отрезать, отделять > отряд, толпа, стая, совокупность людей или животных: да. *scolu* "отряд" (< *skel*- "расщеплять, резать"); нем. *Schar* "отряд" (< *sker*- "резать"); с) резвый, резкий, быстрый, проворный: днв. *skēro*, *skioro* "быстрый" (< *skei*- "резать"); лат. *recellō* "отскакивать, отлетать" (< **kel*- "бить"); рус. лютый (< *leu*- "отрезать") [Петлева 1981];

д) ранить, калечить, обрезать животное; причинять вред, ущерб; порицать: днв. *halz* "хромой", греч. *жолоβός* "изувеченный, искалеченный", лат. *calamitas* "ущерб, вред", дирл. *coll* то же, лат. *clādēs* "увечье, повреждение" (< *kel*- "бить"); дисл. *skeina* "легко ранить" (< *skei*- "резать"); снн. *bat* "несчастье, вред" (< *bhāt*-*lbhət*- "бить"); дисл. *bqrg*, днв. *barh* "обрезанный кабан" (< *bher*- "резать"); дисл. *skarð* "зазубрина, дыра, ущерб", ссл. *krъnъ* "изувеченный", *okrъniti* "отрезать" (< *sker*- "резать"); да. *dolg*, днв. *tolc* "рана" (< *dhelgh*- "бить");

е) отделять > очищать, чистый: ст.-сл. *čistъ* "чистый" (< *skei*- "резать"); дисл. *hreinn*, гот. *hrains*, днв. *hreini* "чистый"; дирл. *criathar* "сито", днв. *rītera* "сито" (< *sker*- "резать");

ф) осколок камня, дерева и т.п., щепка, шест, черенок, обломок, лоскут, обрывок, изделия из этого: днв. *scivaro* "щепка, осколок камня" (< *skei*- "резать"); лит. *lūsko* "тряпка, лоскут", лтш. *lauška* "осколок" (< *leu*- "отрезать"); днв. *skaft* "древко, копье", дс. *skaft* "копье" (< *skep*- "резать"); гот. *skildus* "щит", лит. *skiltis* "отрезанный ломоть" (< *skel*- "резать"); дирл. *sciath* "щит" (< *skei*- "резать"); снн. *schīe* "кол в изгороди" ("отщепленный кусок дерева" < *skei*- "резать, отделять"), рус. лавка (< *leu*- "отрезать"); рус. *черен*, лит. *kārtis* "шест" (< *sker*- "резать"); да. *telga* "ветка" (< *del*- "расщеплять, вырезать"); гот. *hallus* "скала", дисл. *hallr* "камень, скала" (< *skel*- "резать"); алб. *kerpë* "утес, скала" (< *sker*- "резать"); дисл. *brik* "доска, скамейка" (< *bhrēj*- "резать"); сирл. *bairrenn* "кусок скалы" (< *bher*- "обрабатывать острым инструментом, резать, тереть, расщеплять");

г) мясо, тело (оба значения тесно взаимосвязаны (см. [Adolf 1937]): дисл. *hold* "мясо", да. *hold* "труп" (< *skel- "резать"); дирл. *colainn* "мясо"; гот. *skilja* "мясник", дисл. *skilja* "отделять" (< *skel- "резать"); лат. *carō* "мясо", дисл. *hqrund* "мясо" (< *sker- "резать");

h) кора, кожа, грубая поверхность: дисл. *skurfa* "короста", да. *skurf* "струп, короста" (< *sker- "резать"); рус. *кора* (< *sker- "резать"); голл. (диал.) *schinde* "кожа, шкура, кора, лыко", дисл. *skān* "кора, корка" (< *sken(d)- "отщеплять"); лтш. *brāiņa* "короста" (< *bhreu-* "резать");

i) резать, отделять > воспринимать, узнавать; умный, ловкий: лат. *cernere* "процеживать, отделять, узнавать, воспринимать"; лат. *scīre* "знать, быть сведущим"; двн. *skēri* "острый, остроумный"; (< *skei- "резать, отделять"). Промежуточными звеньями, как показывают эти примеры, могут быть различные семантические преобразования и переносы (например, "резать > делать насечки > считать, думать" – ср. рус. *считать*; или "резать > острый > остроумный").

j) короткий, укороченный, маленький: двн. *scurz* "короткий", да. *scort* то же, ди. *krdhu-* "укороченный, изувеченный, маленький, недостаточный" (< *sker- "резать"); алб. *holë* "тонкий, нежный" (< *skel- "резать");

к) режущий край, кромка, граница: цсл. *край* "край, берег" (< *sker- "резать"); дисл. *borð* "край, кромка, борт", да. *bord* "борт, край, щит" (< *bheredh- "резать");

л) нечто выдолбленное > сосуд, ножны, корыто, судно: рус. *корыто* (< *sker-* "резать"); дисл. *skīdī* "ножны", *skip* "челн, судно" (< *skej-* "резать"); дисл. *beit* "судно" (< *bheid-* "расщеплять");

м) черпать воду (на основе значения "срезать верхний слой воды"): рус. *черпать* (< *sker-* "резать"); н. *schöpfen* "черпать" (< *skēp-/skēb-* "резать"). В [Pokorny 1959–1969: 945] слав. *čerpti* трактуется как "черпать воду черпаком", т.е. "черпать" рассматривается как семантический дериват понятия "сосуд, которым черпают воду". Аналогичным образом трактуется *schöpfen* (двн. *skaf* "сосуд, черпак", отчего *scepfen* "haufire" – с. 931). Однако, как показал Егерс [Jēgers 1966: 28], "черпать" может быть истолковано так же, как "снимать сливки" (ср. лит. *krėna* "сметана, сливки" – "то, что срезают, снимают послойно", лтш. *krīet* "снимать сливки с молока").

н) нередко на основе значения "резать" развивается значение "проводить полосу, оставлять след, борозду": рус. борозда (< *bher-* "резать"); серб. *dīra* "путь, проложенный войском", болг. *dir'a* "след человека или животного", *dir'ъ* "ищу, выслеживаю, преследую" (< *der-* "сдирать, отщеплять"); далее значение "проводит полосу" может развиваться в значение "касаться" – ср. рус. *касаться* < *kes-* "резать" [Мельничук 1968], рус. *кренути* "купить, взять" < *sker-* "резать" [Трубачев 1986, Вып. 13: 75].

о) на базе значения "резать, высекать" развивается значение "колдовать, чародействовать", нередко в сочетании с семами [знак колдовства], [буква]: лит. *hūrtai* (мн. ч.) "жребий, колдовство", лтш. *burts* "знак колдуна, буква", лит. *burti* "колдовать" (< *bher* "резать" [Jēgers 1966: 38]).

Сема [вить, скручивать] может проявляться в виде следующих значений:

р) вибрировать, дрожать (развивается далее в "швырять, бросать"): двн. *zerhen* "крутиться, поворачиваться", да. *torfian* "бросать, побивать камнями" (ср. н. *drehen* "крутить, вертеть": англ. *throw* "бросать" – сравнение принадлежит Ю. Покорному) < *derbh- см. [Pokorny 1959–1969: 212]; ди. *kirati* "высыпает, выливает, бросает, швыряет" (< *skerə- "прыгать", которое невозможно отделить от *sker- "крутить, вертеть" [Pokorny 1959–1969: 433]). Как видно из приведенного замечания Ю. Покорного, на базе значения "крутиться, вертеться" может возникать также значение "прыгать", которое, в свою очередь, связано со значением "двигаться туда-сюда, спешить; быстрый" (см. пункт q);

q) двигаться, оборачиваясь, крутясь, прыгая, спешить: двн. *scerōn* "быть озорным",

свн. *scheren* "спешить", свн. *scheren* "высмеивать" и "бежать, спешить" (< *sker- "прыгать"). Такие же значения развиваются на базе семы [резать]: ст.-сл. *klattiti* "двигать, трясти, толкать" (< *kel- "бить"); да. *scēadan* "отделять, рассыпать, выливать" (< *skei- "резать"); лит. *skraidus* "быстрый", *skraidyti* "летать кругами, кружиться" (< *skeir- "вертеться, крутиться"; ср. выше дериваты семы [резать]; рус. *скок*, да. *sceacan* "трясти, спешить, уходить, убежать" (< *skek- "прыгать"), двн. *scehan* "спешить, быстро уходить" (< *skek-*lskeg*- "прыгать, оживленное движение");

г) на основе значения "двигаться туда-сюда, дрожать, вибрировать" нередко развивается значение "сиять, мерцать, сверкать", так как "оживленное движение – мерцать, сверкать" является весьма частым соотношением значений [Pokorny 1959–1969: 1099]; ср.: лат. *micāre* "трепетать, дрожать, биться" и "сиять, сверкать, искриться, блестеть" [Walde/Hofmann 1938–1956: 86]; и.-е. **tuej-*, *tuej-s* "возбуждать, двигать туда-сюда, сотрясать, потрясать", и.-е. **tuejs* "сверкать, искриться"; свн. *brehen* "сильно и внезапно вспыхнуть", дисл. *braga* "сверкать, пылать", *bregða* "быстро двигаться, качаться", а. *braid* "плести", двн. *brettan*, свн. *bretten* "тянуть, ткать" [Pokorny 1959–1969: 142]; дисл. *blaka* "биться, трепетать", *blak* "удар", норв. *blakra* "колыхаться" и "блестеть" (< и.-е. **bhlag-* "бить"). Тот факт, что норв. *blakra* сочетает значения "трепетать, колыхаться" и "блестеть", Покорный объясняет совпадением в германском рефлексов двух и.-е. корней **bheleg-* "блестеть" и **bhlag-* "бить" [Pokorny 1959–1969: 154].

Важно подчеркнуть, что в [Pokorny 1959–1969: 1099], кроме указанных выше, засвидетельствован еще один омонимичный корень *tuej-1* со значениями "рубить, бить": да. *ðwītan* "резать, отрезать", дисл. *þveitr* "поперечный удар, разрез", *þveita* "рубить, толкать". Значения обоих корней **tuej-* позволяют реконструировать следующее семантическое развитие: "бить, ударять, рубить > вибрировать, рывать, прерывистое движение > сиять, мерцать". Ср. аналогично **gher-2* "царапать, высекать, скрести" и **gher-3* "сиять, блестеть" [Pokorny 1959–1969: 441]; *ghel-* "блестеть, сверкать" и **ghel* "резать" [Pokorny 1959–1969: 429, 434]; **dhel-2* "светить" и **dhel-3* "дрожать, трепетать" [Pokorny 1959–1969: 246]. Значение "сиять, блестеть" порождает, в свою очередь, различные цветообозначения (**ghel-* "блестеть" и "желтый, зеленый, серый или голубой") [Pokorny 1959–1969: 429]; **bher-* "блестеть" и "коричневый" [Pokorny 1959–1969: 136]; **bhel-* "блестеть" и "белый" [Pokorny 1959–1969: 118]. Таким образом, сема [вибрировать, прерывистое движение] (с последующим переходом в [блестеть, сиять], [свет, цвет], [запах], [звук] – см. схему 2) может возникать как на базе семы [резать, бить], так и на базе семы [вить, крутить]. Это особенно ярко проявляется в соотношении и.-е. корней *mer-1* "плести, связывать" [Pokorny 1959–1969: 733], *mer-2* "сверкать, мерцать" (там же), *mer-3* "цвета темных оттенков" (с. 734) и *mer-5* "разрывать, тереть" (там же).

1.4. Гипотезы, объясняющие семантический синкретизм "резать/связывать/гнуть". Существует несколько гипотез, объясняющих указанный выше семантический синкретизм.

А. Гипотеза, условно обозначаемая нами как "Лес. Дерево". Эта гипотеза выдвинута в работах Й. Трира [Trier 1951; 1952; 1942] и широко используется в этимологическом словаре древнеисландского языка Я. де Фриса [Vries 1962]. В соответствии с этой гипотезой на базе понятия "низкоствольный лес", "дерево", "ветки, хворост" могли возникнуть три комплекса значений: "резать, подрубить, подчищать, ломать, расщеплять"; "связывать, сплетать, вить, собирать, подгонять друг к другу" и "жечь, гореть". Кроме того, на основе значения "отросток" может возникнуть понятие "отпрыск, человек" > "группа людей". Однако чаще, по Триру, значения "человек" и "группа людей" возникают на базе понятия *Mannþing*. *Mannþing* – это культовое, магическое кольцо, образованное из живых людей (мужчин). Значение "группа людей" порождает такие понятия, как "прыгать, плясать", "думать > мудрый",

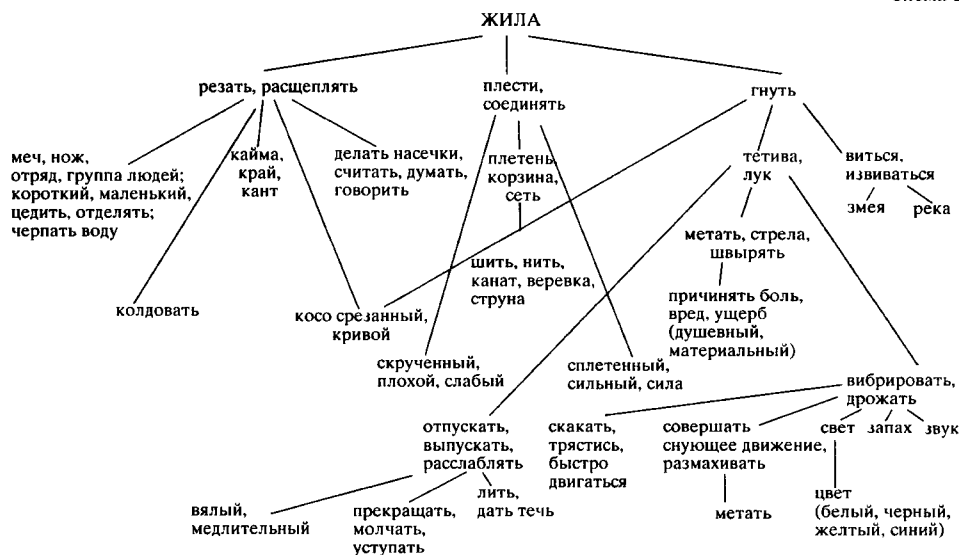
"колдовать". Значение "светить, блестеть" может быть истолковано в свете гипотезы Й. Трира либо как "светлое пятно на дереве, с которого содрана кора", либо как "светлое пятно в лесу, где вырублены деревья". Осуществленная нами реконструкция основных идей Й. Трира представлена в виде схемы (см. схему 1). Гипотеза Й. Трира удовлетворительно объясняет связь многих из перечисленных выше в п. 1.3 значений, но она не может объяснить связь понятий "резать" и "шить", "нить", "игла", "жила", "тетива" и т.п., которая широко представлена в лексике и.-е. языков. Нами выдвинута гипотеза, которую условно можно назвать "Жила. Тетива".

В. Гипотеза "Жила. Тетива" (см. схему 2).

В соответствии с этой гипотезой в основе синкретического значения "резать/связывать/гнуть" лежит понятие "жила; манипулировать жилами". Это понятие, мыслимое первоначально как нерасчлененное целое, порождает семы [резать], [вить], [гнуть], [шить], [тетива]. Сема [тетива] порождает, в свою очередь, семы {дрожать, вибрировать}, {метать, швырять}, {ранить, причинять вред} и т.п. Сема [расслаблять, отпускать тетиву] порождает семы [отпускать], [дать течь, лить]. Таким образом, гипотеза "Жила" хорошо объясняет связь значений "резать", "шить", "течь, лить", "метать, швырять", но плохо объясняет связь значений "резать" и "огонь". Некоторые другие гипотезы ("Домостроение", "Культовые действия", "Низкий. Вода") рассмотрены нами в книге [Левицкий 1997]. Ни одна из этих гипотез не может полностью и непротиворечиво объяснить связь всех значений, образующих несколько пересекающихся друг с другом лексико-семантических микросистем. Поэтому следует, очевидно, полагать, что возникновение этого сложного семантического комплекса является результатом взаимодействия нескольких взаимодействующих факторов.

С. Соотношение понятий "отделять" и "огораживать".

Регулярность сочетаемости значений "резать, рубить, ломать", "связывать, плести" и "гнуть" во множестве различных корней могла возникнуть на основе какой-то общей семантической закономерности. Эта сочетаемость не может быть объяснена реконструкциями частного характера, встречающимися в этимологических исследованиях и словарях, например: "жила > обрезать конец жилы > резать"; "резать > косо срезанный > косою, кривой > гнуть"; "резать, рубить ветки > сплетать ветви > окружать плетнем, забором". Такого рода толкования отражают, по-видимому, лишь частные, единичные процессы внешней действительности. В более общем виде предполагаемая семантическая закономерность может быть условно сформулирована как "отделять,

окружая и огибая". Поясним эту формулу на примере слова *крига*. В этимологическом словаре [Мельничук 1982–1989] различаются два омонима, происхождение которых считается неясным: *крига*¹ "льдина" и *крига*² "рыбачья сеть". Мы интерпретируем оба слова как единое образование с синкретическим значением "резать, ломать/связывать, плести". Промежуточное звено между обоими значениями неизвестно. Между тем, его, видимо, можно восстановить. В примечаниях к повести "Казаки", составленных самим Л.Н. Толстым, читаем: "Кригой называется место у берега, огороженное плетнем для ловли рыбы" (гл. X). Таким образом, *крига* – это "кусочек", часть водоема, отделенная от остального водного пространства, и сема [отделенное, отломанное] явл. в данном случае общей для льдины и для огороженной части реки. Значение "сеть для ловли рыбы" возникло, очевидно, из значения "огороженная плетнем часть реки для ловли рыбы". Таким образом, в основе связи двух "омонимичных" слов лежит семантический комплекс "отделять, огораживая и огибая". Понятно, что эта сема повторяется во множестве других случаев: отделять, огораживая, луг, пастбище, лес, селение, загон для скота и т.п. Обобщение подобных ситуаций и порождает в конечном итоге "семантический синкретизм", сформулированный выше. При таком допущении упомянутое выше трировское понятие Mapping является лишь одним из вариантов в классе однотипных ситуаций, объединяемых денотатом "отделять, огибая и огораживая".

1.5. **Первичный и вторичный синкретизм.** Изложенные выше гипотезы, с одной стороны, и наблюдения над развитием словарного состава в германских языках, с другой, дают основание различать два типа синкретизма – первичный и вторичный. Так, например, как сказано выше, понятие "манипулировать жилами", по-видимому, изначально мыслилось как некоторое нерасчлененное, аморфное целое, из которого лишь постепенно вычленились отдельные операции – [резать], [связывать], [загибать] и т.п. Точно так же можно представить синкретическое понятие "строить, сооружать" (см. 1.2.-е), объединявшее такие (реально зафиксированные в различных языках) значения, как "тесать", "топор", "ткать, плести", "делать, соединять, составлять", "изготавливать, мастерить". Совершенно очевидно, что гиперсемой в данном случае является "мастерить" (в иной семантической записи "делать, соединять, составлять"), а другие значения представляют собой лишь варианты данного нерасчлененного инвариантного понятия. В практике этимологического анализа наблюдаются, однако, такие случаи, когда реконструкция первичного синкрети-

ческого понятия затруднительна, но семы [связывать, плести], [резать, бить], [отпускать, расслаблять] и их дериваты настолько тесно связаны друг с другом и трудно различимы, что исходную гиперсему целесообразно и удобно представлять как единый семантический комплекс. В таких случаях семантический синкретизм носит, по-видимому, вторичный характер, а реконструируемая гиперсема представляет собой такую же "удобную" абстракцию, каковыми являются большинство значений и.-е. или герм. корней.

1.6. Предварительные итоги. Приведенные в п. 1.2 сопоставления можно дополнить следующими (по словарю [Pokorny 1959–1969]): рус. *плести* и лит. *plėšti* "отрывать" (< и.-е. **plek-*); и.-е. **dhō-* "заострять" и **dhō-* "веревка" [Pokorny 1959–1969: 272]; и.-е. **uedh-* "бить, толкать" и **uedh-* "связывать, соединять" (с. 1115–1116); и.-е. **lēk-* "веревка" и и.-е. **lēk-* "разрывать" (с. 673–674); и.-е. **ues-* "колоть" и **ues-* "крутить, заворачивать" (с. 1172–1173); и.-е. **ieų-* "связывать" и и.-е. **ieų-* "отделять" (см. иное объяснение возможной идентичности этих корней в [Pokorny 1959–1969: 511], см. ниже, п. 2.2); и.-е. **uel-* "плести, вить, крутить" и **uel-* "рвать, дергать" (с. 1144); и.-е. *uer-* "связывать" и **uer-* "разрывать" (с. 1162–1163); и.-е. **ker-* "плести, связывать" и **ker-* "разрывать, разламывать" (с. 577–578).

Как видно из всего рассмотренного материала, семантический синкретизм наблюдается в дериватах всех основных ие. базисных морфем (например, *bhā-*, *dhā*, *ghē-*), однако особенно ярко связь понятий "резать, бить" и "связывать, соединять" проявляется в дериватах реконструируемого нами корня **sē-* (см. [Левицкий: 1997]), т.е. в корнях **sekā-/skē-*, **senā-/snē-*, **semā-/smē-*, **selā-/slē-*, **serā-/srē-*. Учитывая, что основные дериваты этих корней в герм. языках рассмотрены нами ранее (см. [Lewickij 1998; 2000]), в данной статье целесообразно изложить лишь несколько этимологических гипотез, касающихся возможных дериватов перечисленных выше форм.

2. ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ КОРНИ И АНОМАЛЬНЫЙ АБЛАУТ

2.1. Прежде чем приступить к рассмотрению названных выше ие. корней и их дериватов, необходимо коротко остановиться на некоторых формальных (фонетических) особенностях, наблюдаемых в развитии германской лексики. Имеются в виду прежде всего так называемые Ablautentgleisungen, т.е. случаи отклонения от "нормального" аблаута. В соответствии с теорией, развиваемой П. Перссоном (см. [Persson 1912]), и.-е. корень мог расширяться с помощью чередующихся друг с другом формативов *j* и *ų*. Поскольку в некоторых случаях форматив не использовался вообще, т.е. корень оставался "нерасширенным", можно говорить о чередовании [*j-ų*-нуль]. Такое чередование обусловило возникновение корней типа **sterā-/strē-* > **strej-/strey/stre-*, **bhelā-/bhlē-* > **bhlej-/bhley/bhle-* и т.п. В результате такого рода чередований в герм. языках возникают корни с "аномальным аблаутом" (например, нем. *bleich* "бледный", но англ. *black* "черный"; < и.-е. **bhleig-* и **bhleg-*) или так называемые "параллельные корни" (с чередующимися дифтонгами *eų* – *ej*; например, нем. *Schnat* – *schneiden* – *schnöde* < и.-е. **sne-/snej-/sney-*). К сожалению, такого рода чередования почти не учитывались в этимологических словарях и исследованиях. Отдельные указания на "параллельные корни" и "аномальный аблаут" можно найти в словарях [Walde/Hofmann 1938–1956 2: 383] и [Pokorny 1959–1969: 986–987]. Более регулярные ссылки на такие чередования содержит словарь [Vries 1962], автор которого опирается на свои исследования этой проблемы (см. статью [Vries 1958]). Мы пытаемся этимологизировать многие герм. лексемы, происхождение которых до сих пор остается неясным, с учетом аномальных чередований гласных в герм. корне.

2.2. Как уже сказано выше, в работах [Левицкий 1997; Lewickij 1998] была высказана гипотеза о том, что значительная часть ие. корней с начальным *s-* может восходить к и.-е. корню **sē-/se-* "жила, манипулировать жилами". Этот корень, расши-

ряясь с помощью различных формативов (прежде всего, сонорных и полугласных), мог дать следующие дериваты: **sej-*, **seu-*, **sen-*, **sem-*, **ser-*, **sel-*, **sek-*, **set(h)-*, **sep(h)-*, которые затем – в соответствии с теорией П. Перссона и теорией ие. корня, разработанной Э. Бенвенистом и др. исследователями, – порождали формы типа **sekā-/skē-* > **skej-*, **skeu-*, **sker-*, **skel-*, **skem-* и т.д., **set(h)ə/st(h)ā-* > *stel-* и т.д. (возможность такого формального преобразования несколько раз подтверждается в [Pokorny 1959–1969: 118, 988]). В этом контексте могут получить новое формальное толкование ие. корни с начальным *j*, в частности, корень **jeuə-*, засвидетельствованный как в значении "связывать", так и в значении "отделять" (такое необычное сочетание значений в [Pokorny 1959–1969: 511] объясняется влиянием семантики сложных слов, в которых *jeu-* сочетается с различными превербами). В свете высказанных выше замечаний об образовании ие. корней было бы весьма заманчиво рассмотреть ие. **jeu-* в качестве деривата и.-е. **sej-/seu-*. Точно так же, как *seuə-* дает *(*s*)*ue-* > **uej-* и т.д., **sej-* может дать *(*s*)*je-* > **jeu-*, **jes-* и т.д. В пользу такой гипотезы свидетельствует тот факт, что семантика ие. корней с начальным *j* в словаре [Pokorny 1959–1969] в значительной степени совпадает с семантикой дериватов корня **sej-* и **seu-* "связывать". Интересно отметить, что Pokorny считает **jeu-* "связывать" дериватом корня **jeu-* "приводить в движение" (с. 508). Таким образом, корни *jeu-* объединяют значения "быстрое движение", "связывать (месить, лепить)", "отделять", что полностью соответствует дериватам синкретического понятия "резать/связывать/разделять" (понятие "быстрое движение" часто возникает на базе понятия "резать, разделять", а значение "месить, лепить" может быть дериватом значения "соединять, связывать").

3. И.-Е. КОРЕНЬ *SEMƏ-/SMĒ.

3.1. Этот корень выступает в виде дериватов *(*s*)*mej-*, *(*s*)*meu-*, *(*s*)*mel-*, *(*s*)*mer-* и др., большая часть которых рассмотрена нами в [Lewickij 1998: 214, 215–217]. Сема [резать] представлена в этом корне значениями "резать" (гот. *maitan*), "режущий предмет, меч" (гот. *aiza-smiþa*, *mēkeis*), "косить" (нем. *mähen*), "острый" (лат. *micrō* "острие") и др. Сема [связывать] представлена значениями "сеть" (укр. мережа), "цепь, веревка, петля" (ирл. *braig*, гр. *brochos* < **mrochos*), "вязанка, сноп" (лат. *merges*). Дериваты варианта (*s*)*mer-*, как показано выше, зафиксированы также в значениях "сверкать, сиять", "цвета темных оттенков" [Pokorny 1959–1969: 733–734].

3.2. Дериватом и.-е. **semə-/smē-* может быть герм. **MIMS-*: гот. *minz* "мясо" // греч. (гом.) *mēra* (< **mēms-ro-*) "куски, бедровые части", лат. *membrum* (< **memsro-*) "член" (< "часть туши"), дирл. *mīr* "кусочек", ди. *māmsām* "мясо", рус. мясо (< **męso*); < и.-е. **mēmso-* "мясо" [Pokorny 1959–1969: 725]. Развитие формы **semə-/smē-* > *(*s*)*mēms-* может быть сравнено с **sekā-/skē-* > *(*s*)*ker-*, *(*s*)*kēj-* и т.д. Развитие значения "резать > мясо" носит регулярный характер (ср. лат. *cēna* "еда" < **kerstnā* < **sker-* "резать"; лат. *carō* "мясо" < **sker-* "резать").

3.3. Г е р м. **S M āH-*: нем. *schmähen* "хулить, позорить", двн. *smāhen* "уменьшать", дисл. *smā* (< **smāhōn*) "высмеивать", снн. *vorsmān* "хулить", нем. *Schmach* "позор", двн. *smāhi* "маленький, незначительный", дисл. *smār* "тж", да. *smēalf* "изящный, тщательный"; < герм. **smāh-* "маленький, укороченный" // лат. *mīca* "крошка, кусочек", гр. (*s*)*mīkrós* "маленький, короткий", греч. (дор.) *μικρός* "маленький"; < и.-е. **smē(j)k-/smik-* "растертый крошечный кусочек" (< **smē-* "мазать" – [Pokorny 1959–1969: 966]). Следует заметить, что, во-первых, в компаративистике вызывает сомнение сопоставление нем. *Schmach* с греч. *μικρός* (из-за несоответствия вокализма – см. [Kluge/Seebold 1989: 641]); во-вторых, реконструируемое для и.-е. корня **smē(j)k-* значение ("растертый кусочек") плохо соответствует семантике и.-е. "мазать". Не случайно, как это видно из обзора литературы в [Walde/Hofmann 1938–1956 2: 85], в ряде работ уже предпринимались попытки (в том числе, К. Бругманом) возвести рассматриваемое

гнездо к корню **smēj-* "резать" (эта гипотеза в [Walde/Hofmann 1938–1956 2: 85] отклоняется).

Можно полагать, как нам представляется, что **smē-k-/smēj-k-/smī-k-* восходит к **semə-/smē* "резать". Значение "резать" может дать дериват "урезанный, укороченный" – ср. раздел 1.3–j) и "порицать, хулить" (ср. 1.3–d). Такое толкование позволяет объяснить и все "отклонения" в вокализме (герм. **smāh-* < и.-е. **smēk-*; греч. *μικρός* < и.-е. *(*s*)*mīk-*), и совмещение в семантике герм., лат. и гр. лексем значений "порицать, хулить" и "маленький, небольшой". В пользу гипотезы о существовании ие. **semə-/smē-* "резать" свидетельствует, в частности, герм. гнездо **sam-/sem-* со значением "осока": нем. *Simse, Semse* "осока", двн. *semida*, снн. *sem* "тростник".

3.4. Г е р м. **Māek-*: гот. *mēkis* "меч", дисл. *mākir*, да. *mēce*, дс. *māki* "меч"; < герм. **māek-ja-/mōk-ja-* "меч".

Происхождение этого герм. корня неясно. Выдвигаются гипотезы о заимствовании из неизвестного азиатского языка. С нашей точки зрения, герм. **māek-* восходит к ие. *(*s*)*mē-* "резать" (см. выше *smāh-*) и сопоставимо с рус. мизинец (< мезинец), ст.-сл. *mězinyсь* "младший сын", псл. **mězinyь* "наименьший", лит. *māžas* "малый", прус. *massais* "меньший"; < и.-е. *(*s*)*mēg-* "урезанный, укороченный". Ср. семант. развитие лат. *curtus*, рус. короткий (< *(*s*)*ker-* "резать"). Сочетание сем [меч] [обрезанный, укороченный] и [молодой парень] ср. также в дериватах ие. **skel-* "резать": дфриз. *schalk* "деревянный чурбанчик", гот. *skalks* "раб, слуга", друс. холокый "неженатый", укр. *хлопець* "парень", гот. *halks* "небольшой, незначительный", дисл. *skalkr* "меч" (< "расщепленный кусок дерева").

Огромная литература посвящена соотношению герм. **mēk-* и слав. **mečь/mbьь*, рус. меч. С одной стороны, фонетическая и семантическая близость этих слов заставляет полагать, что сл. слово заимствовано из герм. С другой стороны, вокализм сл. слова не соответствует долготу герм. *ē*. Это побуждает некоторых лингвистов искать иное решение для объяснения соотношения между сл. и герм. формами. Так, Г.Ф. Одинцов [Одинцов 1982] считает, что германские и славянские корни заимствованы из кельт. *tecc* (< и.-е. **teik-/mik-* "сверкать, искриться") как эпитет меча ("сверкающий"). Семантическим обоснованием этой гипотезы служит, по мнению Одинцова, сравнение с двн. *brand* "меч" (букв. "пламя"). Эта гипотеза представляется интересной, но недостаточно убедительной. Для того, чтобы слово-эпитет могло быть заимствовано в две группы языков (как полагает Одинцов, в славянском и германском), оно должно было бы обладать широкой сферой употребления, что не подтверждено соответствующим материалом. Весьма сомнительно, что при заимствовании такого важного предмета, как меч, передается не его кельт. название, а эпитет, к тому же не засв. кельтским материалом. Наконец, сомнительна сама гипотеза об активных славяно-кельтских контактах.

Нам представляется возможным иное решение. Обращает на себя внимание семант. корреляция в парах: слав. *měz-(inь)* "маленький" – герм. **māek-* "меч", греч. *μικρός* "маленький" – сл. *mbьь/mečь* "меч". Общей исходной формой для первой пары явл. **mēg-*, для второй – **mējk-/mik-*, а общей семьей, объединяющей значения "маленький" и "меч", явл. [резать, дробить, обрабатывать острым инструментом]. Все это позволяет выдвинуть гипотезу, что слав. **mbьь* и герм. **māek-* являются параллельными дериватами и.-е. корня **semə-/smē* "резать" (> **mēg-* & **mējk-/mik-*, ср. выше **smāh-*). Первоначально **māek-* могло означать либо "режущий" (такова типология всех названий меча, образованных от корней со значением "резать", – ср. 1.3–а), либо "укороченный" (по данным [Szemerényi 1979: 112] слово *mēkeis* означало "короткий меч", но это утверждение оспаривается в [Трубачев 1966: 38–42]; там же подробный и критический анализ литературы).

И.-е. корень *(*s*)*mēj/(s)mēj-/*(s)māj-/*(s)mi-/*(s)mī-* порождает довольно большое ко-

личество дериватов со значением "режущий инструмент" – ср.: греч. σμήλε "резец", сирл. *de-mess* "ножницы ("два ножа"); дисл. *meitill* "зубило". Это дает повод пересмотреть соотношение слав. **měčь* и герм. **mæ̃k-*, вывести **měčь* за пределы этой коррелятивной пары, соположив его с другими аналогичными фонетико-семантическими единицами, и в конечном счете отказаться от традиционной гипотезы о заимствовании и от поисков "неизвестного" языка-источника.

3.5. Г е р м. *S M E L-

а) а. *smell* "обонять; запах", са. *smel, smul* "запах", стголл. *smölen* "медленно гореть, тлеть", инем. *smelen*; герм. **smel-/smul-* "тлеть, гореть" // сирл. *smāl, smōl* "огонь, пламя, зола", лит. *smilkti* "издавать запах, чадить";

б) нем. *schmoren* "тушить" (овощи, мясо), англ. *smother* "удушливый дым, тлеющая зола", ср.-англ. *smorther*; < герм. **smēr-/smur-* "медленно гореть". Происхождение неизвестно (в [Pokorny 1959–1969: 969] < **smel-* "медленно гореть" с ремаркой "при этом в германском с расширителем -r-").

Следует обратить внимание на то, что значение "гореть" связано со значением "резать". Й. Трир объясняет такую связь обработкой леса ("резать и сжигать деревья" – см. раздел 1.4). С нашей точки зрения, возможно иное объяснение: "резать > прерывистое движение > дрожать > свет, огонь и т.п.". Чередование расширителей *r-l* может быть дополнительным свидетельством существования общей исходной базы **semā-/smē-/sme-*. Ср. ниже *smiuk-*, которое как и *smel-*, может быть также дериватом и.-е. **semə/smē*.

3.6. Г е р м. *S M I U K- / S M A U K-: англ. *smoke* "дым, копоть; дымить, курить", нем. *schmauchen* "дымить", *Schmauch* "чад" // гр. *smýchein* "постепенно сжигать на тлеющем огне", дирл. *mūch* "дым", лит. *smáugti* "давить, душить", рус. *сму́глый*, укр. *смажити* "жарить"; < и.-е. **smeuǵ-/smeuǵh-/smeuǵh-* "дымиться, дым" [Pokorny 1959–1969: 971]. С учетом семантической типологии (см. 3.5 -*smel-*) и.-е. корень может быть дериватом **semā-/smē-* "резать, бить".

3.7. И.-е. *S ēM-/S E M-: Хорошо известный и.-е. корень **sem-* [Pokorny 1959–1969: 902] засвидетельствован в двух противоположных значениях: "один, отдельный" (арм. *mi* "один", тох. *B ses-ka* "одинокий", авест. *ha-kərət* "однажды", лат. *singuli* "по одному") и "весь, цельный, совместный" (кимр. *hefyd* – то же, алб. *gjith* "весь, целый", лат. *simul* "вместе", да. *simble* "всегда", арм. *amēn* "все", дперс. *hadā* "вместе", ст.-сл. *sq-* "со-"). Конечно, такому странному сочетанию сем можно найти какое-то приемлемое объяснение (в Pokorny обобщенное значение корня формулируется как "один" и "в одном совместно, едино, вместе"), но, как показано нами в разделе 1.2, такого рода семантическая сочетаемость допускает иную интерпретацию, а именно – как проявление закона о древнем синкретизме понятия "резать (> "отделять")/связывать, соединять". Такая гипотеза подтверждается наличием в семантическом пространстве корня *sem-* значения "половина" – типичного деривата понятия "резать" (корн. *hanter* "половина" [Pokorny 1959–1969: 902]). Это же значение ("половина") приписывается в [Pokorny 1959–1969: 905–906] формально сходному корню *sēmi-* (лат. *sēmis* "пол. половина"). Семантическую типологию ср.: гот. *halbs*, нем. *halb, Hälfte*, рус. *пол, половина*. (< *skel-* "резать"), ди. *ardha-ḥ* "часть, половина" (< *erā-* "разделять"). Еще одним вариантом того же ие. корня *semā-* может быть представленный в [Pokorny 1959–1969: 901] *sem-l* "черпать, лить".

4. И.-Е. КОРЕНЬ *SENə-/SNĒ

4.1. Этот корень выступает в вариантах *sen-*, *snē/sne-*, **snei-*, **sneǵ-*, **sner-*, **snel-*. В семантике каждого из этих вариантов засвидетельствованы дериваты семы [резать] и [связывать].

4.2. И.-е. *s n e j-:

- а) "резать" – нем. *schneiden*, гот. *sneiþan* и т.д.; дирл. *snēid* "обрезанный, короткий";
б) "связывать, крутить" – рус. *нить*, ди. *snāyu-* "связка, жила".

4.3. И.-е. *s n e ŷ-:

а) "связывать, вить, крутить" – дисл. *snūa* "вить, плести", ди. *snāvan-* "связка, жила", лат. *nervus* "жила, тетива, струна", тох. В *šñaura* (мн.ч.) "жилы, нервы", греч. *νεῦρον* "жила, связка, тетива" < и.-е. **snēy-/snōy-* "вертеть, крутить, скручивать нити, связывать, сплетать" – родственно с *(s)*nē-* ("скручивать нити, манипулировать нитями" – [Pokorny 1959–1969: 977, 973]). С нашей точки зрения, в основе лежит и.-е. **snē-/snō-* < **senə-* "резать/связывать". Синкретическое значение развилось на основе понятия "жила; манипулировать жилами", на что указывают значения приведенных выше ие. форм и на что не обращено внимания у Покорного.

б) "резать" – нем. *schnöde* "презренный, гнусный" (см. ниже, 4.7); дисл. *snubba* "ругать, хулить" (ср. 1.3-d); шв. *snoppa* "отрезать", датск. (диал.) "чистить", нем. (диал.) *schnupfen* "чистить", шв. (диал.) *snōpa* "кастрировать" (ср. 1.3-е). У Покорного данное гнездо не этимологизируется. В [Vries 1962: 527, 525] путем перекрестных ссылок относится к и.-е. **sneŷ-*, определяемое в [Pokorny 1959–1969: 971–972] как "течь, сырость". Сюда же может относиться дисл. *snotr* "умный", гот. *snutrs*, днв. *snottar* "умный". Обычно (и не без оснований) возводится к корню со значением "нюхать" – ср. голл. *snoter* "сопли". С нашей точки зрения, возможны оба пути семантического развития ("нюхать > вынюхивающий > умный" и "резать > резвый, прыткий > умный").

4.4. И.-е. *s n e r-:

а) "резать" – дисл. *snerta* "небольшое расстояние, атака, нападение", норв. (диал.) *snerten* "быстрый", днв. *snurz* "сокращение, укорачивание", норв. *snyrta* "чистить"; норв. *snarta* "подрезать", дисл. *snerta* "касаться"; < герм. **snert-/snart-/snurt-* "резать". В семантическом наборе гнезда реализуются семы, характерные для дериватов понятия "резать".

б) "связывать, плести, крутить" – дисл. *snara* "силок, веревка, струна", гот. *snōrjō* "корзина, плетеное изделие", днв. *snaraha* "петля", *snerhan* "связывать".

В некоторых случаях значения "резать" и "связывать" настолько тесно переплетены друг с другом, что трудно различимы и могут быть интерпретированы только как варианты единого синкретического значения. Так, в [Pokorny 1959–1969] одна и та же лексема (днв. *snerfan*) включена в различные гнезда – в *snerb-* "вить, крутить" (с. 976) и в *snerh-* "резать" (с. 977) (ср. гот. *at-snarþjan* "трогать, хватать", дисл. *snarþr* "острый", голл. *snerpen* "причинять резку, жгучую боль", норв. (диал.) *snerpa* "стягиваться, сжиматься", нем. (диал.) *schnurfen* то же, днв. *snerfan* "стягивать рот, корчить мину"; нем. (диал.) *schnarpfen* "вгрызаться"; шв. *snärp* "ость"; норв. *snurpa* "складывать, сшивать", *snerp* "пленка на молоке").

Трудно различимы также исходные семы, к которым может восходить значение "свертываться, сморщиваться". Это значение чаще всего связано с понятиями "свернутое молоко" или "свернутая кровь". Й. Трир [Trier 1952: 125] рассматривает это значение как "плетение" на молоке. Значение "свертываться (о жидкостях)" зафиксировано в [Pokorny 1959–1969: 906] в корне **sendhro-*, который мы считаем дериватом того же корня **sen(ə)-*, от которого образовано **sner-*: рус.-цсл. *сядры кровныя* "свернутая кровь", с-хорв. *sědra* "сталактит", чеш. *sádra* "гипс", нем. *Sinter* "сталактит", да. *sinder*, днв. *sinter*. Одна значение "сморщиваться, морщиниться, покрываться рубцами" может возникнуть также на базе значения "резать" (в том же словаре [Pokorny 1959–1969: 940] дисл. *skyr* "свернутое молоко" возводится не к корню **sker-* "гнуть, вертеть", а к корню **sker-* "резать" ("резать > отделяться > свертываться").

Следует обратить внимание также на то, что на основе значения "резать" развивается значение "касаться" с последующими дериватами "хватать, брать" (ср. выше

дисл. *snerta* и гот. *atsnarpjan*). На эту закономерность указывает и О.Н. Трубачев (см. 1.3–п).

4.5. И.е. **s n ē-/ s n e-*: (вариант без расш. *j, y, r, l*):

а) "резать" – нем. *Schnat* (диал.) "молодые побеги, ветки; граница поля, леса", а также *Schnatte* "рана, рубец", дисл. *snata* "копье, острие", фар. *snati* "выпирающая остроконечная скала", дисл. *snād* "пища, еда, блюдо" (< "кусок"), да. *snæs, snās* "кольшечек, острие";

б) "связывать, плести" – гот. *nati* "сеть", да. *snōd* "повязка", нем. *Schnatz* "украшение на голове" (< "слетать").

Специального рассмотрения требуют еще несколько герм. гнезд, которые могут быть по-новому интерпретированы в свете развиваемых нами гипотез о семантическом синкретизме и аномальном аблауте в герм. корне.

4.6. Г е р м. **S N E L L-*

нем. *schnell* "быстрый", двн. *snel* "сильный, храбрый", да. *snell* "быстрый, храбрый", дисл. *snjallr* "храбрый, дельный"; < герм. **snella-* "дееспособный, сильный". И.е. соответствия не установлены.

Корень **snel-* может быть дериватом **senə-/snē* с синкретическим значением "резать/связывать/вертеть, крутить". Как отмечают О.Н. Трубачев и И.П. Петлева [Трубачев 1974–1988; Петлева 1981], значения "быстрый, сильный" развиваются на базе глаголов, обозначающих разрушительное действие (рус. *лютый*, праслав. **ljutъ* < и.-е. **leyllū* "отрезать, отделять"). Однако значение "быстрый" может развиваться также по модели "гнуть > совершать вибрирующее движение > быстрый" или по модели "вертеть > верткий > быстрый". Иными словами, "быстрый" может возникнуть как из значения "резать", так и из значения "гнуть, крутить". А. Баммесбергер и др. [Heidermanns 1993: 525] реконструируют для **snell-* исходную форму **snīð-la-*, связывая ее с корнем **snīþ-* "резать". Эта семантически вполне обоснованная гипотеза справедливо отклоняется в [Heidermanns 1993: 525], т.к. преломление в дисл. *snjallr* (*ja* < *e*) ясно указывает на корневой гласный *e*, а не *i*. Следовательно, реконструкция **snīð-* и связь с корнем "резать" становится как будто бы невозможной. Разгадка кроется в варьировании герм. дериватов и.-е. **senə-*: *sneīð-/sneud-/sneō-*. Вариант *sneud-* хорошо сохраняет значение "быстрый" (да. *snūd* "спешка", дисл. *snūdiġr* "быстрый", *snūða* "ускорять"); вариант *sneīð-* "быстрый, резвый, напористый" представлен в нем. *schneiding*; вариант **sneō-* развивается далее в **sneō-la-* > *snella-* (*ðl* > *ll*). Семантический вариант "виться, извиваться" реализован, возможно, в дисл. *sneldiġr* "змея". Семантическая двойственность ("резать" и "гнуть, связывать, крутить") характерна почти для всех дериватов корня **senə-* [Levickij 1998].

4.7. Г е р м. **S N I U ð-*

нем. *schnöde* "гнусный, презренный", свн. *snæde* "слабый, незначительный", дисл. *snauðr* "бедный, лысый", *snodinn* "постриженный наголо", да. *besnuððan* "ограбить"; < герм. **snīuð-/snīuð-* "резать, обрезать". В [Pokorny 1959–1969: 585] и в [Kluge 1989] сопоставляется с лат. *novacula* "нож" и возводится к и.-е. **kes-* "резать" (*kes-* > *ksen-* > *ksneu-* > *sneu-* > *neu-*). Такая фонетическая трансформация представляется чересчур сложной и искусственной. Проще допустить, что **snīuð-* является коррелятом герм. *snīþ-* "резать" в паре параллельных корней *snej-/sneų-* (с типичным семантическим развитием "резать > уменьшать > небольшой, бедный, незначительный").

Из сказанного в 4.5, 4.6 и 4.7 следует, что в нем. *schneiden*, *Schnat* и *schnöde* представлены три варианта корня **senə-/snē*: *sne-/snej-/sneų-* (по модели П. Перссона). Сюда же следует отнести лат. *novacula* (< *senə-/sneų-*, а не < **kes-/ksneų-*).

4.8. Г е р м. **S N ðb-*

дисл. *snæfr* "тесный; быстрый", *snæfugr* "прыткий", *snæfr* "то же", *næfr* (< **nōðbri-*) "дельный, порядочный", дшв. *næver, nēver*, нем. (диал.) *nuofer, nuober* "бодрый, рез-

вый", < герм **(s)nōb-/ (s)nāb-* 'бодрый, резвый, прыткий' // арм *nurb* "тесный, узкий", < ие **snēbh /snōbh-* "тесный, узкий, тонкий" Стоящий особняком корень **snēbh-* (см [Рокоту 1959–1969 973]) может быть вариантом корня **snē-* "связывать, сплетать" Поскольку с формативом *p-* (и *-e* **snēp/snōp-*) также зафиксировано несколько форм (двн *гпшаба* "головная повязка", рус *сноп*), логично допустить общую исходную базу **snē* со значением "резать" (> "тонкий", см 1 3–j) и "связывать" (> *сноп*)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В И 1986 – Как можно улучшить этимологические словари // Этимология 1984 М, 1986
- Левицкий В В 1997 – Этимологические и семасиологические исследования в области германских языков Черновцы, 1997
- Маковский М М 1989 – Удивительный мир слов и значений М, 1989
- Маковский М М 1995 – У истоков человеческого языка М, 1995
- Маковский М М 1996 – Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках М, 1996
- Маковский М М 2000 – Феномен табу в традициях и в языке индоевропейцев М, 2000
- Мельничук А С 1968 – Корень **kes* и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков // Этимология М, 1968
- Мельничук О С 1982–1989 – (ред) Етимологічний словник української мови Т 1–3 Київ, 1982–1989
- Одинцов Г Ф 1982 – К истории др -рус *меч* // Этимология М, 1982
- Петлева И П 1981 – Этимологические заметки по славянской лексике // Этимология М, 1981
- Трубачев О Н 1966 – Ремесленная терминология в славянских языках М, 1966
- Трубачев О Н (ред) 1974–1988 – Этимологический словарь славянских языков Праславянский лексический фонд Вып 1–19 М 1974–1988
- Adolf H 1937 – Wortgeschichtliche Studien zum Leib/Seele-Problem Berlin, 1937
- Heidermanns F 1993 – Etymologisches Wörterbuch der germanischen Primaradjektive Berlin, New York, 1993
- Iēgers B 1966 – Verkannte Bedeutungsverwandtschaften baltischer Wörter // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, 90 1966
- Kluge F 1989 – Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache 22 Auflage / Unter Mithilfe von M Burgisser und B Gregor, völlig neu bearbeitet von E Seebold Berlin, New York, 1989
- Lewickij V 1998 – Zur deutschen Etymologie // IF 103 1998
- Lewickij V 2000 – Aksl *zъdati* bauen , got *giutan* gießen , aisl *gat* Loch' // IF 105 2000
- Peterson P 1912 – Beiträge zur indogermanischen Wortforschung Tl 1–2 Uppsala, Leipzig, 1912
- Pokorny J 1959–1969 – Indogermanisches etymologisches Wörterbuch Bd 1–2 Bern, München, 1959–1969
- Szemerényi O 1979 – Germanica I (1–5) // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, 93 1979
- Trier J 1942 – Zaun und Mannring // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur 66 1942
- Trier J 1951 – Lehm Etymologien zum Fachwerk Marburg, 1951
- Trier J 1952 – Holz Etymologien aus dem Niederwald Munster, Köln, 1952
- Vries J 1958 – Vokalvariation im Germanischen // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur 1958
- Vries J 1962 – Altnordisches etymologisches Wörterbuch Leiden, 1962
- Walde A Hofmann J B 1938–1956 – Lateinisches etymologisches Wörterbuch 3 Aufl Heidelberg, 1938–1956

© 2001 г. М.В. ЗЕЛИКОВ

**МОДЕЛИ С ГЛАГОЛОМ ДЕЙСТВИЯ
В ЯЗЫКАХ ЗАПАДНОЙ РОМАНИИ**

Как заметил В И Абаев, «глаголы с основным значением "делать" относятся к числу таких многофункциональных глаголов, без которых не обойтись ни в лексике, ни в грамматике англ *to do*, нем *tun*, франц *faire*, перс *kardan*, осет *kaenyn*, тюрк *et-(at)-*, груз *kmna (kna)* Эти глаголы означают "делание" в самом общем значении и благодаря широкому семантическому полю используют в весьма разнообразных, часто неожиданных лексических и грамматических значениях» [Абаев 1988. 34]

Понимание особенностей глагола действия в латыни и в романских языках – это, в известной мере, ключ к пониманию романского глагола [Гончарова, Кистанова, Левит 1974: 5] Тем не менее, в романистике более или менее удовлетворительно исследован только морфологический аспект проблемы Так, Г Рюдберг, – пишет В И Абаев, – "в обширной докторской диссертации, посвященной судьбе лат *facere* в романских языках, скрупулезно прослеживает историю форм, не касаясь значений Не менее, а, может быть, более интересно и поучительно было бы осветить богатейшую семантическую жизнь этого глагола и его производных во всех романских языках Но такой монографии, насколько мне известно, не существует" [Абаев 1988 37] О необходимости создания трудов, посвященных исследованию глагола действия во всех романских языках в синхроническом и диахроническом аспектах высказались И А Гончарова, Л Ф Кистанова и З Н Левит [Гончарова, Кистанова, Левит 1974 28] Это предопределено тем, что глагол "делать" занимает первое место среди глаголов, выступающих в качестве служебных элементов аналитических слов расширенного фонда, которые в высокой степени свойственны французскому языку [Левит 1982 329]

Целью настоящей работы является попытка выявления и рассмотрения полной парадигмы моделей с глаголом действия в языках Западной Романии Отметим при этом, что основной акцент при анализе конкретного материала в настоящей работе приходится на данные иберороманских языков. Данные французского и итальянского языков приведены далеко не исчерпывающе и, несомненно, могли бы быть учтены в последующих исследованиях Здесь же мы ограничились задачей постановки вопроса о тенденции развития иберороманского (шире – с учетом баскского – пиренейского) феномена в общем западнороманском контексте

В основу нашей классификации положена постулируемая В И Абаевым стратификация глагола с семантикой действия на лексическое и грамматическое использование [Абаев 1988 35–42] Разнообразие *лексических значений* производных *facere* в романских языках обусловлено способностью этого глагола замещать другие глаголы конкретного значения, как самостоятельно, так и в составе аналитических моделей Таким образом, в этом случае речь идет о глаголах действия как об "универсальных" глаголах – *verba omnibus (VO)* [Weinhauer 1973 401–409] Абстрактная способность к замещению французским *faire* любого другого глагола была отмечена еще В Брендалем [Brøndal 1947] Говоря о грамматическом использовании производных *facere*, мы имеем в виду не только систему разнообразных перифраз, представленных аналити-

ческими моделями (АМ) V + N и V + inf., но и эмфатическое и плеонастическое функционирование в структуре предложения. Всего мы выделяем 9 (8 аналитических и одну синтетическую) моделей с глаголом действия в языках Западной Романии. Корпус АМ непосредственно составляют каузативные (1) и конкретные модели, в которых сумма V + N (или N + V) равносильна синтетическому глаголу (2). Особыми разновидностями являются АМ с глаголом действия, расширяющие структуры предложения – плеонастические (3), а также модели синтаксической эмфазы (4). Конкретные АМ служат также для обозначения времени (5) и погоды (6). Особое место в нашем корпусе принадлежит перифразам V + N (или N + V), в которых сумма составляющих не равносильна синтетическому глаголу (7), и идиомам с глаголом действия (8). Корпус синтетических моделей с глаголом действия представлен образованиями, в которых последний выступает как VO (9).

Общим для всех романских языков, по-видимому, является постепенное сокращение использования производных *facere* в функции синтетической формы переходного сказуемого, обозначающего конкретный результат произведенной деятельности, т.е. модель V *сделать* + Об (что-то). В таких, весьма распространенных в латыни конструкциях, как *templum/monumentum/navem/pontem facere*, глагол *faire* во французском (и в других романских, особенно литературных языках) заменяется на *construire*. Использование *faire* здесь осуждается как "банальное" [Гончарова, Кистанова, Левит 1974: 9]. В других случаях в основном следует говорить об обратной тенденции: увеличении роли *facere*. Наименее удовлетворительно исследован вопрос о соответствии двухкомпонентных моделей с *facere* однокомпонентным (тип лат. *verbam facere* – исп. *hablar*), а также двухкомпонентным с другим базовым глаголом (*habere, tenere, dare* и др.) как в отдельных романских языках и диалектах (шире – в общероманском контексте), так и при их функционировании на различных уровнях (одна и та же модель в одном языке может использоваться только в качестве разговорной, а в другом относиться только к литературному стилю). Характерной чертой отдельных работ является появление общих и зачастую поспешных выводов относительно большей или меньшей тенденции тех или иных моделей с глаголом действия в том или ином романском языке в комплексе, объединяющем на самом деле отнюдь не гомогенные образования. Так, в статье Х. Арсе отмечается, что итальянским фразам с *fare* соответствуют различные "лексемы" в испанском [Arce 1984: 124]. Это предполагает заключение о преимущественном по сравнению с испанским функционировании настоящих конструкций в итальянском.

Х. Арсе, приводя примеры [Arce 1984: 124], никак не стратифицирует их и, таким образом, в одном ряду оказываются все разновидности перифрастических моделей с глаголом действия. Так, в соответствиях ит. *far parte* = исп. *formar parte* "составлять часть"; ит. *farsi indietro* = исп. *echarse atrás* "откидываться"; ит. *far le carte* = исп. *dar/barajar las cartas* "сдавать/тасовать карты"; ит. *fare a pugno* = исп. *darse de puñetazos* "драться на кулаках"; ит. *farsi la barba* = исп. *afeitarse* "бриться" глагол действия используется как VO, а в ит. *farsi strada* = исп. *abrirse camino* "прокладывать путь" и ит. *farsi bello* = исп. *ponerse guapo* "наглеть" приобретает идиоматическое значение. В свою очередь, в соответствиях типа ит. *fare una passeggiata* = исп. *dar un paseo* "погулять"; ит. *fare schifo* = исп. *dar asco* "быть противным кому-либо, чему-либо"; речь идет уже о конкретных АМ. Особняком в приводимом Х. Арсе ряду стоит соответствие ит. *ha un fare sgradevole* = исп. *tiene un modo de actuar desagradable* "у него обычай вести себя неприятно": ит. *fare* (как и исп. *modo*) здесь выступает не как глагольное ядро модели, а как субстантивированный инфинитив в функции дополнения, вводимого другим базовым глаголом *avere*. Вне какой-либо системы проводится и семантико-синтаксическое сопоставление моделей с *facere* в итальянском и испанском и в [Zamora Muñoz 1995], а в "Сравнительно-сопоставительной грамматике романских языков" отмечается только, что «глаголы со значением "делать" очень

употребительны при образовании словосочетаний, которые носят устойчивый характер и могут лексикализироваться» [ССГРЯ 1972: 370]. М.С. Гурычева говорит о способности латинского *fare* к образованию фразеологизмов типа "*facere* + существительное" [Гончарова, Кистанова, Левит 1974: 7].

Среди выделяемых нами девяти моделей с глаголом действия наиболее удовлетворительно, по-видимому, изучены *каузативные, имеющие структуру V + Inf*. Базовый глагол здесь всегда является ответственным за формирование шкалы фактитивности [подобно моделям с другим базовым активным глаголом обладания (*habere*), ответственным за создание шкалы посессивности], представляя перифразу каузативного значения ("заставлять, обязать кого-либо сделать что-либо"), которое в некоторых языках передается морфологическим способом (на Пиренейском полуострове это имеет место в языке басков – интеркаляция в глагольную форму особого суффикса *-ra*: *ikasle* "учиться" – *irakasle* "учить"). В западноевропейских языках, и, в частности, в романских, подобные специальные формы для передачи каузативного значения отсутствуют. Еще в конце XIX века такие образования в латыни были рассмотрены Ф. Тилманом [Thielmann 1986]. Латинское происхождение их во французском языке обстоятельно исследовалось Д. Норбергом [Norberg 1943–1945]. Из работ последнего времени, освещающих особенности каузативного глагола действия в испанском отметим [Зернова 1983; Cano Aguilar 1977; Dowling 1981; Monreille de Lema 1981; Finnemann 1982]. Испанские модели "*facere* + инфинитив" в типологическом романском контексте освещены в [Корди, Кружнова 1970; Roegiest 1989; Bordelois 1988]. Д. Чербази сопоставляет их с португальскими и итальянскими коррелятами [Cerbasi 1977]. Итальянские каузативные конструкции рассматривает Л. Бурцо [Burzio 1978]; об особенностях опущения возвратного местоимения в каталанских "*fer* + инфинитив" см. в [Bastardos i Patega 1979]. При сопоставлении последних в испанском и итальянском отмечается, что частотность их в итальянском заметно выше. Ср. ит. *vado a farmi tagliare i capelli* = исп. *voy a cortarme el pelo* "иду подстричься"; ит. *Mi sono fatto fare un vestito* = исп. *Me he hecho un traje* "Я сшил себе на заказ костюм" и т.д. [Rondaies Mallorquines 1997: 211]. Несмотря на принципиальную возможность появления подобных структур в испанском (ср. *hacérselo cortar, hacérselo hacer*) подчеркнем, что тенденция к эксплицитному выражению каузации в разговорном языке наиболее полно проявляется именно в итальянском, в то время как испанский тяготеет в данном случае к однокомпонентным имплицитно каузативным образованиям, имеющим объектную интенцию. Ср. *correr* как "задергивать занавески": *correr las cortinas*, т.е. *hacer correr las cortinas*; *apear* "заставить сойти", "выбить кого-либо из соревнований". Во французском – обычное двухкомпонентное каузативное *faire descendre*. Ср. также исп. *llegar* в значении "посылать": *Aquí siempre me llegarás cartas* "Письма всегда посылай мне сюда". Во всех этих случаях мы сталкиваемся с компрессией исходного *hacer*, восстановление которого в подобных структурах уже не требуется. Такими же невозстановимыми в синхронии являются и модели с опущенным инфинитивом, но при сохранении первого компонента – каузативного глагола. Ср. мальорк. катал. *Son pare, per no fer fellona aquella fia sena tan volguda, el compra* [Rondaies Mallorquines 1997: 32] (< *no fer essere fellona*) "ее отец, чтобы не злить ту свою дочку, такую любимую, купил ей ..." В некоторых говорах Саморы (Леон) отмечается каузативная функция у "непереходного" *caer*, который используется не как *tirar*, а как *hacer caer*: *cayb el pan* (= *se lo cayb el pan*), т.е. "он уронил хлеб" [Bogrego Nieto 1983: 70]. В старо-испанских текстах можно отметить каузативную функцию *tener*. Так в старо-арагонском памятнике "Liber Regum" (конец XII – начало XIII в.) *tener* = *obligar/hacer a estar*: *touollo en so preson* "вынудил его сидеть в заключении" [Соорег 1960: 151]. Кроме того, в испанском здесь вместо *hacer* используется другой базовый глагол – *poner*: *Me pone frenético su gilipollez* [Martin 1979: 133] "От его глупости меня охватывает безумие". Одна из причин настоящей

взаимозаменяемости кроется в этимологии латинского глагола действия, восходящего к и.-е. основе **dhe-* "ставить, класть, помещать" [Ernout, Meillet 1967: 209]. Также отмечается, что переход к значению "делать" произошел, по-видимому, в результате технического употребления: *dicendi finem facere* "положить конец разговору" [Гончарова 1972: 75]. Еще одним существенным способом выражения каузативности в испанском являются рефлексивные активные предложения с инструментальным предлогом *con*. Ср.: *Tu rostro se quemó con el sol* "Твое лицо обгорело на солнце"; *Los árboles (se) crecen con la lluvia* "Вода возвращает деревья". Они более характерны для испанского, чем их возможные каузативные корреляты с *hacer* (*El sol hizo quemarse tu rostro*; *La lluvia hace crecer los árboles*) [Tobón de Castro 1986: 50], употребление которых предпочтительнее в итальянском и во французском и в португальском. Как известно, причинность имеет глубокие генетические исторические связи с инструментальностью [Ямшанова 1992: 71].

Отметим также, что в итальянском двухкомпонентные каузативные модели даже при наличии однокомпонентных объектных коррелятов, в отличие от испанского, наиболее характерны именно для разговорного языка. Ср. ит. *far saltar la testa/decapitare* "отрубить голову" – исп. *degollar*; ит. *fare vedere/mostrare* – исп. *mostrar* (намного чаще, чем *hacer ver*) и т.д. То же можно было бы отметить для французского и каталанского. Ср. также использование *fer* в каталанском, в тех случаях, когда в испанском предпочтительнее выбор литературного *permitir*: кат. *Al menjador hi ha un balcó gran que fa entrar molta claror a l'estanca* – исп. *En el comedor hay un balcón grande que permite entrar mucha luz en aposento* [Lattore i Gaia 1978: 28–31]. В каталанском в равной степени существуют две возможности: аналитическая (ср. ст.-валенсийск. *veus act un part d'anell que yo he fet fer* "ты видишь здесь часть кольца, которое я заказал сделать") и лексическая (ср. мальоркинск. *anem a ca un argenter a cotinar un canti d'or* "пойдем к ювелиру и закажем золотое ведро").

Во многих случаях аналитические соответствия каталанским каузативным моделям в кастильском отсутствуют. Ср. *fer anar* = *mover, menear* "двигать" и *fer correr* = *divulgar* "распространять"; *fer saber* = *comunicar* "сообщать" и др. Отметим при этом возможность выражения двух видов каузации: собственно объектной (X каузирует процесс Y) и субъективной (некто/нечто каузирует процесс в самом X). Так, исп. *hacer reír* "смешить (кого-либо)" относится к первому случаю, *a dar risa* "быть смешным" – только ко второму (*Me da risa oírlo* "Мне смешно слышать это"). Таким образом, в испанском *hacer* – глагол только собственно объектной, *a dar* – только субъективной каузации. В каталанском в обоих случаях используется только *fer*: *fer riure* "быть смешным"; *Em fa riure* "мне смешно". Вообще частотность каузативных моделей с глаголом действия в восточном регионе полуострова – в каталанском и арагонском – намного выше, чем в кастильском. Так, отмечается 25 случаев несовпадений типа кат. *fer riure* – сев.-араг. (говоры Гистайн и Биельса) *fer redir* = каст. *dar risa*; кат. *fer veure* – сев.-араг. *fer vier* не равнозначно каст. *mostrar* "показывать" [Mott 1996–1997:133]. Ср. также в арагонском говоре долины Бенаск: *farás pasá el bestidá...* "проведешь скот", а также *fe po* = каст. *dar miedo* "пугать" [Ballarín 1978: 189–190].

В леонском отмечены *fizolles venir* = каст. *obligar(a)* "заставить прийти" [Fernández González 1982: 294], *fé (de) rabiar* "смеяться над к.-л." и др. [Cano González 1982: 271]. В последнем случае может иметь место использование в каузативной модели предлога *de*, обычное в кастильском Наварры. Ср.: *hacían de bailar, les hizo de reír, me hace de enfadar mucho* и т.д. [Iribarren 1984: 283].

Самая представительная группа моделей с производными лат. *facere* – образования, имеющие структуру V + N – также изучена недостаточно. Хофман относил их (наряду

с моделями *habeo* + N) к типичным моделям разговорного стиля в латыни [Hofmann 1926: 126]. По мнению Дж. Бонфанте, эти фразеологические выражения (N + V), в общем, заменяющие простой глагол, свойственны народному языку. Их употребление становится все более частым в поздней латыни и достигает триумфального преобладания в романских языках. Одним из первых тенденцию к развитию *facere* + N наряду с другими номинальными конструкциями осветил А. Ломбард [Lombard 1930; см. также Воротынецев 1973]. Среди работ последнего времени, в которых исследуется проблема двухкомпонентных образований V + N в языках Западной Романии и, в частности, в испанском, см. [Klingbiel 1989; Pérez Lagos 1986; Bartos 1980–1981; 1988].

Как представляется, здесь целесообразно выделить две разновидности АМ – конкретные модели, в которых группа составляющих V + N равна одному синтетическому глаголу (ср. исп. *hacer daño: dañar* "вредить") и устойчивые перифразы, в которых производные *f a c e r e* замещают другие глаголы в составе АМ (ср. исп. *hacer barba – afeitarse* "бриться"), приобретая зачастую идиоматическое значение. Ср. ит. *farsi strada* = исп. *abrirse camino* "прокладывать путь", исп. *hacer ganso* "валять дурака". Отличительной особенностью последних моделей является не обязательная в большинстве случаев возможность их сводимости к форме синтетического сказуемого. Также, в отличие от моделей первой серии, синонимичность перифразы и однокомпонентной формы не наблюдается. К основным признакам "преморфологических единиц" (т.е. моделей первой серии), как отмечает А.Н. Степанова, относится их функциональная эквивалентность синтетическим формам, строгое дистантное расположение компонентов, способность выражать грамматическое значение части речи. По своим свойствам они больше тяготеют к синтаксическому уровню. Они обладают относительной синтаксической свободой структурных компонентов (ср. франц. *faire une petite visite*) [Степанова 1974: 256–259]. Конкретные АМ с производными *facere* относятся к древнейшим аналитическим образованиям и очень распространены в иберороманском ареале. Несмотря на наличие отдельных параллелей во французском и итальянском (ср. араг. *fer fastio* = ит. *fare schifo* "быть противным", араг. *fer mal* = ит. *fare male* "делать зло" и др.) они часто не имеют аналитических соответствий за пределами Пиренейского полуострова: исп. *hacer daño/dañar* "вредить"; в итальянском – только – *nuocere*. Ср. также араг. *fer goyo* в говоре долины Бенаск *fe goy* [Ballarín 1978: 190] – кат. *fer il. lusió* – исп. *hacer ilusión/gustar, alegrar* "нравиться"; в итальянском – только *piacere*; кат. *fer el tafaner* – исп. *hacer el curioso/curiosear* "любопытствовать" – франц. *fureter*. То же в мальоркинском диалекте: *fer comptes* – исп. *hacer cuentos/contar* "учесть, принять во внимание": *Podeu fer comptes quins uis devia hadar es senyor moro com sentia tot allo* [Mott 1984: 34] "они учли, как должен был поразиться сеньор Мавр, так как он все это чувствовал".

В большинстве случаев уникальны двусоставные образования, в которых глагол действия используется с частицей *se*. В отличие от исп. *hacerse viejolenvejecer*, во французском находим *se faire vieux* "стареть". Ср.: исп. *El agua se hizo vino* = франц. *l'eau s'est changé en vin*; исп. *hacerse a la mar* = франц. *prendre la mer* "выходить в море"; исп. *hacerse con* = франц. *contrôler* "контролировать"; исп. *hacerse de nuevo con* = франц. *reprendre* "вновь взять"; исп. *hacerse fuertelfortalecerse* = франц. *se retrancher* "окрепнуть"; исп. *hacerse indispensable* = франц. *se rendre indispensable* "становиться необходимым", исп. *hacerse presentelpresentarse* = франц. *se mettre en vue* "представиться"; исп. *hacerse rico/enriquecer* = франц. *s'enrichir* "разбогатеть".

Особенно много конкретно-перифрастических моделей в пиренейском иберо-романском регионе. Многие аналитические образования с *facere* каталанского языка и арагонского диалекта имеют соответствия в национальном испанском языке. Ср. параллели, имеющие другие базовые глаголы: кат. *fer fastic* – араг. *fer fastío* – исп. *dar asco* "быть противным"; араг. *fer rabasa* – исп. *tener una avería* "произойти (об аварии)";

fer riure – исп. *dar risa* "смеяться"; кат. *fer llastima* – исп. *dar lástima* "жалеть" (букв. "выдавать жалость"); кат. *fer por* – исп. *dar miedo* "пугать"; кат. *fer soroll* – исп. *meter ruido* "шуметь"; кат. *fer foc* – исп. *pegar fuego* "зажигать" и др. [Fabra 1986: 213]. Об особой роли *dar*, зачастую заменяющего глагол действия в испанском и в отдельных говорах и диалектах в астурийском см. [Martín Rodríguez 1991; Cano González 1982: 188]. Ср. очень продуктивную в разговорном языке модель ложного эллипсиса: *dárselas de + N* (то же – *echárselas de + N*), "выдавать себя за к.-л." которой во французском соответствует словосочетание с *faire*: *faire de généreux* – исп. *dárselas de generoso* (букв. "выдавать себя за щедрого"). То же и в итальянском *farsi di* [НИРС 1995: 332]. В свою очередь, *dar* в кастильском коррелирует с *poner* и *pegar*: *dar/pegar gritos (golpes)*; ср.: *No ves que así te pueden pegar el cambiazo con el chocolate bobochorra* [Martín 1979: X] "Не видишь, что так тебе могут заменить шоколад, тупица?". Следы этой взаимозаменяемости можно видеть уже в "Поэме о Сиде": *Las palabras son p u e s t a s* (2111) – *Ya están d a d a s las palabras* "Слово уже дано". Ср. полные соответствия: араг. *fer pitanzas* – исп. *hacer añicos/laniquillar* "разбивать"; араг. *fer-se biello* – исп. *hacerse viejolenvejecer* "стареть"; араг. *fer-se de nuei* – исп. *hacerse de noche / anochecer* "делаться (о ночи)"; араг. *fer-se gran* – исп. *hacerse grandel/crecer, medrar* "расти, вырастать". Ср. также в мальоркинском диалекте каталанского: *fer comptes* [Rondaies Mallorquines 1997: 31] – исп. *hacer cuentos* "подсчитывать".

Характерной чертой арагонских соответствий, которые до настоящего времени не были тщательно исследованы (в одной из современных грамматик они определяются всего лишь как *atras cosetas* "другие штучки" [Gimeno Monterde 1991: 35]), является их нормативно-безальтернативное использование, в то время как в кастильском они составляют удел исключительно разговорно-фамильярной речи. Играя значительную роль в формировании особенностей иберо-романского аналитизма, однокомпонентных литературных коррелятов, равно как и двухкомпонентных соответствий в кастильском, в большинстве случаев они не имеют. Ср.: *fer-se memoria* – исп. *acordarse* "вспомнить"; *fer-se o boton* – исп. *abrocharse* "застегнуться"; *fer-se ne a mofla* – исп. *burlarse, mofarse* "насмеяться" (здесь же – типично кастильский аналитический коррелят *cachondearse* "насмеяться", с глаголом движения: *ir de cachondeo* "прикалываться"); *fer-se o mondiu* – исп. *escaquearse* "уклоняться"; *fer escuites* – исп. *hablar al oído* "говорить на ухо"; *fer estorbo* – исп. *estorbar* "мешать" и мн. др. Ср. также в каталанском: *fer una abraçada* = исп. *abrazar* или с *dar*: *dar un abrazo* "обнимать"; *fer alegría* = *alegrar* "радовать"; *fer broma* = *bromear* (или с глаголом движения: *andar de broma*) "шутить"; *fer feina* = *trabajar* "работать"; *fer goig* = *lucir* "блестеть"; *fer lleig* = *afear* "уродовать"; *fer olor* = *oler* "пахнуть"; *fer pena* = *apenar* (или с *dar*: *dar pena*) "огорчать"; *fer tristesa* = *entristecer* "печалить"; *fer vergonya* = *avergonzar* (или с *dar*: *dar vergüenza*) "стыдить"; *fer content* = *contentar* "делать довольным" и др. [Fabra 1986: 213]. Исследования, проведенные в последнее время, показали, что самая высокая частотность использования настоящих моделей приходится на северо-восточный и восточный регионы полуострова. Так, в говорах Северного Арагона (Гистайн и Биельса) и в каталанском отмечено 53 модели, отсутствующие в кастильском (в последнем им соответствуют образования с *dar*, его заменителями или однокомпонентные структуры). Ср. ар. (Гистайн) *ferse un sueño* – ар. (Биельса) *ferse un sonet* – кат. *fer un son* = каст. *echarse un sueño*; ар. (Гистайн, Биельса) *fer estorbo* – кат. *fer nosa* = каст. *estorbar*; ар. (Гистайн, Биельса) *fer luz* – кат. *fer llum* = каст. *dar luz*; ар. (Гистайн, Биельса) *fer asco* – кат. *fer faistic* = каст. *dar asco*; ар. (Гистайн, Биельса) *fer fiesta* – кат. *fer/ldonar una festa* = каст. *dar una fiesta*; ар. (Гистайн, Биельса) *fer murga* – кат. *fer murga* = каст. *dar l a murga* "надоедать"; ар. (Гистайн) *fer e l morro* – ар. (Биельса) *fer e l moregón* – кат. *fer morror* = каст. *poner mala cara* "сделать недовольное лицо", ар. (Гистайн) *fer el finores* – кат. *fer el finolis* = каст. *dárselas de*

fino – "жеманничать"; ар. (Гистайн, Биельса) *fer se(d)* – кат. *fer(venir)se* = каст. *dar sed* "хотеть пить"; ар. (Гистайн, Биельса) *ferse gian* – кат. *ferse gian* = каст. *crecer, medrar*; ар. (Гистайн, Биельса) *fer boca* – кат. *fer boca* = каст. *comer algo* "закусить" и др. [Mott 1996–1997: 128–129].

С наибольшей последовательностью на Пиренейском полуострове конкретные АМ используются в баскском. Большинство их не имеет прямых соответствий в индоевропейских языках и, прежде всего, в языках Западной Европы – романских, германских и кельтских. Ср. баск. *negar egin* "плакать", буквально 'плач сделанный'. Сразу отметим, что второй баскский компонент – глагол действия – соответствует инфинитиву индоевропейских языков, но по сути своей представляет форму, аналогичную индоевропейскому причастию прошедшего времени. Инфинитив в индоевропейском понимании в баскском отсутствует. Таким образом, все баскские модели N + Vag. следует трактовать соответственно как N + Part. Pas. ('что-то сделанное'). Ср. также *barre egin* "смеяться"; *lo egin* "спать" ≠ исп. *dormir*; *hegaz egin* "летать" ≠ ит. *volare*; *anka (iges) egin* "убегать" (ср. в русском *ноги делать*) ≠ исп. *huir, escaparse*; *dantza (n)egin* "танцевать" ≠ исп. *bailar*; *agur egin* "приветствовать" ≠ исп. *saludar*; *ame(t) egin* "мечтать" ≠ исп. *soñar*; *zaunca egin* "лягать" ≠ исп. *ladrar*; *lan egin* "работать" ≠ исп. *trabajar*; *itz egin* "говорить" ≠ исп. *hablar*; *irrixt egin* "скользить" ≠ исп. *resbalar*; *fixtu egin* "свистеть" ≠ исп. *silbar*; *zintz egin* "сморгаться" ≠ исп. *sonarse (la nariz)*; *utz egin* "ошибаться" ≠ исп. *faltar, errar*. Ср. также преимущественно бискайские формы типа *aginka egin* "кусать" ≠ исп. *morder*; *agiraka egin* "ругать" ≠ исп. *reprender* (но франц. *faire reprendre* рядом с *reprendre*); *aitaren egin* "крестить", букв. 'от отца сделанный' ≠ исп. *santiguar*; *alboraka egin* "стучать" ≠ исп. *tambalear*; *alde egin* "уходить" ≠ исп. *marcharse*; *argi egin* "освещать" ≠ исп. *alumbrar*; *arnasa egin* "дышать" ≠ исп. *respirar*; *arrausi egin* "зевать" ≠ исп. *bostezar*; *arrika egin* "кидать камнями" ≠ исп. *apedrear*; *hurruka egin* "бороться" ≠ исп. *luchar*; *burrutik egin* "страстно желать", букв. 'страстным желанием сделанный' ≠ исп. *delirar* и др.

Некоторые баскские конкретные модели имеют прямые соответствия в романских языках и, прежде всего, в испанском. Ср. *gaizt egin* "вредить" – исп. *hacer daño/dañar*; *kalte egin* – то же; *mosu egin* "целовать" – кат. *fer una petó*.

Иногда баскским моделям в романских языках соответствуют двухкомпонентные образования с другими базовыми глаголами. Ср. *gogait egin* – исп. *dar la lata/laburrir* "наскучить, надоесть"; *oin egin* – исп. *dar gritos/gritar* "издавать крик, кричать". Любопытно, что баскск. *umea egin*, букв. "ребенок сделанный" имеет отличающийся от хорошо известного смысл: не "сделать ребенка", имеющее отношение к отцовству, а "родить ребенка", т.е. речь идет о материнской функции.

Только в каталанском зафиксировано 18 изолированных конкретных АМ. Ср.: кат. *em fa venir ganas* ≠ ар. (Гистайн, Биельса) *me da pampurrias* – каст. *me da ganas* "мне хочется"; кат. *fer tombs* ≠ ар. (Гистайн) *car vulguetes* – ар. (Биельса) *car tombos* – каст. *dar vuelcos* "перевертываться"; кат. *fer feina* ≠ ар. (Гистайн, Биельса) *fochar* – каст. *trabajar* "работать"; кат. *fer plat* ≠ ар. (Гистайн, Биельса) *servir* – каст. *servir* "служить" и др.

Еще больше изолированных моделей отмечено в арагонских говорах Гистайн и Биельса (23). Ср.: ар. (Гистайн, Биельса) *fer risa de* ≠ кат. *riure's de* – каст. *reírse de*; ар. (Гистайн, Биельса) *fer ploros* ≠ кат. *arrencar el plor* – каст. *romper a llorar* "разрыдаться", ар. (Гистайн, Биельса) *fer el planto* ≠ кат. *romper el llanto* "заплакать" (в катал. *fer el plorico* имеет значение "жаловаться"); ар. (Гистайн, Биельса) *fer plen* ≠ кат. *omplor, emplenar* – каст. *llenar* "наполнять"; ар. (Гистайн, Биельса) *fer memoria* ≠ кат. *recordar* – каст. *recordar* "вспоминать"; ар. (Гистайн, Биельса); *Fez bien!* ≠ кат. *Passi – ho bé!* – каст.; ¡*Qué lo pases bien* "Желаю всего хорошего!" и др. [Mott 1996–1997: 131–133]; ср. еще: [Romanos 1995; Nagore Lain 1987]. Ср. также *fe el*

ball – *bailar* la danza típica del país, *fe yerba* – *recolectar*, *fe ululs* – *ulular* – в арагонском говоре долины Бенаск [Ballarín 1978: 189–190] О присутствии этих моделей на западе полуострова свидетельствуют сочетания *facen burla/burler* ≠ каст. *burlar* (Леон, говор Анкарес) [Fernández González 1981: 294], *fé nueite* – “провести ночь в определенном месте”, *fé fieru* “обрабатывать железо в кузнице”, эллиптическое *fé serviciu* “служить в армии” [Cano González 1982: 217] и др

Наибольшая концентрация древнейшего типа конкретных АМ с глаголом действия в северном, и особенно арагонско-каталанском регионе весьма симптоматична Судя по данным дороманской ономастики [Cogominas 1960, 1972: 126; Gulsoy 1993; Igaray 1949: 238–239, González-Ollé 1990: 203], а также лингвистическим данным, это одна из зон наиболее интенсивного влияния языка басков Баскские элементы Верхнего Арагона и Каталонии, несомненно, восходят к тому периоду времени, когда население, живущее на огромной территории от юго-западной Франции до Восточных Пиренеев и Средиземноморского побережья, было в своей массе баскоязычным, а наибольшая концентрация баскского, ставшего основным субстратным языком формирующихся романсе, приходилось на Аквитанию и горные долины Арагона – Собрарбе, Рибаторсы и Пальярса [Abadal 1955]

Особенностью баскских образований последнего типа является возможность опущения в них самого глагола с семантикой действия, первоначально – второго компонента композитов, имеющих исходную структуру N + V, что, в свою очередь, свидетельствует о значении и роли, которую имеет и играет *egin* “делать” в развитии аналитической системы баскского языка. Ср. баск. *Arek barre andiyek (egin) entxoien* “он громко над ними рассмеялся” [Holmer N.M., Holmer V.A. 1969: 194], букв ‘он смех большой (сделавши) над ними’. В общебаскск *Jon joan (egin) da eta Mikel etorri da* [Altuna 1985: 52] – “Ион пришел (букв ‘ушедши сделал’) и Микель пришел”.

О значимости баскских аналитических образований с *egin* свидетельствует, прежде всего, то обстоятельство, что они, в отличие от аналогичных романских (и прежде всего, французских, каталанских и итальянских, не говоря уже об испанских, в которых зачастую вместо *hacer* используются *dar* и *poner*), за редким исключением, однокомпонентных коррелятов не имеют Баскск: *dei egin* “звать”, букв ‘зов сделанный’, соответствует только аналитическим *deitua izan*, *deia izan*, *deia ukan* [Нарумов 1987: 148], *negar egin* “плакать”, букв ‘плач сделанный’ – исп. *llorar*, которому соответствует *hazer su planto* в “Селестине”, и галисийская пара *plorar* – *fazer o pranto: todos fan o pranto* [Нарумов 1987: 148] и т.д.

Как отмечает Л. Вильясанте, в известной народной песне, которую поют в Бильбао на кастильском языке, полном баскизмов, имеются такие слова “*Ené, qué risas hicimos, .. chalos y todo nos hizo*” *Hacer risas* = *reír*, *hacer chalos* = *aplaudir* – глагольные выражения, буквально переведенные с баскского [Villasante 1980: 170]. Р.М. Аскуэ называет модели N + *egin* “оперативными глагольными выражениями” в отличие от “сенситивных (прилагательного + *izan/egon*)” [Azkue 1969: 505]. Очень велика частотность моделей с глаголом действия в старокастильском памятнике “*Fuero de Sepúlveda*” (1300 г), в котором представлены глоссированные романо-баскские примеры. Ср *Qui mal fiziere* (= совр исп *El que mal obrare*) – баск *Gaizki egiten duana; Non pueda y (allí) fa ce i ca sa a, el dueño non queriendo* – баск. *Ezin dezakeala an etxetik egin, jabeak nai ez duala* [Lekuona 1982: 17], букв “дѳма сделанный”.

Обычность или даже обыденность наличия *egin* в качестве составляющего практически нормативного для баскского языка аналитического предиката (здесь, как известно, лишь 15 глаголов спрягаются как личные) привела не только к его синтаксическому опущению (обязательная подразумеваемость), но и к морфологической редукции: историческая и в настоящее время зачастую трудно восстанавливаемая двусоставность многочисленных глаголов баскского словаря, в основе образования которых – компрессия *egin*, действительно впечатляет. Так, *usegi*, *ausiki*, “кусать”, являющиеся

коррелятами *aginka egin*, букв. 'укус сделанный' [Azkue 1969: 375] – результат стяжения *usi – egin* и *asi – egin*, что не встречает противоречий и с семантической стороны: *ausi – egin* – "ломать, разрушать", букв. "разрушение сделанное" [Зеликов 1981: 31]. Ср. также *etagin, etain, etegin* "роженица", в которых В. Ван Эйс вполне логично предполагал *ete* "женщина" + *egin* [Agud, Tovar 1989–1995: 280]; *eskain* "требование и другие дериваты (см. [Agud, Tovar 1989–1995: 590]) В. Ван Эйс представлял как модификацию *egin* при стяжении с *esku* "рука"; *etsigi(n)* "склонять" состоит из *elsi* "фермент, дрожжи" + *egin* [Agud, Tovar 1989–1995: 619].

На пути к стяжению – промежуточные случаи частичного опущения в бискайском Ср. . . *ez bajetuteko in zeuen* (? *egin zeudan*) *euzoko* "чтобы не могли спуститься" [Holmer N.M., Holmer V.A. 1969: 214], *Simon ill ezaskan* (*ill egin zan*) "Симон умер" [Holmer N.M., Holmer V.A. 1969: 214] Ср. также общеваскское *alde egin* "уходить", которое может быть представлено как *aldegin* (буквально 'сторона сделанный'), напоминающее исп. *hacerse al lado* "отойти в сторону". Ср. также исп. *hacer dañol/dañar* – баск. *kalte (gaitz) egin* "вредить" Аналогичные соответствия имеются и в каталанском. Так, баск. *lo egin* "спать", букв. "сон сделанный" – кат. *Fer una dormideta* "вздremнуть", в мальоркинском – *fer sa dormida: Se despertà sol sortint el rei, i el va fer sa seua dormida* [Rondaies Mallorquines 1997: 29] – 'Когда встало солнце, король проснулся, а он заснул'. Ср. также в арагонском говоре долины Бенаск: *La rabósa ba fe el dormiu* [Ballarín 1978: 190] "Лиса заснула" В испанском использование конструкций типа *echar un sueño* "заснуть" – свидетельствует о дальнейшей активизации глагола действия (*hacer* → *echar*); ср. то же и для *dar*: *dame una mano* → *échame una mano* "помоги мне!"

Л. Мичелена, анализируя баск. *atsegin* 'удовольствие', но также "приятный" (что при лабильности баскской грамматической системы N = Adj вполне естественно) и видя в нем модель Obj + V, в которой глаголом является *egin*, отмечает типологически сходные гасконские (реже французские) образования N + активный V: *coulou – muda* – "менять цвет"; *cap – mounta* "поднимать голову"; *pè – torse* "подвернуть ногу" [Michelena 1977: 265]

Второй компонент в лабурдинском баскском *erian dio* "он сказал ему" (букв. "сказанное это – делать – ему (он)", как отмечает Х. Вагнер, содержит корень $-(g)i-$ "делать" [Wagner 1978: 61]. При рассмотрении вопроса о баскско-кельтском соответствии функционирования моделей с глаголом действия, можно предположить, что суффикс *-k-*, выделяемый в валлийском глаголе *ehedeg* "летать" [Льюис, Педерсен 1954: 371], восходит к основе с семантикой "делать", материально совпадающей, по мнению Х. Вагнера, в баскском, кельтских и берберских языках [Wagner 1959: 177]. Сама форма *ehedeg* – результат слияния компонентов аналитической модели *ehed – eg*, которую можно сопоставить с баск. *hegal egin* "летать", букв. 'крыло сделанное'. Соответствие *-d/-l-* объяснимо в рамках известного средиземноморского чередования *d/l/r*: ср. валл. *eidion* "бык", которое еще Шаранси связывал с баск. *idi/iili/n* "бык"

В основе замещения глаголов движения и говорения конструкциями с *egin* лежит опущение первого компонента аналитического сказуемого. Ср. в наваррском баскском: *Ordubietan etxerante egin genuen* – "A las dos fuimos hacia casa", букв. 'hicimos hacia casa' "В два пришли (= сделали) к дому" [Ayerbe, Pena 1984: 43]; в биск. *Marrkiñarak eusketas ondo egiten dabe* "население Маркинья говорит (букв. 'в делании') хороший баскский", [Lewy 1965: 362]. В основе их, несомненно, *egin bidea* букв. "сделавши дорогу" (ср. в романских: исп. *hacer el camino*) и *itz (ber)ba egin*, соответствующее синтетическому *mintzatu* "говорить", букв. 'слово сделавши' (ср. лат. *verba facere*). Аналогичные опущения можно предположить и в случаях функционирования *egin* в значениях 'предполагать' и "держат пари" [Agud, Tovar 1989–1995: 255]

Опущение глагола действия в аналитической модели N (отглагольное имя) + V

имеет место и в бриттской группе кельтских языков Предпочтительное использование подобных образований (номинальный стиль) вообще является яркой морфосинтаксической чертой бриттских языков, имеющей параллель в английском (*take a walk, have a smoke*)

А И Фалилеев настаивает на том, что, несмотря на внешнее сходство кельтских аналитических моделей (глагол действия + именная синтагма) с аналогичными ирландскими, первые имеют существенное отличие – они полностью синонимичны моделям с простым глаголом и могут рассматриваться как настоящие формы перифрастического спряжения [Фалилеев 1991: 255]

Исследователи обычно ограничиваются указанием на существование в бриттских языках форм отглагольного имени, функционирующих вместо финитных глаголов [Willis 1988, Fawkes 1991] Тем не менее, как позволяют считать некоторые данные, настоящие модели с отглагольным именем составляющие специфику бриттской глагольной системы кельтских языков, являются эллиптическими вариантами аналитических конструкций, вторым обязательным компонентом которых является глагол с семантикой действия

Использование глагола "делать" (валл *gouuc/gwnaeth*) в модели "отглагольное имя + частица *a*", как отмечает Л Флерио, является в бриттских языках очень древним В бретонском на протяжении всей истории его существования и в средневаллийском словосочетание "он пошел" обычно передается как идти он сделал брет *Monet a(g)esh e*, ср -валл *Myned a ouic* Подобная перифраза в инвертированной форме имеется и в корнском *ef wruk mones* В ирландском она появляется поздно и используется редко [Fleuriot 1991: 29] Л Флерио (еще ранее В Пресслер [Preussler 1938: 182]) объясняет специфику английских и некоторых старо-французских перифраз кельтским влиянием ср англ *I do say* (особенно в юго-западной части Британии) Таков перифрастический презенс (синтетические формы практически отсутствуют) в дорсетском диалекте английского языка (*do* + инфинитив), появившийся в результате кельтского влияния [Павленко 1993] Приводя ст -фр *Convoitise fait son arc tendre* 'conventousness bends its bow' он обращает внимание на отличие последней от активных образований с *faire* в современном языке [Fleuriot 1991: 30] Тем не менее обычность их в баскском дает все основания считать настоящие модели одним из остаточных явлений докельтского доиндоевропейского субстрата в Западной Европе, а также еще одной грамматической баскско-кельтской параллелью, дополняющей отмеченные в предыдущих исследованиях соответствия [Зеликов 1990: 113, 1985: 174, Zelikov 1993: 326]

О значительной роли баскского языка здесь свидетельствует и наличие в этом языке экспрессивных образований с глаголом действия, отличающихся от вышеприведенных моделей V agendi + NS (отглагольное имя/инфинитив) или каузативных V agendi + инфинитив исключительно плеонастическим характером глагола действия *egin* Этот глагол используется в качестве второго компонента в аналитической модели с причастием смыслового глагола соответствующего инфинитиву индоевропейских языков Ср баск *Edo tsantsetan abil edo erotu egin aiz* [Azkue 1969: 22] 'Или ты шутишь, или ты сошел с ума', букв 'Или в шутке идешь, или с ума сошедший сделавшись ты есть' – исп *O vas chanceando o vuelto loco hecho eres* Ср также *jan egin zidan* – исп *me lo como*, букв 'como hecho' [Lewy 1965: 24] 'я съел, букв 'съеденным сделавши это мне'

Помимо баскского, кельтских и английского (в последнем – как субстратное явление), модели с плеонастическим глаголом действия спорадически используются в северных итальянских диалектах (ср отмеченное еще Л Шпицером пьемонтск *fai in un momento a arrivare a casa* [Spitzer 1922: 167], букв 'делаешь в момент прибыть домой', ты сразу приходишь домой) Наиболее последовательно настоящая модель употребляется в зоне непосредственного баскского влияния – в североарагонском говоре Гистайн и в кастильском говоре Наварры Так, Б Мотт приводит пять моделей

с "некаузативным *fer*, отмеченных в говоре Гистайн, которые являются анахронизмами не только для кастильского и каталанского, но и для соседнего североарагонского говора Биельса [Мон 1996–1997 133] Модель с причастием активного глагола отмечена в кастильском Наварры Ф Гонсалесом Олье *Vestido nuevo te vas a estar hecha así* [González-Ollé 1990 81] 'У тебя новое платье, а ты (не наденешь его и) будешь в таком виде', букв 'Платье новое, а ты собираешься быть сделанной так', что свидетельствует о несомненных баскских истоках специфических испанских моделей *hechola* + NS [Журчаткина, Супрун 1981 73], которые зачастую не нуждаются в восстановлении связочных глаголов *estar* или *ponerse* *Ella hecha una fiel a me lo soltó* "Она, страшно разъярившись, мне это высказала" Ср. также в говоре Вилья Сидайо (Леон), в котором *estar hecho* = *ser* используется с большой частотностью, особенно для выражения оскорбления, или упрека *¿qué payaso estás hecho?* = *¿qué tonto eres!* – 'Ну, ты и дурак!', *esta hecho un golfo!* – ну и хам!" Компрессивные образования NS + *egüña* (= *hechola*) для баскского обычны *egusentak odolean, zu hil egiña* "el alba hecha viruta en la sangre

Очевидно, что компрессия лежит и в основе рассматриваемых моделей с плеонастическим инфинитивом глагола действия Как пишет В Мотт, можно вообразить, что в процессе грамматизации *fer* (в арагонском говоре Гистайн) была стадия, при которой последний имел чисто лексическое значение "предпринимать какую-либо активность" Так, в производном предложении типа *No mas fas ixo hablar* (т е "sólo hablas") "Ты только делаешь это говорить" ('ты только говоришь') глагол *hablai* занял позицию дополнения *ixo* "это", а глагол *fer* при этом не был опущен и постепенно стал вспомогательным, но не лишенным содержания в новой более синтетической структуре *No mas fas hablai* То же – в отрицательных моделях венецианского диалекта итальянского языка *no el fa canta* [Мон 1996–1997 135–136] он только поет". Сходную точку зрения высказывает Л Флерио, видящий в рестриктивных предложениях типа франц *il ne fait que dormi* "он только спит" остаточное явление рассмотренного выше старофранцузского примера *fait tendie* [Fleury 1991 30] Рестриктивные отрицательные предложения весьма частотны и для пиренейских романских языков здесь, помимо типа *no* + *V agendi* + (*más*) *que* + *Vp*, имеется особая конструкция с *sino* Однако следовало бы пояснить что в основе самого предполагаемого В. Моттом североарагонского предложения с *No mas* (стянувшегося в каталанском в наречие *nomes*) лежит опущение релятивного союза *que*, что предполагает более органичную компрессию либо рестриктивного (*No fas que mas hablar*), либо эмфатического предложения (*lo que fas ye hablar*), которые, собственно, и объясняют природу "независимого инфинитива *hablar*, следующего за *No mas fas ixo* Известные в западных романских языках модели эмфазы сказуемого (ср в неаполитанском диалекте итальянского *с'ha fatto s'a venuta* [Spitzer 1922 166] – букв 'что она сделала – так пришла) особенно продуктивны в испанском Именно в этой конструкции Л Мичелена видит соответствие баскскому предложению с плеонастическим *egin aita etorri egin da* (= *aita etorri da*) – исп *lo que ha hecho el padre es venir* [Michelena 1977 259], букв 'el padre venido hecho es' "Отец действительно пришел" Ср в мальоркинском каталанском *Pensaren a veure com s'no fa i e n pei fugi* [Rondaies Mallorquines 1997 33] Задумали они посмотреть, как они сумеют убежать", букв 'как это они сделают, чтобы убежать' Примечательна и возможность перефразирования в каталанском – использования именной модели *Артикль + притяжательное местоимение + N* (от глагола *fer*) – в предложениях, эквивалентных эмфазе предиката Ср также специфические вопросительные модели с двойным релятивным *que* типа *¿qué hacen que no vienen?* "и что же они не идут?", букв 'что они делают, что не идут'. Ср также экспрессивные вопросительные модели типа Откуда ?' "Как это ?" *Come fa a sapere il mio nome?* "Откуда вы знаете мое имя?", *Come hai fatto a sapere che volevo chiamare il mio*

cane? "Как ты узнал, что я хотел позвать собаку?". Ср. также в испанском конструкции с опущением всего релятивного фрагмента с глаголом действия в роли выделительного компонента: *Lo primero es buscar la salida* (*Lo primero que hay que hacer es buscar la salida*) "Первым делом (следует) найти выход".

Особой разновидностью конкретных аналитических моделей с *facere* являются конструкции, обозначающие время и явления погоды. Первые составляют своеобразие всех западнороманских языков за исключением итальянского (в котором используются образования с *essere*), образуя любопытную изоглоссу с берберскими [Wagner 1959: 177]. Ср. исп. *hace (hacía) + tiempo + que/ит. é (era) + tempo + che: Hace tres horas que estudio alemán – Sono tre ore che studio tedesco* [Múniz Nieves 1984: 181] "Уже три часа я учу немецкий". Сближение активной испанской модели с лат. *fieri* (пассив от *facio*), как это делает Б. Лефстедт, приводя пример из Плавта: *iam diu est factum quom* [Lofstedt 1966: 272; ср. Porto Dapena 1983; Brewer 1987], неправомерно. Ср. катал. *Fa quatre anys que està malalt* "Он болеет уже четыре года"; *D'això ja fa temps* "Уже давно" [Fabra 1986: 843]. В арагонском (долина Бенаск) находим *fa un mes ke ye málo* [Ballarín 1978: 189]. Французскому *il fait nuit* в испанском языке соответствуют две возможности: *hace noche* и *es de noche*. Так же два глагола – экзистенции (*izan*) и действия (*egin*) – используются в баскском: *Aspaldi il ziran* "Уж давно как они умерли", букв. 'умершие были'; *illabete osoa da itxoiten naukala* "Уже целый месяц он меня ждет", букв. 'Месяц полный есть как в ожидании меня он имеет как'. Но биск. *eta geube (e)itxen (= egiten)* – исп. *у cuando hacía la noche*, букв. 'у la noche en el hacer' [Holmer N.M., Holmer V.A. 1969: 222] "и ночью". Исп. *hace noche* (безл.) следует отличать от личной аналитической модели *hacer noche – pernoctar* "ночевать". Ср.: ... *no hizo noche en aquel pueblo* "он не переночевал в той деревне".

Тип моделей с глаголом действия для обозначения погоды наиболее последовательно представлен в баскском. Ср. *Zer egualdi egitzen du?* "Какая сегодня погода?", букв. 'Какая сегодня погода в делании (он) ее имеет?'; *Euri asko egin du* "Шел сильный дождь", букв. 'дождь много сделавшись (он) его имел'; *elhurra egin du* "выпал снег", букв. 'снег сделанным (он) его имеет'. Показательно и то, что в кастильском Наварры нормативному испанскому *Hubo mucha sequía* "Была большая засуха" соответствует модель с *hacer*: *Hizo muy seco* [Irigarren 1984: 283], букв. 'Сделал очень сухо'. Кроме того, в баскском известна еще одна разновидность активной конструкции – при участии глагола с посессивной семантикой *edun* (= исп. *tener*). Отличительной чертой последних в этом случае является их не эргативный (обычный для моделей с *edun*), а номинативный характер. Как отмечает Л. Вильясанте, "имя существительное стоит в именительном (не эргативном) падеже: *Euria ari du* = "llueve (está lloviendo)" "идет дождь"; *Elurra ari zuen* = "nevaba" "шел снег". По мнению Л. Мичелены, активная конструкция, связанная с понятием "идти (о дожде)" (*euria ari du*) является примером модели с прямым дополнением, которое в баскской фразе, имеющей эргативное строение, отсутствует, совпадая с подлежащим, что свидетельствует о ее тесной связи с категорией глагола" [Michelena 1977: 262]. То же – и в конструкциях, обозначающих изменение времени суток: *Eguna zabaldu du* – "ha amanecido" "рассвело"; *Eguna laburtu du* – "el día ha acortado" "день сократился" [Villasante 1980: 166], букв. 'день сокращенным имеет', что свидетельствует о безличном характере настоящих образований (субъект устранен: '(Некто) имеет день сокращенным'); *Elurra duk bortüan* (из сулетинской песни) = исп. *hay nieve en los Pirineos* "В Пиренеях снег" [Villasante 1980: 167]. Другой особенностью баскских моделей является наличие особой дативной конструкции, выражающей начало действия: *Euriari eman zion* "начался дождь", букв. 'дождю давши ему он имеет' = исп. *le dio a llover* [Aeyrbe, Pena 1984: 123]. В романских языках последний тип составляют, помимо моделей с *facere*, бессубъектные или фиктивно-субъектные образования (3 л. ед. числа глагола). Ср. исп. *hace huentmal*

tiempo "(Стоит) хорошая/плохая погода"; *Non fa z e en uyuerno destenprradus fryuras* "Зимой нет жестоких морозов". Эллиптические варианты устойчивых сочетаний отмечены в кастильском Наварры (ср.: *Hace buenolmalo*) [Iribarren 1984: 283] и в каталонском: *Almenys que fa c i bo* "Хотя бы, по крайней мере, была хорошая погода" [Lattore i Gaia 1978: 143]. Это уже устойчивое, а не эллиптическое, как это отмечено в [Fabra 1986: 843] образование, существующее наряду с полной моделью *fa bonimal temp* (то же во французском).

Глагол действия представлен в исп. *hace sol*, порт. *faz sol*, ит. *fa sole* "светит солнце"; исп. *hace viento*, но ит. *tira vento (fa vento a qc.* "украсть что-либо у кого-либо"), араг. (говор долины Бенаск) *fe turbéres* "дуть (о сильном ветре)", "мести (о метели)" [Ballarín 1978: 190]; кат. *fa pluja*, порт. (говоры Алгарви) *faz chuva* [Azevedo 1975–1978: 65], но исп. бессубъектный *llueve*, как и ит. *piore*. Во французском находим *il pleut*, как и в нем. *es regnet* и в англ. *it rains*. В валлийском тип с экзистенциальным глаголом: *main bwrw glaw*, букв. 'имеется дождь', в отличие от ирландского, в котором, как и в баскском, – модель с глаголом действия: *dean faidn se uisce(e) amardch* "it will do rain tomorrow" [Mac Mathuna 1978: 53].

Возможность появления *hacer* на Пиренейском полуострове не исключается и в обычно персонифицированных моделях типа "гремит гром", "сверкает молния". Так, последняя представлена в арагонском говоре долины Бенаск: *Fe llampits* = каст. *relampagea* [Ballarín 1978: 190], а также в португальских говорах Алгарви: *cando chove fa z muito t r o v ão* [Azevedo 1975–1978: 65] "когда идет дождь, сильно гремит гром". Персонифицированные образования вообще широко коррелируют с настоящими западнороманскими моделями. Дополнение при этом переходит в позицию подлежащего. Ср.: нем. *Der Regen fällt* "падает дождь", ретором. (фриульск.) *A cole la ploe*, букв. 'проникает дождь'. См. также [Rasmussen 1981; Ruwet 1969; Зеликов 1983]. Подобная персонификация с участием глагола движения возможна и в баскском: биск. (Эйбар): *Aixe epel epelea d a b i l l , eta ez jako igartzen neguari* – исп. *Corre* (букв. 'ва') *un viento templado y apenas se deja sentir el invierno* "Бежит (букв. 'идет') теплый ветер, и зима почти не чувствуется" [Echebarria 1965–1966: 27].

Весьма затруднительным является выявление приоритета использования в языках Западной Романии перифраз – лексических аналитических моделей с *fa c e r e*. Здесь можно выделить две разновидности: *facere* как VO и идиоматические образования с *facere*.

Что касается модели первого типа, то надо отметить, что возможность свободной корреляции глагола действия с конкретными глаголами в составе аналитических конструкций замечена исследователями давно: "полуустойчивые словосочетания не образуют единого предиката, и глагол в них может быть заменен более конкретными по смысловому содержанию глаголами: лат. *foedus facere* – *foedus icere*, *vim facere* – *vim adhibere*; франц. *faire du sport* – *pratiquer le sport*, *faire la vaisselle* – *laver la vaisselle* и т.д. [Гончарова, Кистанова, Левит 1974: 23].

Многие образования с глаголом действия как VO не являются специфизмами в том или ином языке. Ср. ит. *farsi la barba*, которому в испанском соответствует не только синтетический коррелят *afeitarse* "бриться", но и *hacer la barba*. Весьма нелегко установить доминанту и в вопросе о функционировании идиом с *facere*: исп. *hacer las veces/sustituir* соответствует только *sostituire* "заменять" в итальянском.

Еще больше осложняется вопрос при сопоставлении фактов итальянского национального языка с языками и диалектами всего иберороманского ареала. Так, в моделях с *facere* как VO в каталанском *fer tard* полностью соответствует *fare tardi* "опаздывать" в итальянском, а *fer d'hora* аналитических эквивалентов в итальянском, как и в испанском (*llegar temprano*) не имеет, а во французском существует только со смысловым глаголом движения: *arriver de bonne heure*. Подобное явление наблюдается

и в кат *fer (bona/mala) cara* иметь (красивый/некрасивый) вид, которому соответствуют двухкомпонентные соответствия образующиеся с *tenere* исп *tener (buen/mal) aspecto* и *tener (buen/mal) semblante* – ит *avere faccia* Ср также в арагонском *fer-se taquí* "бежать сюда" – исп. *correr hacia aquí* *fer-se talla* бежать туда – исп. *correrse para allá* [Cerbasi 1997 35], сходные с ит *farsi indietro, fer un bocau* – исп *comer algo* "съесть что-либо" и *fer orellas* – исп *quedarse escuchando* превратиться в слух", но полностью совпадающие с разг. *hacer el bocado* и *hacerse (todo) oídos* Не имеет соответствия араг *fer un poder* – исп *intentar* Ср также параллельное использование двух базовых глаголов для образования моделей с одной и той же семантикой в рамках одного языка Так, в итальянском *face un salto* заскочить к к.-л. 'контаминирует с моделью с глаголами движения *andare a novare* В кастильском Наварры можно отметить *hacer leña* – общеисп *cortar leña* "рубить дрова", *hacer castañas (helechos)* "собирать каштаны (папоротник)", *hacer viña* – общеисп *plantar viña* "сажать виноград" [Imbarten 1984 283].

То же самое можно отметить и при рассмотрении вопроса, касающегося распределения идиом с *facere* Так, например арагонские идиомы *fer comeya fer cullebretas, fer fuineta, fer (a) miquetas, fer o fato* имеют аналогичные соответствия в испанском (ср *hacer comedia* разыгрывать комедию', *hacer eses* "выписывать восьмерки", *hacer novillos* сбегать с занятий", *hacer polvo* "уничтожать", *hacer el tonto* валять дурака') и отчасти – в итальянском *fare comedia, fare l'oca* (= кат *fer l'onso*) "притворяться делать вид, что не знаешь Тем не менее двухкомпонентность более характерна именно для северо востока полуострова Так, несмотря на наличие соответствия араг *fer fuinetas* – кат *hacer novillos*, ср у ХР Сендера *A los seis años hacia fuineta es decir se escapaba ya de casa, y se unía con otros zagales* (Sendei) В шесть лет он делал ноги, т е сбегал из дома, чтобы встречаться с другими мальчишками".

Однако, в большинстве случаев, в испанских идиоматических соответствиях моделей с глаголом действия в каталанско-арагонском ареале используются другие глаголы Ср кат *no fer goig una cosa a algú* ≠ исп *no caer bien algo a alguien* "не нравиться к л ч.-л.", *a fer nones* ≠ исп *a dormir* "спать", *fer hondat* ≠ исп *portarse bien* "хорошо себя вести"; *fer festa* ≠ исп *holgar* "отдыхать", *fer el pensament* ≠ исп. *decidirse* "решиться", *fer via* ≠ исп. *ir deprisa* "идти быстро", *fer tarde* ≠ исп *llegar tarde* (= ит *fare tardi*) "опаздывать", араг *fer a figa* ≠ исп. *fastidiar* утомлять, *fer aparatos* ≠ исп *gesticular* жестикулировать" *fer a tana* ≠ исп *incordiar* "вносить раздор" *fer burro falso* ≠ исп *defraudar* обманываться', *fer caterizia* ≠ исп *molestar* беспокоить", *fer luminetas* ≠ исп *brillar (los ojos)* "блестеть о глазах Ср также в арагонском говоре долины Бенаск *fe púnta* ≠ исп *afilar, aguzar* точить', *fe fiestas* ≠ исп *acariciar* "ласкать", *fe burro falso* ≠ исп *flojear* 'слабеть', *fe de bueno* ≠ исп *guisar* "готовить" (в отличие от беспредложного *fe buéno* имеющего значение *gustar todo, encontrar todo bueno* "находить все хорошим" или *aprovechar todo* "пользоваться всем) *fe onra* ≠ исп *ser útil, prestar servicio* "быть полезным", *fese la tufa* ≠ исп *peinarse* "причесываться" *fe probécho* ≠ исп *sentar bien* хорошо сидеть (об одежде)", *fe chóbes* ≠ исп *casar al hijo heredero* "женить наследника", *fe hoka* ≠ исп *tomar algo que estimule el apetito o la sed* "есть что-либо, что возбуждает аппетит или вызывает жажду", *fe chuégo* ≠ исп *venir bien, ser útil* "подходить, быть полезным", *fe quélls* ≠ исп *mirar con insistencia* 'настойчиво разглядывать'; *feteu el preu* ≠ исп *resuelve como quieras* решай как хочешь и др [Ballarín 1978 189–191]

Ряд соответствий подобных баскских идиом с испанскими других романских параллелей не имеет Ср *ederra egin dau* = исп *buena la ha hecho* "ну он задal", *etzungorr egin* = исп *hacerse el sueco* "делать вид, что не замечаешь", *soleta gor egin* = исп *hacerse el sordo* "делать вид что не слышишь", *zati zati egin* = *hacer añicos*,

mit pedazos / despedazar "разбить на куски, уничтожить" В некоторых случаях не исключается прямое романское (испанское) заимствование в баскском По-видимому, к такому следует отнести *erabat egin* = исп *hacer de un tirón* 'делать мигом', *ez egiteko bat egin* – *hacer algún disparate* 'сделать какую-нибудь глупость' и многие другие

Давно ставшие устойчивыми исп *hace falta* и порт *faz falta* "нужно, необходимо" не находят соответствия в каталанском, а также в других не пиренейских романских языках Ср исп *Allí sí que faz falta luz?* – катал *Allí sí que cal clarol* – ит *Qui sí che bisogna luce* 'Здесь действительно нужен свет' То же и в отношении испанских *hacer copia / copiar* и *hacer polvo* – франц *tuer une épreuve* и *réduire en miettes*, соответственно

В кастильском Наварры *hacer la colada* ≠ исп *lavar la ropa* "стирать белье", *hacer hoja* ≠ исп *cortar ramas* 'срезать букеты', *hacer carrera* ≠ исп *dominar a alguien* "совладать с к-л *No puedo hacer carrera con mi hijo* "Не могу совладать со своим сыном" [Гтгайтен 1984 284] В Леоне *fe la señal* ≠ исп *persignarse* "перекреститься", *fé'l samatín* ≠ исп *matar el cerdo, preparar la matanza* "заколоть свинью, подготовить убийство", *fer (se) mala sangre* ≠ исп *preocuparse por alguna cosa* 'заботиться о чем-либо', *fe l América* ≠ исп *enriquecerse* "разбогатеть" [Cano González 1982 271], в говоре Анкарес *facei a mala* ≠ исп *ejecutar, representar* 'выполнять, представлять', *facei ben ghoidas* ≠ исп *hacer cosas malas* 'делать дурные дела' [Fernández Gonzallez 1981 294]

Множество арагонских аналитических идиоматических образований с *facere* имеет двухкомпонентные испанские соответствия, образованные на основе других базовых глаголов Ср *fer boletó* – исп *darse el puo, fer onra* – исп *ser útil* "быть полезным", *fer o paper* – исп *poner mala cara* 'сделать злое лицо' и др В говоре долины Бенаск *fe goleta* – исп *dar dentera* 'набить оскомину', *fe llumisna* – исп *recibir limosna* "просить милостыню" (*Fa molta llumisna* Он собирает много милостыни') [Ballarín 1978 189–190] То же – и в каталанском *fer festa* "быть на каникулах, в отпуске", *La Laura fa festa d'escola* "У Лауры каникулы – исп *tenir festa, fer ous* 'нести яйца (о животных)' *pei que no puguin fer mes ous* (Cela) "чтобы они больше не откладывали яйца" – исп *poner huevos, fer poi* "пугать" *Era una nit tan negra que feia por* 'ночь была такая темная, что было страшно' – исп *dar miedo, fer una petó (abraçada)* – исп *dar un beso (abrazo)* 'целовать (обнимать)' [Fabra 1986 843] и мн др Во французском *faire un méne* – исп *tener un oficio* "иметь должность", *faire peur* – исп *dar miedo* 'страшить', *faire de motocyclette* – исп *montar en motocicleta* "ехать на мотоцикле", *faire du piano* – исп *tocar el piano* 'играть на пианино', *faire l'appel* – исп *pasar la lista* "делать переключку", *faire une conference* – исп *dar una conferencia* 'читать лекцию', *faire son devoir* – исп *cumplir con su deber* "выполнить (свой) долг" и мн др Некоторые аналогичные примеры из итальянского были приведены выше

Не находят прямых параллелей и многие перифрастические образования с глаголом действия в баскском языке Ср *hero-beio egin* ≠ исп *dar una somanta* 'задать взбучку', *biuua bat egin* ≠ исп *ponerse a la altura de otro / igualarse* 'сравняться', *biuutik egin* "сойти с ума" ≠ исп *volverse* (и только *volverse*, а не *hacerse, ponerse* или *llegar a ser*) *loco, jateko gogoa egin* – исп *abrir el apetito* 'возбудить аппетит', *neieak egin (du)* "я пропал" – исп *se acabó lo mio, barrez ito egin* – исп *desternillarse (romperse) de risa* 'лопнуть от смеха' и мн др

Так же, как это имеет место в перифразах с *hacer*, в функции последнего в испанском часто используются *dar* и *pegar* Ср *dar/pegar patinazo* 'сделать неточность' *¿Qué patinazo has dado? Pego un patinazo de tres pates de naices* [Martin 1979 212]

Исключительно важной в вопросе о функционировании синтетических моделей с глаголом действия является универсальность последнего, позволяющая отнести его к

одному из *основных VO* в романских языках. В латыни, как известно, *facere* не мог выступать заместителем базовых глаголов *esse* и *habere*, а также модальных (*posse*, *velle* и др.) [Гончарова, Кистанова, Левит 1974: 20]. Эту способность он приобрел уже в романских языках. Здесь он способен быть субститутотом не только четырех выше-названных глаголов, но и других конкретных вербальных единиц. Лучше всего исследован вопрос о взаимозаменяемости глагола действия с экзистенциальными и посессивными глаголами. "Во французском языке во многих словосочетаниях *faire* вытеснил или вытесняет глаголы *être* и *avoir*: выполняя роль глагола-связки, он может быть в ряде случаев заменен глаголом *être* без нарушения смысла фразы" [Гончарова, Кистанова, Левит 1974: 20].

Глагол действия, вообще противопоставленный экзистенциально-посессивной паре глаголов ("быть/быть у кого-то", т.е. "иметь"), в сущности, совпадает с последними, поскольку также предполагает аналогичное внутреннее противопоставление "абстрактность/конкретность" (в свою очередь, маркированное направленностью соответственно на субъект и объект). Так, корреляция испанских базовых глаголов [в испанском – максимально полная картина – четыре глагола, благодаря двум дихотомиям – современной (*ser/estar*) и диахронической (*haber/tener*): *ser* (абстр. – суб.) / *estar* (конкр. – объект.)], находится в соответствии с парами глаголов действия в немецком (*tun – machen*), английском (*do – make*), в которых первая единица является более абстрактной, а вторая более конкретной.

Что касается латыни, то здесь можно говорить об оппозиции *facere* (*agere, gere-re*) – *fiō*, которая представляет наиболее явную манифестацию субъектно-объектного противопоставления. *Facio*, как и его индоевропейский корень **dhe* – "ставлю, кладу, помещаю" – ярко активный глагол, что сказалось, по-видимому, в отсутствии у него фактических форм страдательного залога [Гончарова 1972: 75]. В отличие от своего синтаксического коррелята *fiō, facio* всегда осуществляет активное (агентивное), объектно-направленное действие (т.е. "делаю что-то"). В свою очередь, как отмечается, *fiō* "делаюсь, становлюсь", восходящий к и.-е. **bheu* – "расти" (от которого также супплетивные формы – *esse – fui, fore*), на каком-то этапе своего развития получил пассивное значение и образовал пару по противопоставлению в залоге с *facere* ("*facio agentis est et fiō patientis*" – *Donat*) [Гончарова 1972: 76]. Сам по себе этот глагол способен осуществлять активное действие, протекающее исключительно в сфере субъекта, т.е. субъектно-направленное ("делаюсь"). Постулируемое для раннего периода положение (прежде всего – невозможность замены *facere* на синкретичную пару *essere/habere*), несомненно, дает возможность говорить о первоначальной оппозиции "глагол действия / глагол экзистенции", восходящей к древнейшему языковому состоянию, основная причина которого – противопоставление активного класса – инактивному (Г.А. Климов). Дальнейшее сближение в результате исчезновения первоначального структурно-семантического размежевания *facio* (всегда активного субъектно-объектного: "я делаю что-то") и *fiō* (активного только как субъектный: "я делаюсь") [Гончарова 1972: 76], видимо, и лежит в основе феномена VO, обусловившего широкую корреляцию базовых глаголов с конкретными вербальными единицами различной субъектно-объектной направленности.

Приведем примеры использования *facere* как VO в языках и диалектах Западной Романии: *facere = essere*: ср. франц. *Deux et deux font quatre*; ит. *Due e due fanno quattro* – исп. *dos y dos son cuatro* "два и два (будет) четыре"; ит. *Fare famiglia* – исп. *Ser familia* "быть семьей", отмечаемое также в кастильском Наварры: *Nos hacemos familia* [Irribarren 1984: 283]; кат. *Aquesta noia farà una bona dona de casa* [Fabra 1986: 842]– исп. *Esta chica será una buena mujer de su casa* "эта девочка будет хорошей хозяйкой". Примечательно, что испанскому предложению типа *¿Qué hora es en tu reloj?* в итальянском может соответствовать *Che ora fa i al tuo orologio?* "Сколько времени на твоих часах?". При этом заслуживает внимания форма второго лица

вместо обычного в этом случае третьего (букв. 'Который час ты делаешь на твоих часах?') [Spitzer 1922: 167].

facere = tenere: кат. *És molt gros: fa cent quilograms* [Fabra 1986: 843] – исп. *Es muy grande: tiene ciento kilos* "Он очень большой: весит сто кг."; *Aquest recipient fa tres metres cúbics* [Fabra 1986: 843] – исп. *Este recipiente tiene tres metros cúbicos* "этот резервуар вмещает три кубических метра"; ит. *Torino fa 350000 abitanti* – исп. *Torino tiene 350000 habitantes* "в Турине 350000 жителей". Ср. также у Кеведо: *Hizo sin más ni más siete maridos* "У нее было (букв. 'она сделала') не меньше семи мужей" = *Tuvo sin más ni más siete maridos*.

facere = dare: кат. *Aquesta terra fa molt blat* [Fabra 1986: 842] – исп. *Esta tierra da mucho grano* "Эта земля дает много зерна"; *Prefereix bistec de vedella? – Si facime'n quatre* [Lattore i Gaia 1978: 62] – исп. *¿Prefiere bistec de ternera? – Sí, dámelo (= póngame) cuatro* "Вы предпочитаете бифштекс из телятины? – Да, дайте мне четыре (бифштекса)"; *Tenen un llimoner no gaire ifanós, però que, malgrat tot, fa llimones* [Lattore i Gaia 1978: 98] – исп. *Tienen un limonero no muy lozano pero que, a pesar de todo da limones* "У них есть лимонное дерево, не очень пышное, но, тем не менее, дающее лимоны"; ит. *Far un baccio* – исп. *dar un beso* [Spitzer 1922: 167]. В арагонском говоре долины Бенаск: *Fágeme una lliura de fideús* – исп. *Deme (Póngame) una libra de fideos* "Дайте мне фунт вермишели"; *Féme el lli* – исп. *Dame (Ponme) el leche* "Дай мне молока" [Ballarín 1978: 189].

Ср. также *facere* в функции "работать": ит. *Fare il medico (= lavorare di medico)* "работать врачом". То же – во французском, испанском и каталанском. В двух последних именной компонент вводится предлогом *de*: исп. *hacías el barmen de primera* "Из тебя бы вышел классный бармен"; кат. *fer de porter* [Fabra 1986: 843] "работать носильщиком". В арагонском долины Бенаск: *fe d'aguacil* "Быть альгвасилом" [Ballarín 1978: 189].

Роль предлогов в моделях с *facere* как VO в иберороманском ареале очень значительна. Ср.: *facere + por + N* в значении "попынуться сделать что-либо": исп. *Haré por ver a tus padres (= Esforzaré por ver...)* "Попытаюсь увидеть твоих родителей"; кат. *Jo he fet per arribar a les set* [Fabra 1986: 843] "Я попытался приехать в семь часов". Ср. также *fer + per/a + N = convenir, esser adequat a* "подходить" и *fer + amb + N = concordar, adir-se* "совпадать, соответствовать", продолжающие линию *facere = essere*: *Tu no fas per a ella* [Fabra 1986: 843] – исп. *Tú no le convienes* "Ты ей не подходишь"; *Això no fa al cas* [Fabra 1986: 843] – исп. *Esto no tiene que ver con el caso en cuestión* "Это не вяжется с тем".

Ср. также *facere = scribere*: ит. *Aveva fatto l'indirizzo sulla busta* "Он написал адрес на конверте". Также в итальянском *fare* используется как *prendere* "брать": *Facciamo un libro* "Мы берем книгу", как *costare* "стоять": *Il vino ha fatto dieci lire* "Вино стоило десять лир" [Spitzer 1922: 167] (то же – в кастильском Наварры: *Hacia mucho dinero aquella yegua* "Та кобыла стоила много денег" [Iribarren 1984: 283]), как *avere malattia* "переболеть": *Fece una lunga malattia* [Spitzer 1922: 167] "Он долго болел". Ср. также ит. *fare* как "верить" и "означать" [НИРС 1995: 332]. Ср. также *fare* в значении VO с возвратной частицей *si*: "покупать": *Mi sono fatto un bell' orologio* "Я купил себе хорошие часы"; "завести себе что-либо": *Si è fatto una nuova fidanzata* "Он завел себе новую подружку"; "выпить": *Mi sono fatto una bottiglia di vino* «Я "уговорил" целую бутылку вина»; ср. также *fare* "колоться (о наркоманах)".

В арагонском долины Бенаск отмечены следующие формы глагола действия как VO: *fesen* = исп. *estar con cuidado* "беспокоиться"; *Fésey* = исп. *acostumbrarse, adaptarse* "привыкать" [Ballarín 1978: 189–190]. Ср. также в бабле из Анкареса (Леон): *fizose a*

xente "он привык к людям (о животных)" Здесь же – *fazerse con cuartos* "накопить (деньги)" [Fernández González 1981: 234].

Многочисленные функции глагола действия можно отметить и в различных диалектах баскского языка. Ср. биск. *egin* = *suponer* "предполагать" биск. гипуск, лаб *apostai* "держат пари" [Agud, Tovar 1989–1995: 225] Заслуживает внимания и давнее предположение Р. Лафона о том, что древней формой глагола действия была *etsi*, в современном языке известная в нижн.-нав. в значении "agradar" ("радовать"), а в биск. – "acertar" ("принимать") [Agud, Tovar 1989–1995: 619]. Если Р. Лафон прав, то *etsi* в предложении *Otsoa baisesa, osemæ donhetsa* употреблен как VO в значении "juzgar" – "ценить" (а не просто имеет настоящее значение, как полагают авторы этимологического словаря баскского языка) *Lo que el lobo juzga favorable la loba juzga santo* "что для волка полезно – для волчицы – свято".

Отмечается также, что в западных диалектах *egin* употребляется в качестве вспомогательного глагола, замещающего таким образом глагол обладания *izan* (*edun*) "иметь", а при оформлении системы датива и глагол *eman* "давать" (см. [Wagner 1978: 61]). Ср. *egin* в качестве вспомогательного переходного глагола в *esan da qu i z q u e*, *gatziga da qu i e q u e o n*, *esan de g i o n* и др. [Menéndez Pidal 1962: 155] Х. Вагнер приводит также лабурд. *erian dio*, второй компонент которого содержит корень *-(g)ɪ* – "делать" ("он сказал ему"), букв. 'сказанное это-делать-ему (он)' [Wagner 1978: 61], также имеющий соответствия в романских языках. В разговорном итальянском, особенно в спонтанной речи можно сказать *Pietro fece di no* "Пьетро сказал, что нет", что не является, вопреки мнению Х. Арсе, анахронизмом в романском мире. Так, помимо французских *fis-je, fait-il. oui, fit-il* "да, сказал он", ср также и в иберо-романских языках: кат. *Qué li dec? – fa la clienta* "Сколько я должна вам? – говорит посетительница", леонск. *fai él ≠ исп. dice él* "говорит он", *fizo echa ≠ исп. dijo ella* "сказала она" [Menéndez Pidal 1962: 138]

Еще одной примечательной особенностью глагола действия является замещение им глаголов движения нав. *Oidubietan etxerantz e g i n genuen* "A las dos fuimos hacia casa", букв. 'hicimos hacia casa' "В два часа домой пошли", букв. 'сделали к дому' [Aeyrbe, Pena 1984: 43], хорошо известное во французском и в итальянском *fare (a tempo)* "приходить вовремя" ≠ исп. *llegar a tiempo: Se usiamo allora facciamo a tempo* "Если мы выйдем сейчас, то придем вовремя" Ср также в испанском в словосочетании *hacerse a un lado* "отойти в сторону". *Salía tan violento que por poco atropella al hombre de los z b, el cual se hizo a un lado* (Sánchez Ferlosio) "Он вышел так резко, что чуть не сбил мужчину в белых тапочках, который отошел в сторону..". В итальянском *farsi avanti* "выступить вперед", *farsi indietro* "отступить, отодвинуться", *farsi largo* "продвинуться" Ср также в находящемся в так называемом "атлантическом" ареале языке фула: *wadi ngol e cuudi* "пустился в дорогу домой", букв. 'сделал ее к дому' [Коваль 1987: 106]

Случай использования *facere* в функции *verba dicendi* и *verba movendi* занимают особое место. Ср. исп. *andar el camino* "идти по дороге". Здесь глагол действия проявляет себя как VO *par excellence*. Во всех остальных случаях, когда он функционирует вместо объектных *dare, tenere, ponere* и их заменителей и субъектного *essere* и его заменителей, как это было показано выше, он обязательно образует аналитическую структуру V + N

Примеры использования *facere* вместо глаголов говорения и движения указывают, как это было отмечено выше, на важное языковое явление – компрессию, а в нашем случае – на компрессию изначально аналитических структур, отражающих другую языковую тенденцию – к расширению

Функция "делать" как "говорить, сказывать" хорошо исследована на материале индоевропейских языков В. И. Абаевым [Абаев 1988]. Давно обращено внимание на

родство значений "*facere*" и "*dicere*" на славянской почве Ср. словен. *dejati* "делать, говорить", чеш *dití* "говорить, сказать". Далее, от той же основы **dhe* – хетт *te* "сказать" (И Фридрих) Осет. *kænyn* "делать" применяется к разным видам речевой активности и даже к пению: *gædy zyrdtæ c ætæn kænys?* "почему ты говоришь лживые слова?", *garæg kænyn* 'исполнять ритуальный плач по покойнику', *dæ zaræg kænyn ra-kæ* 'спой свою песню'. Ср франц. *Nous voilà tous réunis, fit-il* "Вот мы и все в сборе, – сказал (сделал) он" Ср также многочисленные романские образования типа "делать ход" франц. *faire une marche* "делать дорогу / идти" (ср астура *Las gaviotas ya los últimus rayos del sol, facían-y camín a la vera la mar* "Чайки в последних лучах солнца летели (букв 'делали-там' дорогу) по направлению к морю" [Alvares 1984: 33]) Восстановление именного компонента, в отличие от, например, кельтских эллиптических моделей отглагольного имени с опущенным *facere*, рассмотренных выше, в настоящее время невозможно, но в современном разговорном испанском хорошо известны эллиптические *strictu sensu* модели с *hacer* как VO Ср *hacer = estar de acuerdo* "соглашаться" ¿*hace?* = ¿*de acuerdo?* – "идет?" (при полном ¿*hace bien?*); то же – и в каталанском: *fa?* = ¿*si?* – "да?" [Fabra 843] и в итальянском: *non fa per me* [НИРС 1995: 332]

Вышеизложенное наглядно свидетельствует о том, что в функционировании разнообразных моделей с глаголом действия, составляющих важнейший аспект глагольного анатимизма западноевропейских языков, о котором писал В Полак [Polac 1949. 72] и другие исследователи, особенно заметна роль западнороманских. Наибольшая концентрация всех типов моделей с глаголом действия отмечается в иберороманских языках и диалектах Это свидетельствует о том, что роль баскского в процессе формирования последних была не только несомненна, но и весьма значительна

Продуктивность функционирования моделей с глаголом действия за пределами иберороманского ареала – во французском и итальянском (ранее – отчасти и в италийских языках) – позволяет говорить только об опосредованном баскском влиянии, т е о влиянии доиндоевропейских языков Западной Европы, несомненно, генетически связанных с баскским [Зеликов 1991: 70]. Одним из реликтов этого субстрата, собственно, и являются баскско-кельтские параллели Аналитизм, существенный фрагмент которого – парадигма моделей с глаголом действия – был исследован в настоящей работе, составляет, как известно, основную структурно-типологическую черту языков атлантического ареала, к которым относится фула, баскский с западнороманскими и кельтские (Э Леви, Х Вагнер, А Товар). Модели с *verba agendi* являются типологической лингвистической универсалией Они не только полностью синонимичны моделям с простым глаголом, представляя, в сущности формы перифрастического спряжения (подобно моделям V + V), но и играют заметную роль в процессе модификации (расширения) структуры простого предложения в виде разнообразных плеонастических и эмфатических образований. Кроме того, в языках Западной Романии, равно как и в других языках атлантического ареала, весьма существенна уже сама высокая частотность и функциональность моделей с производными *facere*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В И 1998 – К семантике глаголов с основным значением "делать" // ВЯ 1988 № 3
 Вортынцева Е Н 1973 – Развитие аналитической словообразовательной модели V + N в старофранцузском языке Автореф канд филол наук Минск, 1973
 Гончарова Н А 1972 – Характер взаимоотношений *fassio* и *fiio* в латинском языке (к вопросу о соотношении латинского *facere* с французским *faire*) // Вопросы филологии № 2 Минск 1972
 Гончарова Н А, Кистанова Л Ф, Левит З Н 1974 – Сравнительно-сопоставительное изучение функционально-семантических характеристик глагола *facere* в латинском и современном французском языках // Вопросы романо-германского и славянского языкознания Минск, 1974

- Зеликов М В* 1983 – К вопросу о семантической основе конструкций с глаголом действия в баскском и иберо-романских языках // *Аспекты семантического изучения германских и романских языков* Воронеж, 1983
- Зеликов М В* 1983 – О парадигме изъявительного наклонения в баскском языке и иберо-романском аналитизме // *Парадигматические отношения в языке* Свердловск, 1983
- Зеликов М В* 1985 – Баскское и иберо-романское предложение (параллели субъектно-объектного отношения) // *ИАН СЛЯ* 1985 № 4
- Зеликов М В* 1990 – Эргативные параллели в баскском и иберо-романском предложении // *ВЯ* 1990 № 4
- Зеликов М В* 1991 – Уровневая структура баскских параллелей в языках Западной Романии // *Тезисы докладов VI Всесоюзной конференции по романскому языкознанию* Москва, Воронеж, Т 1, 1991
- Зеликов М В* 1996 – Экономия как фактор субъектно-объектных отношений // *Герценовские чтения. Иностранные языки. Материалы конференции* СПб 1996
- Зернова Е С* 1983 – Неличная каузативная конструкция в испанском языке // *Вестник ЛГУ* 1983 № 8
- ИРФС* 1985 – *Испанско-русский фразеологический словарь* / Под ред. Я. И. Рецкера М., 1985
- Коваль А И* 1987 – О субстантивации и прономинализации в свете данных языка с многоклассной системой // *ВЯ* 1987 № 2
- Корди Е Е, Кружнова В Н* 1970 – К вопросу о значении сочетаний глаголов *faire (fare, hacer)* и *laisser (lasciare, dejar)* с инфинитивом // *Проблемы диахронии и синхронии романских языков* Минск Ч 1 1970
- Курчаткина Н И, Супрун А Б* 1981 – *Фразеология испанского языка* М., 1981
- Левит З Н* 1982 – К проблеме аналитического слова в современном французском языке Минск, 1982
- Льюис К Педерсен Х* 1954 – *Краткая сравнительная грамматика кельтских языков* М 1954
- Нарумов Б П* 1987 – *Современный галисийский язык* М., 1987
- НИРС* 1995 – *Новый итальянско-русский словарь* / Под ред. Г. Ф. Зорько и др. М., 1995
- Павленко А Е* 1993 – *Аналитические конструкции в западных диалектах английского языка (дорсетский хабитуалис и шотландский перфект)* / Автореф. канд. филол. наук СПб 1993
- ССГРЯ* 1972 – *Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Проблемы структурной общности* / Под ред. М. С. Гурычевой М., 1972
- Степанова А Н* 1974 – К проблеме преморфологических единиц в современном французском языке // *Вопросы романо-германского и славянского языкознания* Минск, 1974
- Фалилев А И* 1991 – Сочетания типа глагол *делать* + именной компонент в кельтских и иранских языках // *ИАН СЛЯ* 1991 № 1
- Ямшанова В А* 1992 – Инструментальность как семантическая категория // *ВЯ* 1992 № 4
- Abadal R de* 1955 – *Els comtats de Pallars* Barcelona, 1955
- Agud M Tovar A* 1989–1995 – *Diccionario etimológico vasco* T I–VII San Sebastián, 1989–1995
- Altuna P* 1985 – *Bonapartek eta Aita Aranak elkarrin egin kartak* // *FLV* 1985 № 46
- Alvarez X S* 1984 – *Las cuatro estaciones* // *Lettres asturienes* 1984 № 11
- Aice J* 1984 – *Italiano y español confrontación lingüística* // *Italiano y español Estudios lingüísticos* 1984 № 74
- Ayeibe L Pena X* 1984 – *Euskal – irakasbide laburra Nafar izkuntzan* Villabona, 1984
- Azevedo M C de* 1975–1978 – *Os Falares do Algarve* // *RPF* 1975–1978 V 13
- Azkue R M* 1969 – *Morfología vasca* Bilbao, 1969
- Ballarín C A* 1978 – *Diccionario de Benasqués* Zaragoza, 1978
- Bartos L* 1980–1981 – *Acerca de las formaciones N–V en el español actual* // *BFUCH* T 31 № 1 1980–1981
- Bartos L* 1988 – *Reordenación de los constituyentes de la frase nominal en el español* // *Études romanes de Brno* V 19 1988
- Bastardos i Parera J* 1979 – *Nota sobre l'omissió del pronom reflexiu en la construcció factitiva fer + infinitiu* / Homenaje a F. Moll T 1 Barcelona, 1979

- Beinhauer W* 1973 – El español coloquial Madrid, 1973
- Bordelois I* 1988 – Causatives from lexicon to syntax // *Natural language and linguistic theory* V 6 № 1 1988
- Borrego Nieto J* 1983 – Norma y dialecto en el Sayagués actual Salamanca, 1983
- Bravo F* 1992 – La négation antéphonique en espagnol La formule de renforcement 'ni insulas ni ínsulos' étude synchronique et diachronique // *Bulletin Hispanique* T 94 № 2 1992
- Brewer W B* 1987 – New and old information in Spanish sentences containing HACE + (TIME) // *Hispania* V 70 1987
- Brøndal V* 1947 – Les parties de discours Copenhague, 1947
- Burzio L* 1978 – Italian causative constructions // *Journal of Italian Linguistics* T 3 № 2 1978
- Cano Aguilar R* 1977 – Las construcciones causativas en español // *BRAE*, T 57 1977
- Cano González A M* 1982 – Vocabulario de Bable de Somiedo Oviedo, 1982
- Canjar del Cid* 1977 – Según el texto antiguo preparado por R Menéndez Pidal Madrid, 1977
- Cerbasí D* 1977 – Las construcciones causativas del tipo *hacer + inf* en español, portugués e italiano // *LEA* 1997 № 2
- Cooper L* 1960 – El liber Regum // *Archivo de Filología Aragonesa* Anejo 5, 1960
- Corominas J* 1960 – La toponymie pré-romane et la survivance du basque jusqu'au bas du Moyen Age Phénomènes de bilinguisme dans les Pyrénées Centrales // *VI Intern Kongress fur Namenforschung Munchen*. Bd 1 1960
- Corominas J* 1972 – De toponimia vasca y vasco-románica en los Bajos Pirineos // *FLV* T 4 № 12 1972
- Corominas J* 1976 – Elementos prelatinos en las lenguas romances hispánicas // *Actes du I Congrès international de linguistique romane* T 1 1976
- Dowling H* 1981 – An investigation of the Spanish causatives *hacer ver*, *hacer creer*, *hacer pensar* and *hacer saber* // *Hispania* 1981 T 64
- Echebarria T* 1965–1966 – Léxico del euskera dialectal de Eibar Bilbao, 1965–1966
- Ernout A Meillet A* 1967 – Dictionnaire étymologique de la langue latine *Histoire des mots* Paris, 1967.
- Fabra P* 1986 – Diccionari general de la llengua catalana Barcelona, 1986
- Fawkes R A* 1991 – Verbal noun as equivalent of finite verb in Welsh // *Word* 1991 V 42 № 1
- Fernandez González I R* 1981 – El habla de Ancares (León) Oviedo, 1981
- Finnemann M D* 1982 – Aspects of Spanish causative constructions Univ of Minnesota, 1982
- Fleuriot L* 1991 – Celto-romania in the light of the newly discovered Celtic inscriptions // *ZCP*, 1991 V 44
- Gimeno Monterde Ch* 1991 – Primers trangos Breu introduzion a l'aragones Zaragoza, 1991
- González-Olle F* 1990 – El romance navarro // *RFE* 1990 T 53 № 1
- Gulsoy J* 1991 – Catalan Trends in Romance linguistics and philology // *Trends in linguistics* The Hague, Paris, New York, 1991
- Hofmann I B* 1926 – Lateinische Umgangssprache Heidelberg, 1926
- Holmer N M Holmer V A* 1969 – Apuntes vizcainos (segunda parte) // *ASJU* T 3 1969
- Hualde D I, Elordieta G, Elordieta A* 1994 – The Basque dialect of Lekeitio San-Sebastián, 1994
- Irigaray A* 1949 – Etnología e historia del alto Aragón // *Actas de la I Reunión de la Toponimia Pirenaica* Jaca, Zaragoza, 1949
- Iribarren J M* 1984 – Vocabulario navarro Pamplona, 1984
- Klinghief K* 1989 – *Noun + Verb* compounding in western Romance Univ of California, 1989
- Laitore i Gaa R* 1978 – Primer curso de catalán Barcelona, 1978
- Lekuona M* 1982 – Euskerismos en el castellano antiguo (en el Fuero de Sepúlveda) // *Eusko-Ikaskuntza*, 1982 № 1
- Lewy E* 1965 – *Kleine Schriften* Berlin, 1965
- Lofstedt B* 1966 – Die Konstruktion *c'est lui qui l'a fait* im Lateinischen // *IF* 1966 Bd 71 № 3
- Lombard A* 1930 – Les constructions nominales dans le français moderne Étude syntaxique et stylistique Uppsala, 1930
- Mac Mathuna L* 1978 – Expression of *rain* and *it is raining* in Irish // *Eriu*, 1978 V 29
- Martin J* 1979 – Diccionario de expresiones malsonantes del español Madrid, 1979
- Martin Rodríguez A M* 1991 – La posición estructural de 'entregar' en el campo semántico de "dar" // *Español Actual*, 1991 № 55

- Menendez Pidal R* 1962 – El dialecto leonés Oviedo, 1962
- Michelena L* 1977 – Notas sobre compuestos verbales vascos // RDiTP 1977 T 33
- Monrelle de Lema M* 1981 – Los verbos causativos en español // Thesaurus 1981 V 36
- Mott B* 1984 – El verbo *fer* en el habla de Gistain // Anuario de filología 1984
- Mott B* 1996–1997 – Nuevas precisiones sobre el verbo *fer* en el habla de Gistain // Archivo de Filología Aragonesa 1996–1997 T 52–53
- Múñiz Nieves M* 1984 – Sobre el valor temporal de la preposición española *desde* y de la italiana *da* apuntes para una didáctica del italiano en España // Italiano y Español Estudios lingüísticos Sevilla, 1984
- Nagore Lain F* 1987 – Contrebuzión a lo estudio de as perifrasis berbals con *fer* en aragonés Actas VI Jornadas sobre cultura popular altoaragonesa Huesca, 1987
- Norberg D* 1943–1945 – *Faire faire* quelque chose a quelqu'un Recherches sur l'origine latine de la construction romane // Spr SUF, 1943–1945
- Ondarra F* 1986 – Dos pláticas méditas del P. Sebastián de Mendiburu // FLV 1986 № 47
- Perez Lagos M F* 1986 – Composición de verbo más nombre en el DRAE // LEA 1986 T 8 № 1
- Polac V* 1949 – La périphrase verbale des langues de l'Europe occidentale // Lingua 1949 T 2
- Porto Dapena J A* 1983 – Sobre la expresión *hace tiempo (que)* // SPFLC 1983 V 1
- Pieussler W* 1938 – Keltische Einfluss im Englischen // IF 1938 Bd 58
- Rasmussen P* 1981 – El verbo *hacer* en expresiones temporales Estudio sintáctico y semántico // Revue Romane, 1981 № 22
- Roegiest E* 1989 – Variation actantielle de l'objet et construction factitive en espagnol un problème de typologie romane // Variatio linguarum Beitrage zur Sprachvergleich und Sprachentwicklung Festschrift zum 60 Geburtstag von G. Ineichen Stuttgart, 1989
- Romanos F* 1995 – O verbo *fer* en Chistau 254 esprisions y modismos // Fuellas № 109, 1995
- Rondaies Mallorquines* 1997 – D'En Jordi des Racó Mallorca, 1997 T 1
- Ruwet N* 1969 – Weather-verbs and the unaccusative hypothesis // Studies in Romance linguistics 1969 V 60
- Sabat de Riveis A* 1982 – Notas a la Inundación castalida de Sor Juana Inés de la Cruz Madrid, 1982
- Spitzer L* 1922 – Italianische Umgangssprache Berlin, 1922
- Thielmann Ph* 1986 – *Facere* mit dem Infinitiv // Archiv fur lateinische Lexicographie und Grammatik Leipzig, 1986 Hf 1 № 3–4
- Tobón de Castro L* 1986 – El uso de la oración pasiva en español // Thesaurus, 1986 T 61 № 1–3
- Urdiales J M* 1966 – El habla de Villa Cidayo // Anejos del Boletín de la RAE 1966 № 13
- Villasante F* 1980 – Sintaxis de la oración simple Oñate, 1980
- Wagner H* 1959 – Das Verbum in den Sprachen der Britischen Inseln Tubingen, 1959
- Wagner H* 1978 – On the system of 'dative' markers in the Basque verb // Proceedings of the Royal Irish Academy Dublin, 1978 Appendix 2
- Willis P* 1988 – Is the Welsh verbal noun a verb or a noun? // Word 1988 V 35
- Zamora Muñoz A P* 1995 – El verbo *fare* equivalenze semantiche e sintactiche in Spagnolo // Quaderni del Dipartimento di lingua e literature Neolatine (Bergamo) 1995
- Zelikov M* 1993 – RIEV, 1993 T 8 № 2 – Rec. M. M. Agud, A. Tovar Diccionario etimológico vasco T I–VII San Sebastian, 1989–1995

© 2001 г А.П. ВОЛОДИН

МЫСЛИ О ПАЛЕОАЗИАТСКОЙ ПРОБЛЕМЕ

В развитие идей Андрея Петровича Дульзона

0.1. Название настоящей статьи содержит сознательную коннотацию с названием известной работы Н С Трубецкого, написанной в 1937 году (последняя ее публикация на русском языке – [Трубецкой 1987]) Трубецкой ставил перед собой задачу отделить индоевропейские языки от неиндоевропейских; я попытаюсь отделить палеоазиатские языки от непалеоазиатских на основаниях более содержательных, чем это принято в существующей традиции. Разница наших задач состоит в том, что Трубецкой имел дело с родственными языками, генетическая общность которых не подлежит сомнению, палеоазиатские же языки – неродственные, они составляют несколько генетически связанных групп. А П Дульзон ставил вопрос о "центрально-азиатской языковой общности" [Дульзон 1966а], но даже не намекал на генетический характер этой общности.

0.2. Обсуждая проблему "индоевропейского строя языка", Трубецкой замечает, что "материальные совпадения должны быть налицо – но число этих совпадений довольно безразлично" [Трубецкой 1987: 50], главное – набор некоторых структурных признаков, которые свойственны индоевропейским языкам. Таких признаков Трубецкой выделяет шесть и говорит, что каждый из этих признаков может встречаться и в неиндоевропейских языках, но все шесть в совокупности составляют характеристику языка индоевропейской семьи.

Эта совокупность представляет собой набор, а не систему. Концепция Трубецкого стала объектом критики со стороны Э Бенвениста, который усомнился в идее шести признаков (работа Бенвениста опубликована в 1952 году, я ссылаюсь на нее по тексту русского перевода [Бенвенист 1963]). Он поставил два вопроса: только ли в индоевропейских языках представлены упомянутые шесть признаков, и если нет – "достаточно ли только данных признаков для утверждения понятия индоевропейского языка" [Там же: 46]. На первый вопрос Бенвенист ответил очень эффектно – он предъявил заведомо неиндоевропейский язык" (американо-индейский язык такелма) и продемонстрировал наличие в нем всех шести признаков Трубецкого, заметив, что не исключена возможность обнаружения подобной картины "в языках других семей". Отсюда уже ясен был ответ и на второй вопрос: шести признаков достаточно для того чтобы "отграничить индоевропейские языки от соседних групп – семитской, кавказской, финно-угорской", но для сопоставления "со всеми другими типами языков" необходимы "более многочисленные и более специфические характеристики" [Там же: 47–48]. Впоследствии Г А Климов, комментируя эти работы Трубецкого и Бенвениста, полностью признал правоту последнего [Климов 1990: 21].

0.3. Предложенные Трубецким шесть признаков, безусловно, нуждаются в дополнении. Поскольку, как справедливо замечает Бенвенист, Трубецкой стремился свести их количество к минимуму, то, на мой взгляд, было бы достаточно добавить всего лишь один признак, а именно позиционный. Один из признаков Трубецкого формулируется так: "Слово не обязано начинаться с корня" [Трубецкой 1987: 51]. Это пози-

ционная характеристика, но она недостаточна – образно говоря, автор остановился у самого входа. Добавление седьмого признака: "Грамматическая информация (словоизменение) выражается специальной морфемой, занимающей правую терминальную позицию в словоформе" – смею думать, сделало бы концепцию Трубецкого неуязвимой. Во всяком случае, с языком такелма Бенвенисту не удалось бы его "поймать". В такелма грамматическая информация выражается не только правее корня (в том числе и в правой терминальной позиции, как в индоевропейских языках), но и левее, например, показатели личной принадлежности 1 лица ед. ч. ср.:

<i>wi-ha`m</i>	"мой-отец"	<i>wi-hi`n</i>	"моя-мать"
<i>hami-εt`</i>	"отец-твой"	<i>hi`n-εt`</i>	"мать-твоя"
<i>ma-xa</i>	"отец-его/ее"	<i>ni`-xa</i>	"мать-его/ее"

Примеры взяты из описания, сделанного Э. Сепиром, из того же источника, которым пользовался и Бенвенист [Sapir 1922: 232, § 91]. Сохранена авторская транскрипция.

Можно было бы привести и другие факты, отличающие такелма от индоевропейских языков – например, в такелма различаются моно- и полиперсональные глаголы, и т.д., но это значило бы увеличение количества признаков и их детализацию. Между тем позиционная характеристика имеет принципиальное значение. Приступая к обсуждению палеоазиатской проблемы, я намерен исходить именно из позиционного параметра.

0.4. О нерешенности этой проблемы свидетельствует и тот факт, что состав палеоазиатских языков нестабилен. В известном справочном издании советского времени [Скорик 1968] мы видим следующий список:

чукотско-камчатская группа (чукотский, корякский, алюторский, керекский, ительменский),

эскимосско-алеутская группа (эскимосский, алеутский),

юкагиро-чуванская группа (юкагирский),

кетско-ассанская группа (кетский),

изолированный нивхский язык,

итого – 10 (живых на тот момент) языков, каждому из которых посвящена отдельная статья. В издании аналогичного типа, вышедшем совсем недавно [Володин 1997], к числу вышеперечисленных языков добавлены два:

айнский (Л.И. Шренк причислял его к палеоазиатским; впоследствии его мнение было оспорено, но без достаточных оснований),

бурушаски (вершикский) – на связи этого языка с кетским впервые указал Дульзон [Дульзон 1968: 582–583]. Эти связи представляются еще более существенными, чем показано в упомянутой работе, ср. ниже, 4.1.1, 4.1.2.

Состав эскалеутской группы в издании 1997 года [ЯМ 1997] существенно расширен. По языкам азиатских эскимосов представлено три статьи: 1) азиатских эскимосов язык (чаплинский и науканский диалекты), 2) эскимосов Берингова пролива язык (имакликский диалект), 3) сиреникских эскимосов язык; два последних в настоящее время мертвые. Кроме того, из соображений целостности объекта, здесь же помещены статьи по эскимосским языкам Аляски, Канады и Гренландии. Алеутская группа представлена в издании 1997 года двумя языками – добавлен Медновских алеутов язык, который автором определяется как "смешанный" (mixed language) [Головко 1997: 117].

Енисейские языки (весь этот раздел исполнен Г.К. Вернером) представлены тремя статьями: 1) кетский язык, 2) югский язык (предшественники трактовали его как диалект кетского), 3) коттский язык. Последние два – мертвые, причем коттский – с середины XIX века.

Таким образом, против издания 1968 года (10 языков) состав палеоазиатской

группы, включая мертвые языки, расширился до 16, то есть более чем в полтора раза¹ (из этого списка я исключаю эскимосские языки Америки и "медновский алеутский"). Разница между живыми и мертвыми языками очень зыбкая. Так, керекский, алеутский (беринговский) и айнский языки находятся на грани исчезновения. Последние носители айнского языка проживают в Японии. В критическом положении находится ительменский язык, то же приходится говорить и в отношении нивхского языка.

Проблема состоит в том, что предьявленный состав палеоазиатской группы (16 языков) неадекватен: в этом списке есть языки, которые не могут быть квалифицированы как палеоазиатские. С другой стороны, те языки, которые я причисляю к палеоазиатским, характеризуются некоторыми общими чертами, позволяющими объединить их в одну группу. Доказательству этого и посвящено все дальнейшее изложение.

1.0. Все 16 палеоазиатских языков – агглютинирующие, но сказать так значит сказать очень мало. Ибо и все прочие языки Северной Евразии (исключая индоевропейские) – тоже агглютинирующие. Полагаю, что понятие агглютинации как одного из способов морфологического конструирования не нуждается в дальнейшей экспликации. Замечу только, что словоформа агглютинативного типа представляет собой линейно упорядоченную цепочечную структуру.

Боюсь, что у большинства лингвистов, которые не имеют дела с агглютинирующими языками, бытует "школьное" представление об агглютинативной словоформе как о "поезде", у которого просветы между "паровозом" и следующими за ним "вагонами" отчетливо видны (образ А.А. Реформатского). Отсюда следует еще, что слово в агглютинирующих языках всегда начинается с корня ("паровоз"). Этот предрассудок закрепляется с помощью конкретных примеров – обычно из тюркских языков, иногда – из уральских. Между тем агглютинирующие языки по позиционному параметру делятся на две группы, и мне хотелось бы всячески подчеркнуть принципиальный характер этого противопоставления.

Эти группы следующие:

(1) языки с фиксированной позицией корня (левая терминальная позиция в цепочке словоформы – такой способ может быть охарактеризован как "агглютинация алтайского типа", или "односторонняя"),

(2) языки с нефиксированной позицией корня ("агглютинация американского типа", или "двусторонняя").

Определение "американский тип" связано с тем, что именно на территории Америки агглютинирующие (индейские) языки относятся в подавляющем большинстве к группе (2). На территории Евразии, напротив, широко распространены языки, относящиеся к группе (1): от уральских и тюркских языков на западе до эскимосского и японского на востоке они составляют почти сплошной "океан". Языки группы (2) (двусторонняя агглютинация) представлены в этом океане пятью "островками":

1. пиренейский ареал (баскский язык)
2. кавказский ареал
3. енисейский ареал
4. каракорумский ареал (бурушаски)
5. чукотско-камчатско-курильский ареал.

1.1.1. Предельно обобщенная линейная модель словоформы в языках, характеризующихся агглютинацией алтайского типа, выглядит так:

(1) R + (m)

Позиция R (корневая морфема) в словоформе фиксирована – это в любом случае левая терминальная позиция. Аффиксальные морфемы всегда следуют за R и никогда не предшествуют ему. В формуле (1) они свернуты до (m), без различия реляцион-

¹ Точнее, до 15, поскольку в [ЯМ 1997] не представлен алюторский язык (здесь он трактован как диалект корякского). Это моя ошибка, о которой я очень сожалею.

ных/derivационных (обязательных/необязательных) элементов. Раскрытие скобок приводит к построению различных моделей конкретных словоформ, а в конечном итоге – к построению максимальной модели словоформы, для чего используются приемы позиционной грамматики или грамматики порядков. Конкретные примеры таких моделей реализованы на материале тюркских языков [Глисон 1959; Ревзин, Юлдашева 1969; Пинес 1973], самодийских языков – энецкий [Сорокина 1975], японского [Алпатов 1983], алеутского [Головко 1984].

1.1.2. Линейная модель словоформы в языках, характеризующихся агглютинацией американского типа, выглядит так:

$$(2) (m) + R + (m).$$

Модель (2) отнюдь не предполагает, что любая словоформа в данном языке имеет префиксы, но она может их иметь. Элемент R может быть очень сильно сдвинут к правой границе словоформы, и на уровне непосредственного наблюдения в таком языке реализуются модели типа $(m) + R$, но это всего лишь одна из возможных реализаций в рамках модели (2)². Методами позиционной грамматики описаны некоторые языки, характеризуемые моделью (2), например, палеоазиатские: ительменский [Володин 1976], алюторский [Мальцева 1994], кетский [Буторин 1995; Werner 1997a]; из американо-индейских языков назову кламат (см. [Стегний 1983] – автор базировался на материалах американского дескриптивиста М. Баркера). Элементы позиционной грамматики применялись и при описании кавказских языков (ср. например [Кумахов 1967] и другие работы этого автора; [Яковлев, Ашхамаф 1941]). Особенно хочу отметить описание шумерского языка в работе [Дьяконов 1979].

1.2. Модели (1) и (2) являются базовыми структурными моделями словоформы и представляют собой один из компонентов грамматической системы, в наименьшей степени подверженных изменению под воздействием времени, а также иноязычных контактных влияний. Б.А. Серебрянников в свое время написал специальную работу, посвященную "устойчивости агглютинативного строя" [Серебрянников 1965] – правда, в этой работе он оперировал исключительно данными агглютинативности алтайского типа, модель (1). Однако модель (2) тоже характеризует агглютинативный механизм.

Я хотел бы указать еще на одну структурно важную черту, которая, насколько можно судить, столь же стабильна и не подвержена изменениям, как и линейная модель словоформы. Речь идет о допустимости/недопустимости композиции. Композиция возможна в агглютинативных структурах как алтайского, так и американского типа. Это может быть выражено следующими формулами:

$$(1a) (r) + R + (m)$$

$$(2a) (m) + (r) + R + (m)$$

Наличие в модели элемента (r) предполагает, что в данном языке возможно корнесложение и инкорпорация как одно из частных проявлений комpositивного механизма. Количество элементов типа (r) в словоформе теоретически не ограничено.

1.2.1. Рассмотрим пример инкорпоративного комплекса (чукотский язык):

mət-ɬəran-welʔat-arma-qaə-ɣənretə-rkən "мы-четырёх-бодливых-сильных оленей-охраняем".

С формальной точки зрения это такая же словоформа, как и, например, *mət-ɣənretə-rkə-net* "мы-охраняем-их"; но в эту словоформу последовательно справа налево введены морфемы типа (r): объект *-qaə-* "олень/-и"³ и различные характеристики объекта:

² Линейная модель типа (3) $(m) + R$ – напрашивается сама собой и теоретически, конечно, существует; но вряд ли есть язык такого типа: это значит, что в данном языке слово *в с е г д а* кончается корнем. Корень слишком важный элемент, чтобы регулярно замыкать слово.

³ При инкорпорировании объекта меняется тип спряжения: полиперсональный глагол становится моноперсональным.

качественные – *-arma-* "сильный", *-wetʔat-* "бодливый", и количественная – *-ŋəran-* "четыре". Подобные образования трактовались и как сложные слова (каковыми они не являются) и как словосочетания (каковыми они не являются тоже). Специфика инкорпоративного комплекса состоит в том, что формально будучи единицей лексического уровня, функционально он является единицей синтаксического уровня. Входящие в него корни сохраняют каждый свое лексическое значение, они не переосмысляются, как в сложных словах, например чукотск. *ŋiŋqej* "мальчик" (*ŋin* + *qej* "молодой + маленький, живой" – подчеркиваю, что *qej* – тоже корень, ср. *qejəqej* "детеныш"), коряжск. *ŋavakək* "дочь" (*ŋav* + *akək* "женщина + сын").

1.2.2. Как явствует из модели (1a), композитивный механизм фиксируется и в агглютинативных языках алтайского типа. К их числу относятся уральские языки. Все они имеют структуру словоформы (r) + R + (m), что существенно обогащает их словообразовательный потенциал, а при необходимости позволяет конструировать весьма протяженные цепочки инкорпоративного типа. Особенно показательны в этом смысле данные современного финского языка, ср. следующий пример:

väli-vaihe-vastaan-otto-pöytä-kirja "протокол промежуточной приемки".

Композиты такого рода сложными словами уже не являются. Они свободно возникают в речи (в данном случае – в письменной речи, пример взят из делового документа), они выполняют синтаксические функции (в финском конструируются только именные группы; объект не может быть инкорпорирован в глагольную словоформу, как мы видели в чукотском). В данном случае цепочка из шести корневых морфем составлена из трех сложных слов: *väli-vaihe* "промежуточная фаза/стадия" (*väli* "промежуток пространства или времени" + *vaihe* "фаза, этап, стадия"), *vastaan-otto* "прием, встреча" (*vastaan* "навстречу, (на)против" + *otto* "взятие, забор, отбор"), *pöytä-kirja* "протокол, акт" (*pöytä* "стол" + *kirja* "книга"). Все три указанных сложных слова фиксируются словарями, равно как и все шесть непроезженных, составляющих анализируемую цепочку.

Как видим, развитие композитивного механизма в финском привело практически к появлению в нем инкорпорации. Правило агглютинации алтайского типа не нарушается: слово в любом случае начинается с корня. В этой связи я хотел бы усиленно подчеркнуть, что никаких "приставок" или "префиксов" в уральских языках нет, ибо они запрещены структурно. Все элементы, трактуемые как, скажем, "глагольные приставки" (например, в работах по венгерскому языку, по другим угорским языкам, по селькупскому языку и т.д.), не являются элементами типа (m) – это исключительно элементы типа (r). Элементы типа (m) в уральских языках подчиняются гармонии гласных, элементы типа (r) – не подчиняются, они сохраняют независимый вокализм.

1.2.3. Композитивный параметр представляется принципиально важным, так же, как и структура словоформы. Механизм (r) + R – это вещь, которая не теряется (если она есть), но и не приобретается контактным путем (если ее нет, если она запрещена). Если какие-либо языки различаются по этому параметру – я не рискнул бы рассуждать об их генетической связи. Структурное или типологическое сродство (*affinité*) между ними может быть, и даже весьма существенное, но общее историческое происхождение (*filiation*) – нет⁴. Поэтому должен огорчить приверженцев "урало-алтайской гипотезы" – в уральских языках композиция допустима, в "алтайских" языках она запрещена. Другой пример в том же роде показывают нам чукотско-камчатские языки: ительменский не связан генетическими узами с другими языками этой группы (чукотско-коряжскими) именно потому, что для последних характерна модель (2a): (m) + (r) + R + (m), а для ительменского – модель (2): (m) + R + (m). Специально об этом см. [Georg, Volodin 1999: 228–229].

⁴ Французские термины взяты из работы [Бенвенист 1963: 49]; но о важности композитивного параметра он не высказывается.

1.3. Отдельно следует сказать, что редупликация корня представляет собою принципиально иной морфологический механизм сравнительно с композицией. Их наличие/отсутствие в языке не связано друг с другом. Например, в ительменском, не имеющем композиции, редупликация есть, как и в чукотско-корякских языках, и я не склонен объяснять ее наличие контактным влиянием. Редупликация представлена в айнском и в нивхском (при наличии в них композиции); с другой стороны, в кетском (а также в бурушаски), в которых композитивный механизм представлен – редупликации нет. Не знают редупликации и агглютинативные языки алтайского типа, независимо от того, допустима в них композиция (уральские языки) или запрещена. Как грамматический (а не оноματοпозитический) прием редупликация распространена начиная с чукотско-камчатских языков (эскалеутским языкам она не свойственна) на юг, через айнский и японский, к изолирующим языкам Юго-Восточной Азии и Океании; представлена она и в американо-индейских языках, географически тяготеющих к тихоокеанскому побережью (ср. [Володин, Храковский 1991: 128–129]).

2.0. С типом линейной структуры словоформы жестко связаны некоторые особенности грамматической системы, которые носят имплицативный характер.

2.1. Односторонняя агглютинация (алтайский тип) имеет следующие структурные особенности.

Первый (левый терминальный) элемент в цепочке словоформы – R, или в случае наличия композитивного механизма – (r); последний (правый терминальный) – грамматический элемент (m), который, как и R, имеет статус обязательного. Это один из показателей грамматических категорий: у именных словоформ это показатель падежа или посессивности, у глагольных словоформ – показатель лица/числа как согласовательной категории; показатели содержательных категорий (время–наклонение, вид) могут занимать правую терминальную позицию лишь при отсутствии личной парадигмы⁵. Между этими полюсами (левая и правая граница словоформы) располагаются все прочие грамматические элементы. Их последовательность и дистрибуция выявляются методами позиционной грамматики, ср. выше, 1.1.1.

Глагол – моноперсональный. Единственное известное мне исключение – эскалеутские языки, имеющие модель типа (1); однако можно полагать, что полиперсональное спряжение развилось в этих языках в результате контактного влияния американо-индейских (возможно, и чукотско-корякских) языков, имеющих модели типа (2), (2a)⁶. Правую терминальную позицию в словоформе полиперсонального глагола занимает в этом случае показатель лица/числа объекта; личные показатели агенса непосредственно предшествуют ему в линейной цепочке.

Синтаксис – во всяком случае не эргативный (обычно агглютинативные языки алтайского типа определяют как "номинативные", но этот вопрос требует отдельного исследования и в нашу тему не входит). Единственное исключение здесь составляют те же эскалеутские языки.

Весьма характерной особенностью односторонней агглютинации является отсутствие категории рода. Эта импликация, видимо, не знает исключений: если структура словоформы – типа (1), (1a), то категории рода нет. (Помимо агглютинирующих языков Евразии, сошлось на упомянутый в сноске 6 язык кечуа – в нем наблюдается то же самое.) Объяснить этого я не могу, я только констатирую эмпирически наблюдаемый факт⁷. Вероятно, единственный отклик на противопоставление "живой/нежи-

⁵ В северно-самодийских языках (например, в ненецком) глагольную словоформу справа замыкает показатель времени (прошедшего) при наличии парадигмы лица; показатели будущего времени и косвенных наклонений предшествуют личным показателям. Предлагается трактовать эту цепочку как "основа – ирреалис – лицо/число – реалис" [Volodin 1994: 31].

⁶ Аналогичная ситуация наблюдается, между прочим, в языке кечуа (один из официальных языков Перу и Боливии); вероятно, и в этом случае можно говорить о контактном влиянии.

⁷ Я считаю вслед за Г. Корбеттом, что "род" и "(именной) класс" – это одна и та же категория, ср. [Corbett 1991].

вой", "человек/нечеловек" в этих языках – вопросительные местоимения "кто/что". Мне не известен язык, где концепты "кто" и "что" не различались бы с помощью разных корней.

2.2. Двусторонняя агглютинация (американский тип) имеет следующие структурные особенности.

Первая (левая терминальная) позиция в цепочке словоформы может быть занята как элементом R, так и элементом типа (m), ср. выше, 1.1.2. Эти элементы (префиксы) характерны больше для глагольных, чем для именных словоформ. Надо подчеркнуть, что префикс в левой терминальной позиции – это всегда обязательный (реляционный) элемент, показатель согласовательной категории – лица/числа агенса (P_{Ag}), объекта (P_{Ob}) или субъекта состояния (P_{Sb}). Показатели содержательной категории глагола (Т/М) занимают либо позицию, непосредственно следующую за левой терминальной, либо одну из посткорневых позиций, в том числе правую терминальную⁸. Устройство именных словоформ напоминает модель односторонней агглютинации: показатели грамматических категорий (число, определенность, падеж) занимают посткорневые позиции, вплоть до правой терминальной. Во всяком случае, мне не известен язык, в котором падежная парадигма выражалась бы префиксами. Но префиксами выражается посессивность (при наличии в языке такой морфологической категории) – ее показатели занимают левую терминальную позицию.

Глагол – полиперсональный. Об одном исключении из этого правила см. ниже, 4.5. Дистрибуция показателей лица в линейной цепочке:

агенса – пациенса – корень (кетский язык)

агенса – корень – пациенса (чукотско-корякские языки)

пациенса – агенса – корень (абхазо-адыгские языки).

Синтаксис – как правило, эргативный, но это не является обязательным условием. Как отмечал Климов, наличие полиперсонального глагола не является предпосылкой эргативной системы [Климов 1973].

Категория рода при двусторонней агглютинации выявляется либо в явном виде (как в кетском, в бурушаски – категория рода [класса] выделяется во всех описаниях этих языков), либо в скрытой форме (как, например, в чукотско-корякских языках, где в определенном/неопределенном склонениях проявляется противопоставление "человек/нечеловек"); ср. также ниже, 4.5.

3.0. Теперь, опираясь на результаты анализа двух типов агглютинации, можно попытаться уточнить состав палеоазиатских языков.

Языки, характеризующиеся односторонней агглютинацией, генетически идентифицированы как уральские, тюркские, тунгусо-маньчжурские, монгольские. Палеоазиатские языки характеризуются двусторонней агглютинацией. Поэтому из их числа должны быть исключены юкагирский язык и эскалеутские языки (односторонняя агглютинация, алтайский тип).

3.1. Юкагирский язык, собственно, уже имеет генетическую атрибуцию: многие авторитетные исследователи склонны причислять его к уральским (Х. Паасонен, К. Леви, Б. Коллиндер, К. Боуда, Й. Ангере; упоминал об этом и Е.А. Крейнович). Правда, никто из специалистов не заявлял этого недвусмысленно, ср. следующее характерное высказывание: "Фактически он (юкагирский. – А.В.) находится в отдаленном родстве с уральскими языками, хотя и не входит в уральскую семью в собственном смысле слова" [Николаева, Хелимский 1997: 155]. Модель юкагирской словоформы – (г) + R + (m), т.е. та же, что в уральских языках (ср. выше, 1.2.2); на мой взгляд, этого уже достаточно для положительного ответа на вопрос. Конечно, композитивный механизм не получил в юкагирском такого же развития, как, скажем, в финском – принципиально важно то, что в юкагирском он существует. Что касается юкагино-енисейских связей, то, как показал Дульзон в полемике с Крейновичем, они носят исключительно контактный характер [Дульзон 1966б].

⁸ Последнее характерно, например, для абхазо-адыгских языков.

3.2. Относительно внешних связей эскалеутских языков ничего определенного в настоящее время сказать нельзя. К. Бергсланд, например, сближал эти языки с уральскими [Bergsland 1959], но модель словоформы в эскалеутских языках – R + (m) (композиция запрещена), и уже это, на мой взгляд, ставит преграду дальнейшим поискам в этом направлении, ср. выше, 1.2.3. Между эскалеутскими и уральскими (особенно самодийскими) языками обнаруживаются весьма существенные структурные схождения, например, и в тех и в других категория лица устроена по так называемой вертикальной схеме "лицо + число" (со всеми вытекающими отсюда системными следствиями, ср. [Володин 1991]), однако по такой же схеме организована категория лица и в енисейских языках (я опирался прежде всего на кетские данные). Подобное устройство категории лица я склонен оценивать как результат собственного развития грамматической системы.

Более продуктивными представляются поиски связей эскалеутских языков с такими языками, которые имеют ту же модель словоформы – R + (m) (например, с тунгусо-маньчжурскими, монгольскими). Сейчас важно то, что к палеоазиатским эскалеутские языки отнесены быть не могут.

3.3. За вычетом юкагирского и эскалеутских, палеоазиатские языки представлены следующим списком:

бурушаски

енисейские языки (кетский, югский, котгский)

чукотско-корякские языки (чукотский, корякский, алюторский, керекский)

ительменский

айнский

нивхский,

итого 11 языков, без разделения на живые и мертвые, ср. выше, 0.4. Почти все эти языки имеют модель словоформы (2a): (m) + (r) + R + (m); исключение составляет ительменский, для которого характерна модель (2): (m) + R + (m). Последнее обстоятельство, как уже было указано (ср. выше, 1.2.3), является свидетельством того, что все материальные схождения ительменского и чукотско-корякских языков имеют не генетический, а контактный характер. С другой стороны, наличие у всех остальных языков модели (2a), конечно, не является бесспорным сигналом их генетической связи. Я далек от мысли ставить перед собой задачи такого рода.

4.1.1. Палеоазиатские языки – понятие скорее географическое, а не лингвистическое. Модели типа (2) свойственны также языкам, носители которых расселены за пределами Азии: это баски, кавказские народы и американские индейцы (ср. 1.0). Дульзон указывал на связи всех вышеперечисленных языков с енисейскими [Дульзон 1966а; 1968], не акцентируя внимания на совпадении линейной структуры словоформы. При этом между енисейскими и кавказскими языками Дульзон усматривал даже больше общего, нежели между енисейскими и бурушаски. Тем не менее для сближения последних имеются не менее серьезные структурные основания:

модель словоформы (тип 2a),

наличие категории рода/класса (в бурушаски различается четыре класса, в кетском – три),

распределение грамматической информации в цепочке словоформы (префиксальное спряжение, полиперсональные глаголы; имена в бурушаски и в кетском имеют посесивные префиксы).

4.1.2. В последнем случае усматриваются и элементы материальной близости. Дульзон сам сопоставлял следующие словоформы [Дульзон 1968: 582]:

кетский	бурушаски	
<i>ab-laŋ</i>	<i>a-riŋ</i>	"моя-рука"
<i>ku-laŋ</i>	<i>yu-riŋ</i>	"твоя-рука"
<i>də-laŋ</i>	<i>tu-riŋ</i>	"ее-рука"

Особо обращает на себя внимание совпадение морфемы $k(u)/\gamma(u)$ – показатель 2 лица, проходящий как через посессивную парадигму имени, так и через личную парадигму глагола в кетском и в бурушаски, причем в обоих случаях этот показатель занимает одну и ту же (левую терминальную) позицию. Это я уже не склонен считать случайным совпадением. Личная парадигма в кетском построена на противо-поставлении 2 л./не-2 л.; относительно бурушаски я этого утверждать не решусь, но именно такая структура является ожидаемой. Настоятельной необходимостью является новое описание языка бурушаски методами позиционной грамматики, которая исходит из представления о словоформе как о линейно упорядоченной цепочке. Имеющиеся описания выполнены индоевропейцами, привыкшими смотреть на словоформу как на бином "основа/окончание", ср. [Реформатский 1965]. Необходимо построить хотя бы позиционную модель словоформы глагола бурушаски, как это сделано для кетского языка [Буторин 1995; Werner 1997a]. Сопоставление этих моделей, как я рассуждаю, обнаружит значительно больше общего между бурушаски и кетским, чем это кажется сегодня, и позволит серьезно поставить вопрос об их генетической связи⁹.

4.2.1. Дульзон ставил также вопрос о древних связях енисейских языков с "урало-алтайскими" – но эти связи, с моей точки зрения, могли быть только контактными. Совсем другое дело – связи енисейских и чукотско-корякских языков. Здесь Дульзон обращает внимание на позиционный момент. До идеи линейной модели словоформы он, правда, не дошел, но, во всяком случае, Дульзон был первым, кто сказал прямыми словами о таких общих для енисейских и чукотско-корякских языков явлениях, как префигирование показателей субъекта действия и префигирование показателей времени [Дульзон 1971: 26]. Последнее обстоятельство я выделяю специально, потому что на территории Евразии это единственный случай такого совпадения. Дульзон делает вывод, что контакт чукотско-корякских и енисейских языков был древнее контакта с "урало-алтайскими" языками: "это позволяет думать, что до урало-алтайцев Сибирь населяли отдаленные предки чукчей и коряков" [Там же: 33], ср. также [Дульзон 1969: 31]. И.С. Вдовин отмечает, что изыскания Дульзона согласуются с выводами археологов и историков, считающих, что заселение Чукотки шло с запада, через Якутию, и что прачукотско-корякские племена пришли с верховьев Енисея [Вдовин 1987: 32–36].

4.2.2. Среди сделанных Дульзоном енисейско-чукотско-корякских сопоставлений не все могут быть охарактеризованы как бесспорные; имеются и заключения, с которыми нельзя согласиться – например, что чукотско-корякские формы императива "совпадают с прошедшим временем", "это – типологическая особенность, общая с кетским языком" [Дульзон 1971: 30]. Сопоставляются чукотские словоформы: *ты-чейв-ыггэк* "я шел" (точнее, "я ушел". – А.В.) – *мы-чейв-ыггэк* "пусть я пойду", *чейв-ыгги* "ты шел" – *қы-чейв-ыгги* "ты иди" (сохранены транскрипция и членение автора). Императив в принципе не может иметь никакого отношения к прошедшему времени. В данном случае речь идет о противо-поставлениях не темпорального, а аспектуального типа, что не совсем одно и то же. Вышеприведенные чукотские формы императива выражают волеизъявление говорящего к совершению исполнителем такого действия, которое должно иметь результат. Ср. соотносительные формы, которые для индикатива трактуются как "настоящее время" (настоящее I, по Скорику), а для императива – как "побудительно-повелительное II": *ты-чейв-ыркын* "я хожу/ходил" – *мы-чейв-ыркын* "похожу-ка я", *чейв-ыркын* "ты ходишь/ходил" – *қы-чейв-ыркын* "походи ты". В данном случае формы императива выражают побуждение к действию, которое не должно быть доведено до результата. То же противо-поставление, как указывает Дульзон, характерно и для кетского. Крейнвич склонен

⁹ При этом к сопоставлению, конечно, должны быть привлечены данные не только кетского (и близкородственного ему югского), но и коттского языка, по которому имеется достаточно полная информация [Werner 1997b].

был считать, что категория времени в кетском еще не вполне развилась, можно говорить только об аспектуальных (видовых) противопоставлениях [Крейнович 1968].

Показатели *гъи/гъэ* и (*ы*)*ркын* в приведенных чукотских словоформах выражают не время, как полагал Дульзон, а вид – перфективный и имперфективный соответственно. Ср. формы футура: *т-рэ-чейв-ыгъэ* "я уйду" (будущее I) – *т-рэ-чейв-ыркын* "я буду ходить" (будущее II)¹⁰.

4.2.3. Тем не менее двух фактов в работе [Дульзон 1971] я не могу не отметить особо. Речь идет о сближении префиксов: чук.-кор. *t(ə)*- – кетск. *di-* 1 л. ед.ч. субъекта-агенса [Там же: 28] и чук.-кор. *q(ə)*- (показатель императива, 2 л.) – кетск. *qi-* (показатель неимператива, 2 л.) [Там же: 29]¹¹. Эти морфемы в чукотско-корякских языках никак не этимологизируются исходя из собственной грамматической системы. (Правда, Скорик, очень любивший предлагать чукотские этимологии, пишет о префиксе *t(ə)*- в одной из своих ранних работ, что он может быть сведен к глаголообразующему префиксу *t(ə)*- со значением "делать", например *te-kʔeji-ŋə-k* "делать шапку", *t-orwə-ŋə-k* "делать нарту" [Скорик 1954: 244, сноска 1]). Этимология неубедительна, тем более что речь идет не о префиксе даже, а об инициали циркумфикса, что видно из приведенных им же примеров. В позднейших работах Скорик об этой этимологии не упоминает. Что же касается префикса *q(ə)*-, то Скорик не делал даже попыток хоть как-то объяснить его. Как мы видим, такую попытку сделал Дульзон. Подчеркиваю: структурные модели словоформы совпадают, сопоставляемые морфемы занимают одну и ту же позицию (левую терминальную). Речь идет о принципиально важных точках, "нервных узлах" системы. Когда материальная близость наблюдается в таких точках, я не могу оценивать ее как случайное совпадение. В свете всего сказанного выше (4.2.1) о древних миграциях прачукотско-корякских племен и их контактах с енисейцами, предложенное Дульзоном сопоставление никак нельзя игнорировать.

4.3.1. Префикс 2 л. *q(ə)/k(u)/γ(u)* (ср. выше, 4.1.2) – это "мостик", связывающий чукотско-корякские языки, енисейские языки и бурушаски. Этим я отнюдь не утверждаю их генетическую общность, но полагаю, что поиски в этом направлении могут быть весьма перспективными. Вполне оправданной представляется гипотеза миграции прачукотско-корякских племен с юга на север (в верховья Енисея), а затем на восток – северо-восток (через Якутию и Колыму на Чукотку). Распространившись до Камчатки, предки чукчей и коряков столкнулись там с ительменами.

4.3.2. По мнению археологов и этнографов, ительмены – древнейшие насельники Камчатки. Если это так, значит, они появились на Камчатке независимо от чукчей и коряков (с чем далеко не все специалисты склонны соглашаться). Но принципиальный вопрос в том, откуда ительмены пришли на Камчатку – с севера (через Сибирь) или с юга?

В книге С.П. Крашенинникова "Описание земли Камчатки" (IV издание) указания на южное происхождение ительменов можно увидеть как в авторском тексте (в этом издании в сносках воспроизведены все вычеркнутые Крашенинниковым из его рукописи пассажи, почти всегда содержательные и интересные), так и в сколиях этнографов к тексту и к вычеркнутым пассажиам, ср. в особенности замечания И.И. Огрызко [Крашенинников 1949: 407, 415, в сносках]. На южную прародину ительменов указывает анализ их ритуальных ежегодных праздников, подробно описанных Крашенинниковым, а также их мифология. Ительмены считали, что земля возникла по

¹⁰ Как раз в этих словоформах видно, что показатель времени (*рэ*) предшествует корню, ср. 4.2.1. В формах небудущего времени, приведенных в 4.2.2, эта позиция занята нулевым показателем.

¹¹ Нужно отметить, что чукотско-корякский префикс выражен увулярным *q*, что касается кетского форманта 2 л., то наблюдаются разночтения: у Дульзона это увулярный *q(u)*- (ср. также [Дульзон 1968]), у Крейновича и у Вернера – заднеязычный *k(u)*- [Крейнович 1968; Werner 1997a].

воле демиурга по имени Кутх на море, посреди моря. В чукотско-корякской мифологии подобного мотива нет. Напрашивается гипотеза, что когда-то ительмены жили на небольших островах. Они мигрировали на Камчатку под давлением айнов, своих южных соседей. Айны, в свою очередь, вынуждены были подчиняться давлению японцев (ср. [Алпатов 1997: 126]). На юге Камчатки до конца XIX века существовала ительменско-айнская контактная зона.

4.4. Модель словоформы в айнском языке – (2а), что сближает его с чукотско-корякскими языками; но такие вещи, как наличие композитивного механизма и полиперсональных глаголов, у которых показатель агенса занимает левую терминальную позицию – с равной степенью вероятности могут быть как следствием генетической общности, так и результатом собственного развития грамматической системы. В данном случае гораздо вероятнее второе. В чукотско-корякских языках нет категории личной принадлежности, в айнском она есть; посессивная парадигма выражается префиксами [Алпатов 1997: 133], что соответствует правилу, см. выше, 2.2. Категория времени в айнском не сформировалась, имеются только противопоставления аспектуального типа, выражаемые аналитическими средствами. Категория наклонения ограничена противопоставлением индикатив/императив. Последнее характерно также для ительменского, в котором конъюнктив является чукотско-корякским заимствованием, ср. [Georg, Volodin 1999: 229].

4.5. Остается еще нивхский язык, находившийся в контакте с айнским на Сахалине. Модель словоформы в нивхском – (2а), иными словами, в этом языке есть композиция (вопрос об инкорпорации в нивхском является предметом дискуссии). Однако о полиперсональности глагола (ср. выше, 2.2) говорить не приходится, поскольку личного спряжения нивхский глагол не знает. Но есть категория личной принадлежности у имени; показатели ее, в соответствии с правилом, выражаются префиксами [Груздева 1997: 145]. Префиксация в нивхском развита слабо – имеется только одна предкорневая аффиксальная позиция [Там же: 151]. В категории наклонения, как и в айнском, противопоставлены индикатив/императив¹²; но в нивхском есть также категория времени, в которой противопоставлены будущее/небудущее как маркированный/немаркированный члены. Это противопоставление может быть трактовано как ирреалис (маркированный)/реалис (немаркированный) – такое отмечается в чукотском и в алюторском языках (ср. выше, 4.2.2). Категория рода (класса) в нивхском (как и в айнском) не отмечается. В чукотско-корякских языках (и в ительменском) эта категория наличествует в скрытой форме, ср. выше, 2.2.

В отличие от чукотско-корякских (и других палеоазиатских) языков, в айнском и нивхском различается инклюзивное/эксклюзивное "мы". Детализация знака "мы" характерна для полинезийских и австронезийских языков Океании, ср. данные языка ниуэ [Полинская 1995: 48]:

<i>taua</i>	мы = я + ты	<i>tautolu</i>	мы = я + вы
<i>maua</i>	мы = я + он	<i>mautolu</i>	мы = я + они

В нивхском различается три разных "мы", это единственный случай среди палеоазиатских языков (привожу восточно-сахалинские формы, источник – [Груздева 1997: 149]):

<i>мэң</i>	мы = я + ты	<i>мин</i>	мы = я + вы
		<i>н'ин</i>	мы = я + он/-и

¹² В императиве нивхский глагол имеет полную личную парадигму (6 форм). Случай не уникальный, но типологически не частый. Аналогичная картина наблюдается в монгольском и лезгинском языках (см. [Храковский, Володин 1986: 39–41]); уже из списка языков ясно, что это результат самостоятельного развития системы. Хотел бы обратить внимание на то, что в каждом случае, при отсутствии личного спряжения в индикативе – парадигма императива имеет специализированные формы для исполнителя в о в с е х л и ц а х.

5. Подведем итоги. Смею думать, что теперь палеоазиатские языки, по уточнении их состава (ср выше, 3 3), хотя и остаются понятием скорее географическим – все же представляются более структурированным объединением, чем раньше. Характеризуемые общностью линейной модели словоформы [тип (2)], они могут быть разделены на две группы бурушаски – енисейские – чукотско-корякские и ительменский – айнский – нивхский. Последовательность перечисления языков в первой группе отражает гипотетические пути миграции далеких предков этих народов. Вторая группа объединяется тем, что предки носителей этих языков, как предполагается, пришли с юга, причем ительмены были первыми.

Дальнейшие поиски внешних связей палеоазиатских языков – задача весьма перспективная и заслуживающая пристального внимания. Представляется целесообразным продолжать изыскания в уже известных направлениях – американско-индейские языки, кавказские языки (но в последнем случае – почему не привлечь и данные шумерского?) Вместе с тем хочу указать еще на одно южное направление, ср выше, 4 5. То, что там мы найдем языки по преимуществу изолирующие, не должно быть препятствием. Эти языки поддаются позиционному анализу (ср хотя бы уже упомянутую работу [Полинская 1995], а также [Дмитренко 1998]), и результаты сопоставления с палеоазиатскими языками могут оказаться в высшей степени интересными.

* * *

Хочу подчеркнуть, что мои размышления над палеоазиатской проблемой начались именно с того места, где первые тропинки были протоптаны Андреем Петровичем Дульзоном. Его памяти я и посвящаю эту статью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов В М* 1983 – Проблема морфемы и слова в современном японском языке. Автореф дис. докт. филол. наук М., 1983.
- Алпатов В М* 1997 – Айнский язык // Языки мира. Палеоазиатские языки М., 1997.
- Бенвенист Э* 1963 – Классификация языков // Новое в лингвистике. Вып. III М., 1963.
- Буторин С С* 1995 – Описание морфологической структуры финитной глагольной словоформы кетского языка с использованием методики порядкового членения. Автореф. дис. канд. филол. наук. Новосибирск, 1995.
- Вдовин И С* 1987 – Проблема этногенеза. Этнические связи чукчей // История и культура чукчей. Историко-этнографические очерки М., 1987.
- Володин А П* 1976 – Ительменский язык Л., 1976.
- Володин А П* 1991 – Категория лица и посессивный строй // Типология грамматических категорий. Тез. докладов Всесоюзной научной конференции Л., 1991.
- Володин А П* 1997 – Палеоазиатские языки // Языки мира. Палеоазиатские языки М., 1997.
- Володин А П, Храковский В С* 1991 – Типология классификаций морфем // Морфема и проблемы типологии М., 1991.
- Глисон Г* 1959 – Введение в дескриптивную лингвистику М., 1959.
- Головкин Е В* 1984 – Морфология глагола алеутского языка. Автореф. дис. канд. филол. наук Л., 1984.
- Головкин Е В* 1997 – Медновских алеутов язык // Языки мира. Палеоазиатские языки М., 1997.
- Груздева Е Ю* 1997 – Нивхский язык // Языки мира. Палеоазиатские языки М., 1997.
- Дмитренко С Ю* 1998 – Глагольная группа в языках Юго-Восточной Азии (на материале кхмерского и лаосского языков). Автореф. дис. канд. филол. наук СПб., 1998.
- Дульзон А П* 1966а – О древней центрально-азиатской языковой общности // Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию. Самарканд, 1966.
- Дульзон А П* 1966б – О методологии историко-сопоставительного изучения неродственных языков // Уч. зап. Томского госуниверситета. Вып. 57. Томск, 1966.
- Дульзон А П* 1968 – Кетский язык. Томск, 1968.

- Дульзон А П 1969 – О древних связях енисейских народов с чукотско-камчатскими по данным языка // Этногенез Северной Азии Новосибирск, 1969
- Дульзон А П 1971 – Енисейско чукотско корякские связи в области спряжения // Уч зап Кемеровского ГПИ Вып 24 Кемерово, 1971
- Дьяконов И М 1979 – Шумерский язык // Языки Азии и Африки Ч III М, 1979
- Климов Г А 1973 – Очерк общей теории эргативности М 1973
- Климов Г А 1990 – Основы лингвистической компаративистики М, 1990
- Крашенинников С П 1949 – Описание земли Камчатки Изд IV М, Л, 1949
- Крейнович Е А 1968 – Глагол кетского языка Л, 1968
- Кумахов М А 1967 – Адыгейский язык // Языки народов СССР Т 4 М, 1967
- Мальцева А А 1994 – Морфология глаголов в аляutorском языке финитные формы (с применением методики порядкового членения) Автореф дис канд филол наук Новосибирск 1994
- Николаева И А Хелимский Е А 1997 – Нивхский язык // Языки мира Палеоазиатские языки М, 1997
- Пинес В Я 1973 – Исчисление личных глагольных словоформ турецкого глагола // Проблемы грамматического моделирования М, 1973
- Полинская М С 1995 – Язык ниуэ М, 1995
- Ревзин И И Юлдашева Г Д 1969 – Грамматика порядков и ее использования ВЯ 1969 № 1
- Реформатский А А 1965 – Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова // Морфологическая типология и проблема классификации языков М, Л, 1965
- Серебрянников Б А 1965 – Причины устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка // Морфологическая типология и проблемы классификации языков М, Л, 1965
- Скорик П Я 1954 – О постепенном развертывании и совершенствовании грамматического строя (на материале чукотского языка) // Труды ИЯ АН СССР 1954 Т IV
- Скорик П Я 1968 – Палеоазиатские языки Введение // Языки народов СССР Т 5 Л, 1968
- Сорокина И П 1975 – Морфология глагола в энецком языке Автореф дис канд филол наук Л, 1975
- Стегний В А 1983 – Морфологическая структура глагола в языке кламат Автореф дис канд филол наук М, 1983
- Трубецкой Н С 1987 – Мысли об индоевропейской проблеме // Н С Трубецкой Избранные труды по филологии М, 1987
- Храковский В С Володин А П 1986 – Семантика и типология императива Русский императив Л, 1986
- ЯМ 1997 – Языки мира Палеоазиатские языки / Отв ред А П Володин М, 1997
- Яковлев Н Ф Аишмаф Д 1941 – Грамматика адыгейского литературного языка М, 1941
- Beigslund K 1959 – The Eskimo-Uralic hypothesis // Journal de la Societe Finno-Ougrienne V 61 1959
- Corbett G G 1991 – Gender Cambridge 1991
- Georg St Volodin A P 1999 – Die itelmenische Sprache Grammatik und Texte Wiesbaden, 1999
- Sapir E 1922 – The Takelma language of South-Western Oregon // Handbook of American Indian languages / Ed by F Boas Pt II Washington 1922
- Volodin A P 1994 – Zur Typologie der Sprachen Sibiriens // Ural-Altaische Jahrbucher Neue Folge Bd 13 1994
- Werner H 1997a – Die ketsische Sprache Wiesbaden 1997
- Werner H 1997b – Abriß der kottischen Grammatik Wiesbaden, 1997

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Б.З. Букчина, И.К. Сазонова, Л.К. Чельцова. Орфографический словарь русского языка. М.: Аст-Пресс, 2000. 1288 с.

В 1999 г. коллективом специалистов из сектора орфоэпии и орфографии Института русского языка РАН был выпущен "Русский орфографический словарь", а год спустя в Москве вышел "Орфографический словарь русского языка". В чем смысл выхода двух книг сходного назначения и содержания? Видимо, это своего рода "пристрелка", этап перед подготовкой того словаря, который предстоит выпустить после того, как завершится работа над новым вариантом орфографического свода, ведущаяся в настоящее время в ИРЯ.

Рецензируемый словарь в сравнении с "Русским орфографическим словарем" 1999 г. меньше по охвату материала: в нем не 160, а только лишь около 100 тысяч слов. Здесь нет списка собственных имен и образующих от них отчеств, меньше представлены названия жителей, образованные от топонимов. Такое ограничение объема, впрочем, имеет свой резон, поскольку подобного рода лексика трудна не столько в орфографической, сколько со словообразовательной стороны и, кроме того, по ней имеются специальные справочники и пособия. Гораздо хуже то, что в словаре трех авторов не выделены в отдельный список слова, претерпевшие в последних изданиях орфографических словарей изменения в своем написании (как это сделано в "Русском орфографическом словаре").

Зато словарь Б.З. Букчиной, И.Г. Сазоновой и Л.К. Чельцовой содержит грамматические таблицы, в которых читатель может справиться о правописании падежных и личных окончаний всех наиболее употребительных (стандартных, как их называют авторы) именных и глагольных форм. Тип склонения или спряжения указан в словарной статье, что повышает удобство пользования таблицами. В словарной статье указаны и нестан-

дартные формы, если они есть у данного слова.

В кратких пояснениях перед таблицами проведено в доступной для широкого читателя форме различие языка и орфографии: например, указывается, что в именительном падеже единственного числа существительные 1-го склонения имеют окончания *-а*, но на письме оно может изображаться как буквой *а*, так и буквой *я*. Думается, стоило бы отразить это разграничение языка и орфографии также и в заглавиях таблиц: здесь следовало бы говорить не "окончания таких-то форм", а "написание окончаний". Ведь, например, прилагательные *новый* и *свежий* имеют во всех падежах и числах одинаковые окончания, но на письме они передаются по-разному. Мы, специалисты-языковеды, часто сетуем, что широкая публика смешивает язык и письмо, из-за чего и в орфографических дискуссиях любое предложение об изменении правил правописания зачастую воспринимается простыми пишущими как посягательство на язык, — и поэтому нам надо использовать каждую возможность подчеркнуть эту разницу. Высказанное замечание, таким образом, не какая-то дань мелочному педантизму, а упрек в недостаточном использовании важной возможности.

При меньшем объеме словника рецензируемая книга имеет примерно тот же листаж, что и "Русский орфографический словарь". Это связано с двумя причинами.

Во-первых, большинство косвенных форм слов даются не в виде окончаний с предшествующим дефисом, как это обычно принято в словарях, а в полном написании. Конечно, это удобнее для пользователя и, кроме того, способствует зрительному запоминанию соответствующих форм. И все же

такая подача словарного материала кажется слишком большой полиграфической роскошью.

Другое дело – более подробные, чем это обычно принято, пояснения орфографического характера и даже тестовые примеры употребления тех или иных трудных для написания слов и форм, в частности наречий и омонимичных им предložно-падежных сочетаний и других омонимов языка, различаемых на письме. Вот на такого рода пояснениях в орфографическом словаре места экономить не стоит. По крайней мере, в данном случае перед нами несомненно положительный опыт, который стоит осмыслить и в каком-то виде использовать при составлении новых орфографических словарей и справочников.

Задержка выхода новой редакции свода правил орфографии и пунктуации побудила создателей обоих словарей, о которых ведется речь, пойти на "опережающее" установление орфографии некоторых слов в словарном порядке. Не всегда такое опережение оправдано. В работах Б.З. Букчиной 70-х годов было тонко подмечено, что при написании сложных слов в практике пишущих проявляется тенденция к употреблению дефиса при наличии суффикса в первой части сложного слова, отсюда различия в написании таких, на первый взгляд, однотипных образований, как *белоснежный*, но *снежно-белый* или *Новоалтайск*, но *Горно-Алтайск*. Это наблюдение, безусловно, должно быть учтено при доработке соответствующего правила. Видимо, на него можно опираться и при установлении нормы написания новых слов такого типа. Но изменять на этом основании орфографию уже имеющихся слов едва ли целесообразно. Да и в самом правиле, если оно будет изменено, едва ли удастся ограничиться только апелляциями к суффиксу. Видимо, наиболее явно суффикс проявляет себя в словах, восходящих к подчинительным конструкциям. В словах же, образованных от производящих компонентов равноправного характера, семантические нюансы действуют не менее заметно: ср. англо-русский 'касающийся отношений между русскими и англичанами', но англосаксонский 'относящийся к англам и (плюс) саксам'. Точно такое же различие напрашивается в случаях типа, например, индоиранские языки, но индоиранские отношения. (В рецензируемом словаре дано только написание индоиранский.) Так или иначе этот вопрос требует, на мой взгляд, дополнительной теоретической проработки.

А вот употребление заглавных букв в названии должностей и организаций можно было бы, я думаю, урегулировать и словарным порядком. При этом едва ли стоило множить употребление прописных в таких названиях. Едва ли стоит писать с заглавной буквы, например, слово *глава* в должностном его значении. Да и все названия должностей рационально бы писать со строчной буквы. Прецедент есть, например, в чешской орфографии.

Вопрос о заглавных буквах приобрел актуальный и даже болезненный характер еще и в связи с расформированием СССР. Надо ли по-прежнему писать *Советская Армия* – и если да, то писать ли также и *Российская Армия*? Или *Российская армия*, *российская армия*? А как с названиями армий других стран? С прочими словами этого разряда? К сожалению, рецензируемый словарь эти случаи в значительной их части просто обходит.

Зато, как, впрочем, и в "Русском орфографическом словаре", делается попытка урегулировать написание заглавной и строчной буквы в слове *бог* без учета фактически давно сложившейся нормы: с заглавной буквы пишется наименование бога той религии, которая придерживается пишущий. Следовательно, заглавные буквы в таких словах, как *Бог*, *Богородица*, *Мадонна*, *Аллах* и т.п., вообще употребляются только верующими. При этом необходимо учесть, что восклицания вида *слава богу*, *упаси*, *господи* и т.п. имеют междометный характер только в речи атеистов. Верующий человек – если он действительно верующий – при всех таких восклицаниях действительно апеллирует к своему богу – *Богу!* Поэтому и рекомендация писать наименование божества в подобных выражениях всегда с маленькой буквы является очень спорной. В каком-то отношении (для верующих) это новация, и новация этически неудачная.

Впрочем, эти последние замечания касаются обоих новых словарей. В обоих словарях одинаковы и другие достоинства и недостатки, не отмеченные в этом отзыве, но отмечавшиеся мной в рецензии на "Русский орфографический словарь" 1999 года.

Как и словарь 1999 г., рецензируемый словарь вышел небольшим тиражом (15 000 экз.) и, видимо, осознается авторами и издателями как своего рода экспериментальное, предварительное издание. Видимо, с выходом нового варианта "Правил русской орфографии и пунктуации" будет подготовлен и издан массовым тиражом и новый орфографический словарь. На мой взгляд,

он должен объединить достоинства обеих словарей, а они есть и в том, и в другом. Словарь 1999 г. может стать основой словника, должны быть сохранены и его указатели (слов с измененной орфографией, имен и отчеств). Из словаря трех авторов могли бы быть взяты грамматические таблицы (с учетом высказанных выше замечаний) и ссылки на эти таблицы в словарных статьях, а также, может быть, более подробные орфографические пояснения непосредственно в словарной статье и текстовые примеры, по крайней мере при наиболее трудных по написанию словах.

В целом надо сказать, что "Орфографический словарь русского языка" Б.З. Букчиной, И.К. Сазоновой и Л.К. Чельцовой, несмотря на отмеченные недостатки, представляет собой квалифицированное, добро-

качественное издание и может быть рекомендован для пользования всем, кто по роду деятельности обязан писать правильно или следить за правильностью письма других или же кто хочет быть орфографически грамотным просто в силу естественной потребности культурного человека. Но важно, видимо, и то, о чем было сказано в самом начале настоящей рецензии: это определенный этап в накоплении и обогащении опыта работы над орфографическими справочниками. А накопление подобного опыта совершенно необходимо в ситуации, которая сложилась в преддверии ожидаемых шагов по урегулированию тех правил русского правописания, которые либо устарели, либо по каким-то причинам вступают в постоянное и упорное противоречие с практикой пишущих.

Б.И. Осипов

H. Berger. Die Burushaski-Sprache von Hunza und Nager. Teil I. Grammatik. XXIII + 271 S.; Teil II. Texte und Übersetzungen. X + 273 S.; Teil III. Wörterbuch. Burushaski-Deutsch, Deutsch-Burushaski (Unter Mitarbeit von Nasiruddin Hunzai). 646 S. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1998.

На языке бурушаски, или буриш(к)ском (устаревшее название – канджутский) и на диалекте (или близком к бурушаски языку) вершиквар, или вершикском, говорят небольшая народность в отрогах Каракорума на севере Индостана, насчитывающая по одним оценкам (1992 г.) 55–60 тыс. чел., по другим (1999 г.) – 80–90 тыс. человек.

Язык генетически изолированный. Предпринимавшиеся в разное время различными исследователями попытки установить его родство с теми или иными языками, языковыми семьями и географически удаленными ареальными объединениями (например, с кавказскими языками, с баскским, с дравидийскими, тибетскими, мунда и др.; в работах последних лет также с доиндоевропейскими и раннеиндоевропейскими языками Средиземноморья) базируются в основном на отдельных типологических признаках и на сходстве большего или меньшего списка слов и остаются до сих пор в разряде гипотез, нуждающихся в дальнейшей аргументации.

Язык весьма своеобразен и в типологическом плане: наличие системы четырех семантических классов, система проклитических местоимений, в обязательном порядке оформляющих имена неотчуждаемой принадлежности, особенности спряжения и некоторые другие черты резко выделяют его из языков ареала и вызывает аналогии с

языками других регионов (кавказскими, енисейскими и др., смотри, например [Топоров 1969]).

Поскольку бурушаски оказал в прошлом существенное субстратное и адстратное влияние на всех языковых уровнях на окружающие его ныне индоиранские языки и поскольку он сам или родственные ему (и типологически сходные с ним) языки сыграли в прошлом существенную роль в становлении Центральноазиатского языкового союза (подробнее см. [Эдельман 1980]), публикация материала и максимально полного описания этого языка важна не только для изучения самого бурушаски, но и для истории многих других языков.

Вместе с тем, до последних десятилетий мы имели в своем распоряжении из соизмеримых по объему работ только труд Д. Лоримера по бурушаски [Lorimer 1935a; 1935b; 1938], в котором записанный у носителей языка надежный, обширный и прекрасно подобранный материал представлен, тем не менее, в относительно устаревшей лингвистической обработке, и его же словарь диалекта вершиквар [Lorimer 1962]. Имелась также небольшая, хотя и очень ценная, статья И.И. Зарубина по диалекту вершиквар [Зарубин 1927]. Другие лингвистические работы (синхронного и диахронического направлений), посвященные этому языку, почти все базировались на

материалах трудов Д. Лоримера и И.И. Зарубина и представляли собой их лингвистическую интерпретацию (см., например [Borgstøm 1945; Vogt 1945; Morgenstjerne 1945; Benveniste 1948–1949]). Новых материалов, записанных от носителей языка и обработанных на современном уровне не было – вплоть до выхода в свет предыдущей книги Г. Бергера, посвященной диалекту вершиквар, или вершикскому, распространенному в местности Ясин [Berger 1974].

Рецензируемая новая работа Г. Бергера представляет собой трехтомный капитальный труд, опубликованный в серии *Neuindische Studien* (Band 13), продолжающий работы этого автора, посвященные языку бурушаски и базирующиеся на собственном материале.

В отличие от его книги 1974 г. (опубликованной в этой же серии в качестве 3-го тома), настоящий труд Г. Бергера посвящен двум другим основным диалектам, распространенным в местностях Хунза и Нагер (в других нотациях – Нагир, Нагар) и составляющим собственно бурушаски. Различия между этими двумя диалектами невелики, однако заметны, а кроме того внутри каждого из них наблюдаются, в свою очередь, определенные говорные расхождения, особенно характерные для диалекта Хунзы.

Работа построена в целом по тому же принципу, что и предыдущая и также состоит из трех основных частей: грамматика, тексты с переводами, словарь. Однако здесь, учитывая несравнимо больший объем материала и более подробное описание, эти части составляют отдельные тома.

Том I "Грамматика" содержит введение ко всему труду (с. XIII–XV) и введение к данному тому, включающее краткий обзор истории изучения языка, сведения о его носителях, объяснение некоторых транскрипционных знаков и пр. (с. 3–11). За ними следуют собственно исследовательские разделы: очерки фонологии, морфологии; синтаксиса (с. 177–202), а также раздел, посвященный словообразованию (с. 203–227). В этом же томе помещены вспомогательные части, относящиеся ко всему труду: список сокращений (с. XVII–XX), краткая библиография, включающая только источники нового материала и только немногую цитируемую литературу. Заключает первый том общий индекс, в котором различные слова и элементы, как то: грамматические форманты языка бурушаски (с объяснениями их функций), немецкие обозначения разных понятий и реалий, лингвистические и прочие термины,

имена информантов и некоторых исследователей, – приводятся в едином общем алфавитном порядке (с. 229–271).

Описание фонологической и фонетической системы бурушаски (с. 13–32) построено, как и в описании вершиквар, по принципу "от фонемы к способам ее реализации". Соответственно этому выдержана и фонологическая транскрипция приводимого во всех трех томах материала. Этим труд Г. Бергера выгодно отличается от упомянутой работы Д. Лоримера, также содержавшей ценнейший материал, но представленный в фонетической (и не всегда адекватной) записи.

Г. Бергер выделяет пять гласных фонем: /i/, /e/, /a/, /u/, /o/, оговаривая при этом, что они могут подвергаться назализации (в основном, в экспрессивной лексике). Далее, описывая функционирование гласных, он рассматривает их основные варианты и типы редукции в соседстве с определенными согласными и при нахождении в ударном и безударном (предударном и заударном) слогах.

Отдельно (с. 14–16) рассматривается частое для бурушаски "удвоение" (типа *aa*, *ee*), которому может подвергнуться любая из гласных фонем. Фонетически результирующие "удвоенные" звуки сходны с долгими гласными других языков, но фонологически, как считает автор, их надо рассматривать как последовательности двух кратких гласных, поскольку они могут находиться на морфемных швах (например, *a-tú-un-* – отрицательная форма от *du-ún-* 'схватить', *há-an* – "зингулатив" от *ha* 'дом'), а также могут быть фонетической реализацией разнокачественных гласных фонем (например, фонетическая последовательность *ée* может быть реализацией фонологической последовательности *éa*). При этом ударение падает на один из элементов "удвоения" (например, *áa* или *aá*), в отличие от назализации, которая захватывает оба элемента, как и при сочетании разнокачественных гласных.

Следует отметить, что такая интерпретация "удвоенных" гласных вызывает определенные вопросы, особенно с учетом описания Г. Бергером словесного ударения в бурушаски. Ударение характеризуется им как свободное и смысловозначительное, ср. например, *duđúr* 'сорт абрикосов' ~ *duđur* 'маленькая норка в земле', *du-mán-* 'становиться' (при субъекте класса *y*, см. ниже) ~ *d-ú-man-* 'становиться' (при субъекте классов *h* и *x* во мн. числе). При этом фонетическая реализация ударения определяется автором в виде общего артикуляторного

усиления ударного слога и легкого подъема тонового контура, сходного с таковым в немецком языке (с. 19).

Вместе с тем, при сопоставлении такой фонетической реализации удара с наличием "удвоенных" гласных, где возможны типы *da* и *aá*, напрашивается аналогия с рядом языков данного ареала (включая окружающие бурушаски дардские языки), где изменение тонового контура на протяжении звучания гласного звука или слога трактуется как самостоятельный релевантный просодический элемент – тоновые оппозиции. Ср. также возможность интерпретации таких "удвоенных" или "сверх-долгих" гласных (а также некоторых других гласных элементов) в бурушаски как несущих определенные тоновые характеристики [Lorimer 1935a: 632–635; Morgenstierne 1945: 85–88; Климов, Эдельман 1970: 22, 33–34]. Таким образом фонологическая интерпретация звуков (или их последовательностей) типа *da* и *aá* требует дальнейшей аргументации, и вопрос о наличии релевантных тоновых оппозиций в бурушаски остается открытым.

Система согласных фонем бурушаски несколько богаче, чем в диалекте верхиквар: здесь развита серия глухих придыхательных фонем: *qh, kh, th, th, ch, ch, ch, ph*, хотя в определенных позициях происходит их частичная или полная аспирация *qh > qx > x; ph > pf > f*. Различаются переднеязычные дентальные и церебральные согласные (типа *t ~ t̤*).

Характерно наличие в записях и в описании Г. Бергера согласной, которую он, вслед за Д. Лоримером, обозначает знаком *y* и называет "своеобразным спирантом" (*eigentümliche Spirants*, см. с. 22). Это подтверждает высказывавшееся ранее предположение (см. [Климов, Эдельман 1970: 28–29]) о наличии в бурушаски звонкой щелевой согласной, аналогичной по артикуляции (судя по описанию Д. Лоримера, Г. Бергера и других авторов) распространенной в иранских языках Западного и Южного Памира согласной *ɣ*, реализуемой щелевыми звонкими звукотипами, произносимыми при поднятой задней части языка, горизонтальном положении основной части спинки языка и чуть опущенном или нейтральном положении его кончика. Поскольку такая фонема представлена в соседнем с бурушаски иранском языке – ваханском, с которым бурушаски связывали и связывают тесные контакты, наличие ее здесь вполне укладывается в ареальные артикуляционные и фонологические нормы.

В работе рассматриваются также позиционные чередования согласных, типы их редукции, характерные последовательности фонем. Отдельная группа параграфов посвящена передаче в бурушаски заимствованных слов и типам их фонетической адаптации (с. 29–32).

Обширный раздел, посвященный морфологии (с. 33–175), последовательно анализирует морфологию имени существительного, прилагательного, систему местоимений и местоименных клитик; большая часть его посвящена системе глагола; отдельными небольшими разделами даются наречия, числительные, послелого и другие части речи.

Существительные бурушаски делятся на четыре класса: I – класс мужчин, II – класс женщин, III – класс, в который входят названия животных, считаемых неодушевленными предметами и ряд других, IV – класс части предметов, но в основном, названий сыпучих веществ, жидкостей, абстрактных понятий и пр. Г. Бергер вслед за Д. Лоримером, как и в предыдущей книге, называет эти классы соответственно: I – *hm*, II – *hf*, III – *x*, IV – *y*. Это членение на классы не имеет эксплицитного выражения в основе самого имени существительного, а выявляется в его соотносительности с другими частями речи, в которых классы выражены – лексически (в выборе соотносительного указательного местоимения определенного класса) или морфологически (например, лично-классными глагольными формантами субъекта и объектов и др.). Отчасти семантическая классификация имен выявляется также в употреблении того или иного показателя множественности (их употребительность далеко не во всех случаях совпадает с членением имен на классы). Перечень способов выражения классов автор приводит списком (с. 34).

Следует отметить, что Г. Бергер, вслед за Д. Лоримером, выделяет также пятый класс – *z*. К последнему оба исследователя относят формы числительных, которые не привязаны к тому или иному классу существительных, а являются абстрактным выражением числа (например, при счете). О неправомочности выделения такого класса наряду с другими именными классами уже приходилось писать [Эдельман 1976: 123], однако автор придерживается этой традиции (см. с. 100 рецензируемого труда).

Важными представляются случаи (отмеченные также Д. Лоримером), когда названия одних и тех же неодушевленных предметов могут принадлежать как классу *x*, так и классу *y*, в зависимости от семантических

оттенков имени: как названия веществ или класса, совокупности предметов они входят в класс у, как названия считаемых предметов, состоящих из данных веществ или связанных с ними, – в класс х: например, *čhumár* х 'железный противень' ~ у 'железо', *hayú* х 'каменная соль (в глыбах)' ~ у 'соль (раздробленная, вещество)', *gásil* х 'палка' ~ у 'дрова' и др. (с. 35).

Интересно, что категория семантического класса – одна из черт, которую усвоили из "бурушаскообразного" субстрата некоторые иранские языки региона, наложив ее на индоевропейскую категорию рода. В языках шугнано-рушанской группы (Западный Памир) колебания в отнесении имени существительного к женскому или к мужскому роду, в зависимости от оттенков значения (единичный предмет ~ класс, совокупность предметов), повторяют принцип колебания между классами х и у в бурушаски.

Характерной типологической чертой бурушаски является обязательное присоединение местоименных проклитик, или препозитивных детерминативов "посессора", к именам существительным неотторжимой принадлежности. Сюда входят обозначения частей тела, родства, названия ряда других понятий и реалий, не отделяемых от кого-л., чего-л. (Г. Бергер насчитывает около 150 таких имен). Реже отмечаются также этимологически связанные пары таких имен, употребляемых с обязательными проклитиками и без них, с несколько различающейся семантикой (с. 44 и сл.). Автор различает три типа проклитик, закрепленных лексически за определенными именами и глаголами и отличающихся друг от друга фонетическими свойствами: ударностью/безударностью, степенью подъема гласных и некоторыми другими (с. 90–92).

Важно наличие в бурушаски большого количества постпозитивных показателей множественности, закрепленных за определенными классами имен, а также за отдельными группами и даже отдельными именами (с. 46–57), что может свидетельствовать о более дробном членении имен на классы в прошлом.

Несомненно положительно следует расценить употребление Г. Бергером термина "зингулатив" (Singulativ) взамен традиционно употреблявшихся терминов "неопределенный артикль" или "показатель неопределенности", применявшихся по отношению к суффиксу *-an*, восходящему к числительному "один" в форме *han*, употребляемой для предметов, соотносимых с классами х и у (с. 39–41): для бурушаски, как и для многих

других языков, включая соседние иранские, термин "зингулатив" тем более справедлив, что элемент (аффиксальный или самостоятельный), называемый традиционно "неопределенным артиклем" или "показателем неопределенности" и восходящий к числительному "один", указывает обычно не только (а часто и – не столько) на "неопределенность", сколько на выделительность и идентификацию одного из множества.

Трудным для описания именной подсистемы бурушаски является способ выражения в нем синтаксических отношений имен. Для этого языка характерно наличие большого количества постпозитивных показателей – падежных окончаний и послелогов (при отсутствии предлогов), выражающих эти отношения. Притом постпозитивные показатели имеют различный в фонетическом отношении вид: содержащие гласные элементы (ударные и безударные) и состоящие только из согласных. Характерны также наращения к существительному двух постпозитивных элементов, с разными их комбинациями. Такая объективная ситуация дает возможность двоякого описания языка: 1) с минимальным количеством падежей и многими послелогоми, 2) с большим количеством падежей и соответственно меньшим числом послелогов. Учитывая возможность комбинаций разных постпозитивных показателей и наращение их один после другого, мы в свое время избрали способ описания этой системы как двухпадежной для большинства существительных и трехпадежной для существительных II класса (в нотации Лоримера и Бергера – класса hf), дополняемой большим количеством (ок. 25) послелогов [Климов, Эдельман 1970: 41–42]. В книге Г. Бергера эта система представлена как склонение с большим числом падежей (с. 58–63, функции падежей – с. 64–77) и рядом послелогов, к которым автор относит только слова с самостоятельными акцентными характеристиками (с. 97–99).

Описание падежей проводится здесь в последовательности от форманта к функции или к значению, например, указано, что формы с показателем *-e* выступают как эргатив, кроме ед. числа имен класса hf, которые, будучи оформлены этим показателем, имеют значения генитива или локатива-инструменталиса; показатель *-ar* указывает на датив и аллатив и т.д. (с. 58 и сл.). Выделяются также четыре застывшие падежные формы. Указывается на возможность сочетания двух падежных показателей. Например, *-ul-* 'в' и *-ar* (см. выше) в примерах типа *háalar* 'в дом' < **ha-ul-ar*,

hdale 'домой' < **ha-ul-e* – оба от имени *ha* 'дом' и т.п. (с. 59). Практически автор в описании падежей ограничивается перечнем показателей – простых и комбинированных, с приблизительным кругом значений, передаваемых немецким переводом в виде предлогов, наречий либо их комбинации (типа *al-e* "bei", *-al-ar-* "zu ... hin"), но без парадигмы склонения (см. с. 63). Представляется, что этот способ труднее для уяснения читателем системы синтаксических отношений имен, хотя само функционирование системы в целом понятно.

Особого внимания заслуживает местоименная система в бурушаски (с. 78–92), включающая, помимо полноударных местоимений, местоименные проклитики лица и класса, играющие большую роль в именной подсистеме (употребляясь как обязательный показатель-детерминатив при именах неотчуждаемой принадлежности) и в глагольной (используясь в качестве префиксального личного и классного показателя). Собственно личные местоимения охватывают только 1-е и 2-е лица, ед. и мн. число. В функции 3-го лица используются указательные, различающиеся, помимо числа (ед. и мн.), еще и соотносительностью с разными именными классами. (Кстати, поэтому повторение их на с. 80 в скобках в качестве местоимений 3-го лица в таблице личных местоимений представляется избыточным).

Система числительных (с. 100–103) интересна тем, что они содержат в огласовках и в исходе слова соотносительность с именными классами: от "одного" до "трех" – с каждым из классов, остальные – с классами людей. Кроме того существует серия числительных, не соотносимых с классами и употребляемых при абстрактном счете (как говорилось выше, Г. Бергер вслед за Д. Лоримером соотносит ее с пятым классом, называемым ими "классом z", что едва ли правильно, учитывая отсутствие соответствующего особого именного класса). Счет вигезимально-децимальный (например, 50 – *altó-áitar tóorimi*, букв. '2–20 [+10]').

Столь же серьезному анализу подвергнута в рассматриваемой работе глагольная система (с. 103–173). Здесь рассматриваются вначале финитные формы – временные и модальные: презенс, футурум, конатив, имперфект, перфект, плюсквамперфект; императив, три разновидности опатива, кондиционалис. В них различаются 3 лица, ед. и мн. числа, а кроме того в 3-м лице ед. и мн. числа оформляется соотносительность с одним из четырех именных классов. В большинстве переходных глаголов выра-

жена также соотносительность с лицом и классом имени объекта действия. В качестве личных и классовых показателей используются окончания и местоименные проклитики, выражающие субъект и прямой или косвенный объект. Например: *tu-délimi* 'он ударил ее' (букв. 'ее-ударил-он'), *hir i-phúsimi* 'он связал человека' (букв. 'человек/мужчина его-связал-он').

Развита также система инфинитных форм и глагольных имен, имеющих большое значение для глагольной системы в целом. Сюда входят разные формы инфинитивов, абсолютивы, причастия. Отдельное внимание уделяется в работе инновационным аналитическим сочетанием и формам, образуемым от причастий, инфинитива, абсолютива с помощью вспомогательных глаголов.

К этому разделу претензий практически нет. Он написан подробно и четко, снабжен наглядными парадигмами, скрупулезным описанием употребления различных форм и аналитических сочетаний, с большим количеством иллюстративного материала, который делает анализ глагольной системы бурушаски особенно надежным.

Замыкает раздел морфологии группа параграфов, посвященных частицам, союзам, междометиям и пр. (с. 174–175).

Далее следует раздел "Синтаксис" (с. 177–202), где последовательно анализируется строение простого предложения (с характеристикой связи его членов – при учете эргативной конструкции, соотношения глагола с именами субъекта и объекта, способов оформления имен, порядка слов в предложении и т.д.) и строение и способы соединения различных типов сложных предложений.

Замыкает исследовательскую часть первого тома раздел "Словообразование" (с. 203–227), в котором подробно изложено именованное суффиксальное образование и способы образования имен-компонитов, а также словообразование глаголов. Справедливо отметив, что аффиксальное словообразование новых глаголов в бурушаски практически уже непродуктивно, автор рассматривает затем, выделив в качестве отдельной группы параграфов (с. 212–218), действительно продуктивное в современном языке образование сложноподлежащих глаголов, то есть сочетаний имен с глаголами, обладающих разной степенью семантической спаянности, в которых в качестве именных компонентов используются различные разряды имен (включая заимствованные), а в качестве глагольных – опре-

деленные глаголы (наиболее часты: *man-/mán-* 'становиться', *ní-*, 'идти' – для непрерывных глаголов, *-t-* 'делать', *dél-* 'бить' – для переходных). Характерно, что в этом плане бурушаски смыкается типологически с теми живыми индоиранскими языками, где подобное словообразование глаголов также стало либо наиболее продуктивным, либо единственным. Представляется, что такое выделение данной группы глаголов и такая их трактовка, как *Verbalkomposita* – вполне правомерны.

Т. II – "Тексты с переводами" содержит краткое предисловие (с. IX–X), за которым следуют шестьдесят семь повествовательных текстов с переводами (по отдельности – на диалекте Хунзы и на диалекте Нагера). Как сообщает в предисловии Г. Бергер, восемь из них были записаны под диктовку, остальные – методом звукозаписи с последующей неоднократной проверкой у носителей языка и с повторными выяснениями трудных мест. Все тексты и переводы разбиты на пронумерованные фразы, при этом текст и перевод к нему набраны на развороте страниц, что облегчает их сопоставление и понимание. Тексты снабжены грамматическими, семантическими комментариями, оформленными как постраничные примечания. В ряде случаев в них приводятся также варианты фраз, слов, разъяснения некоторых реалий, дословный перевод отдельных идиоматических сочетаний и т.д., что очень полезно для тех, кто будет читать эти тексты самостоятельно.

Состав текстов довольно разнообразен: здесь есть фольклорные записи (сказки, легенды и предания, мифы), а также повествования о различных народных верованиях, обычаях и конкретных событиях. Такое жанровое разнообразие позволяет обнаружить различные стилистические моменты в системе языка.

Т. III. "Словарь", составленный в сотрудничестве с Н. Хунзай, содержит бурушаски-немецкий словарь (с. 1–486), список собственных имен и географических названий (с. 487–511), немецко-бурушаски словарь (с. 513–637). Заключают данный том семантический индекс (с. 629–643) и индекс ботанических терминов (с. 643–646).

В бурушаски-немецком словаре все слова даны в алфавитном порядке, с пометами о диалекте. При этом, как подчеркнуто в предисловии, помета одного из диалектов, например, "ng." (то есть, диалект Нагера) не означает, что этого слова нет в Хунзе, и наоборот. Смысл данной пометы в том, что у составителя за нехваткой времени не было

возможности проверить наличие аналогичного слова во втором диалекте. В случае же, если слово действительно принадлежит только одному диалекту Нагера, оно помещается "только ng".

В словарь, естественно, не включены слова, приведенные в публикациях, принадлежавших ранним авторам, не учитывавшим еще систему местоименных проклитик в бурушаски, и записывавших слово с проклитикой как словарную форму, о чем сказано в предисловии к словарю (с. 3). Следует констатировать, что помимо ранних авторов, перечисленных Г. Бергером, и приведенного им примера такой записи (например, *goyak, gúyék* 'имя', вм. *gu-yék* 'твое-имя'), аналогичные "словарные формы" встречаются, к сожалению, и в записях нашего времени, ср., например, *ii* 'сын' и *ei* 'дочь' [Backstrom 1992: 252], вм. *i-i* 'его-сын', *é-i* 'его-дочь'.

Словарные статьи, кроме сведений о диалектах, обычно содержат указания на определенные морфологические и семантические свойства слова. В статьях об именах существительных приводятся показатели множественности, во многих случаях указывается тип лично-классного проклитического показателя принадлежности, иногда дается условный символ семантического класса. Статьи о глаголах содержат сведения о спряжении. В словарных статьях приводятся также производные имена, наречия и глаголы.

Многие словарные статьи содержат, кроме того, указание на наличие сходного слова в диалекте вершиквар и в соседних языках. Даже при явно заимствованном слове автор избегает уточнять источник и направление заимствования, хотя чаще всего они бывают очевидны из материала (многие такие заимствования были освещены в литературе, в частности, в трудах самого Г. Бергера, см., например [Berger 1959; 1966]).

Отдельный интерес представляет строение определенных "участков" лексической системы бурушаски, каким оно выявляется при анализе ряда приводимых в словаре лексем. Например, словарь Г. Бергера подтверждает показанное Д. Лоримером единство обозначения словом *-co* понятий 'брат (для мужчины)' и 'сестра (для женщины)', а также 'муж сестры (для мужчины)', при том, что обратное соотношение отсутствует, ср. *-ulus* 'брат (для женщины)' и 'деверь, брат мужа', *-yás* 'сестра (для мужчины)' и 'свояченица, сестра жены'.

Естественно, такой большой труд не

может обойтись без отдельных спорных моментов и недочетов. Часть из них была затронута выше. Можно высказать также некоторые пожелания чисто редакционного характера. Однако такие моменты единичны. В целом труд четко структурирован и великолепно оформлен.

Язык бурушаски привлекает внимание языковедов не только сам по себе, но и в плане возможностей изучения его истории и его исторического взаимодействия с другими языками, см., например, оценку возможностей разных методов: сравнительно-исторического, историко-типологического и ареального в реконструкции прабурушаскского состояния [Климов, Эдельман 1995]; реконструкцию некоторых подсистем [Климов, Эдельман 1974; Tikkanen 1999], анализ субстратного воздействия "прабурушаски" на окружающие языки в словообразовании [Стеблин-Каменский 1979] и в виде целостной системы [Эдельман 1980], см. также попытку установить этимологии целого ряда слов при сопоставлении их со сходными словами в языках Средиземноморья и тем самым выявить возможность родства бурушаски с этими языками [Čašule 1998] и многие другие. Насколько успешны эти поиски – покажет время.

Публикация Г. Бергера ценна для лингвистов разных направлений (дескриптивистов, историков, типологов, специалистов по ареальной лингвистике) еще и тем, что помимо капитального исследования, она надежно фиксирует материал этого уникального языка, сохраняя его для будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зарубин И.И.* 1927 – Вершикское наречие канджутского языка // Записки Коллегии востоковедов. 1927. Т. II. Вып. 2.
- Климов Г.А., Эдельман Д.И.* 1970 – Язык бурушаски. М., 1970.
- Климов Г.А., Эдельман Д.И.* 1974 – К названиям парных частей тела в языке бурушаски // Этимология 1972. М., 1974.
- Климов Г.А., Эдельман Д.И.* 1995 – К перспективам реконструкции истории изолированного языка (на материале языка бурушаски) // ВЯ. 1995. № 5.
- Стеблин-Каменский И.М.* 1979 – "Колени" и "локти" памирского субстрата // Педнеазиатский сборник. III: История и филология стран Древнего Востока. М., 1979.
- Топоров В.Н.* 1969 – К вопросу о типологической близости енисейских языков и бурушаски // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969.
- Эдельман Д.И.* 1976 – ВЯ. 1976. № 6. – Рец.: Н. Berger. Das Yasin-Buruschaski (Werchikwar). Wiesbaden, 1974.
- Эдельман Д.И.* 1980 – К субстратному наследию Центральноазиатского языкового союза // ВЯ. 1980. № 5.
- Backstrom P.C.* 1992 – Burushaski // Sociolinguistic survey of Northern Pakistan. V. 2: Languages of Northern areas. Islamabad, 1992.
- Benveniste E.* 1948–1949 – Remarques sur la classification nominale en burušaski // BSLP. 1948–1949. T. XLIV. Fasc. 1.
- Berger H.* 1959 – Burušaski Lehnwörter in der Zigeunersprache // Indo-Iranian journal. 1959. V. III. № 1.
- Berger H.* 1966 – Remarks on Shina loans in Burushaski // Shahidullah presented volume. Lahore, 1966.
- Berger H.* 1974 – Das Yasin-Burushaski (Werchikwar). Grammatik, Texte, Wörterbuch. Wiesbaden, 1974.
- Borgstrøm C.H.* 1945 – The categories of person, number and class in the verbal system of Burushaski // NTS. 1945. Bd. XIII.
- Čašule I.* 1998 – Basic Burushaski etymologies: The Indo-European and Paleo-Balkan affinities of Burushaski. München, 1998.
- Lorimer D.L.R.* 1935a – The Burushaski language, I – Introduction and grammar. Oslo, 1935.
- Lorimer D.L.R.* 1935b – The Burushaski language, II – Texts and translations. Oslo, 1935.
- Lorimer D.L.R.* 1938 – The Burushaski language, III – Vocabularies and index. Oslo, 1938.
- Lorimer D.L.R.* Werchikwar–English vocabulary. Oslo, 1962.
- Morgenstierne G.* 1945 – Notes on Burushaski phonology // NTS. 1945. Bd. XIII.
- Tikkanen B.* 1999 – Concerning of typology of Burushaski and the roots of its prefixes *d-* and *n-* // Studia Orientalia. 1999. № 85.
- Vogt H.* 1945 – The plural of nouns and adjectives in Burushaski // NTS. 1945. Bd. XIII.

Д.И. Эдельман

Рецензируемая книга открывается статьей профессора Венского университета, Президента (1995–2000) Международной ассоциации германистов П. Визингера на тему: "Немецкая диалектология между традицией и тенденциями", давшей название всему этому тому. Он напомнил, что опубликованную в 1982/1983 гг. в международном издательстве Walter de Gruyter в Берлине фундаментальную энциклопедию немецкой и общей диалектологии [Besch, Knorr, Putschke, Wiegand 1982–1983] можно было бы с достаточным основанием рассматривать и как своеобразное резюме столетней истории исследования диалектов, и как осторожное (behutsam) указание на те тенденции, которые обозначились в статусе и состоянии диалектов в последние годы. Говоря о новых подходах, автор считает, что современной диалектологии, закономерно сосредоточившей свое внимание на положении диалекта в структуре обиходно-разговорной речи, ныне необходимо соотносить это видение с диахроническим аспектом диалектологии. Обобщая сказанное, П. Визингер выдвигает три положения, которые должны определить ближайшие задачи в этой области: 1) как складываются в наше время отношения разговорного языка в странах немецкой речи и что в этом смысле представляет собою диалект? 2) какие задачи в связи с этим выдвигаются перед синхронной диалектологией? 3) какими возможностями располагает и в чем состоят задачи диахронической, исторической диалектологии?

Определив основные задачи немецкой диалектологии, П. Визингер говорит далее о том, что роль и место диалекта в структуре разговорной речи в различных регионах и странах распространения немецкого языка исторически складывались по-разному. При этом он уделяет внимание взаимоотношениям диалекта и различных форм обиходно-разговорного языка (Umgangssprache), характер которых за период послевоенных десятилетий существенно изменился (с. 16–21).

Исторически сложилось так, что помимо основных территорий своего распространения (страны немецкой речи: Германия, Австрия, Швейцария), которые в германистике называют "ядром" (Kerngebiet), немецкие диалекты располагаются на окраинах (Randbezirke) ряда сопредельных стран (Эльзас и Лотарингия во Франции, провинция Альто-Адидже, "Южный Тироль" –

в Италии, некоторые регионы Бельгии), находясь в контактном положении к основному ареалу немецкого языка, а также существуют в виде дистантных "точечных" (punktuell) или компактных территорий внутри (inmitten) иноязычных (инонациональных) государств (Россия, Румыния, США, ряд стран Латинской Америки и др.), называемых анклавами или "поселенческими колониями" (Siedlungskolonien) [Löffler 1985: 69]. Исходя из этого, в состав книги были включены статьи, в которых рассматривается проблематика, характерная для всех упомянутых типов существования современных немецких диалектов.

Так, особенностью Германии в этом смысле является тот факт, что здесь распространены все три группы немецких диалектов: нижненемецкие, средненемецкие и южнонемецкие диалекты, тогда как, например, в немецкоязычной части Швейцарии диалектный уровень представлен только одним алеманнским диалектом, который встречается также в одном из регионов Австрии (Форарльберг), в Эльзасе (Франция) и в Германии (в районе Бадена и Вюртемберга). Другой и наиболее характерной особенностью диалектов в Германии является то обстоятельство, что в различных регионах в направлении с Севера на Юг их функциональный статус и степень участия в структуре речи заметно различаются. Обобщенно можно сказать, что чем южнее, тем "диалектнее" становится немецкая разговорная речь. Если в северных регионах Германии (по данным на 1980 г.) 54% опрошенных сообщили, что пользуются местным диалектом в условиях семьи, а 36% говорят на диалекте и на работе, то в Баварии число таких лиц составило 77%, из них 43% пользуются диалектом и на работе [König 1996: 143]. Из сказанного вовсе не следует, что подобные данные как-либо отразились на тематике представленных в сборнике статей, но и в других случаях именно статус и положение диалекта в структуре немецкой речи, вопросы взаимовлияния одних форм существования языка на другие сыграли свою роль при выборе темы публикации. Показательна в этом отношении статья германистки из Гайдельберга Э. Циглер, в которой она предпринимает попытку исследовать мотивы языкового поведения членов одной семьи в условиях "внутрисемейного контекста" (с. 65). Изучив внутреннюю установку

членов этой семьи к вопросу о языковом репертуаре своих "подопытных", Э. Циглер назвала свою статью таким образом, что она представляет форму их общего ответа: "Wir reden so und sind so und das bleibt auch so!" ("Мы так говорим, такие мы и есть, и так это будет и дальше!"). В результате длительного наблюдения и тщательного анализа собранного материала автор пришла к выводу, что при всех различиях в степени владения родным диалектом представителей трех различных возрастных поколений, языковое общение происходит здесь беспрепятственно, поскольку представители старшего поколения – основные носители диалекта, понимают литературную речь и при необходимости свободно пользуются наддиалектными формами языка, тогда как родители и дети, понимая диалект и пользуясь им при необходимости, в других жизненных ситуациях (на работе, в официальной среде и в общении с посторонними) используют соответствующие регистры языка: литературный язык, обиходно-разговорный язык. Все это, как утверждает автор, приводит ее к "противоречивым выводам" относительно тезисов об "отступлении диалекта" (Dialektabbau) или "перестройке диалекта" (Dialektwandel) (с. 75).

Кстати, подобный вывод можно сделать относительно языковой ситуации в Германии, говоря и о других ее регионах. Так, в Баварии, где был отмечен самый высокий процент знания местного диалекта и использования его в семье (77%), на рабочем месте диалект постоянно используют лишь 10% (и это – наиболее высокий показатель!), тогда как в Северных землях ФРГ такие лица составляют лишь 4% (54% пользуются диалектом в семье). Одним словом, можно говорить не о постепенном и неизбежном отступлении диалекта, вплоть до его исчезновения, как это полагал Й. Шильдт, утверждая, что судьба диалекта на будущее предерешена [Schildt 1976: 199], а о заметном перераспределении функционального статуса различных форм существования языка в иных исторических условиях и развитии устойчивой ситуации диглоссии. Кстати, этот вывод подтверждается и в статье Й. Херргена, в которой он (с. 48–64) анализирует современное положение диалекта в среднерейнской области Германии (Westmitteldeutsch). В результате исследования группой сотрудников среднерейнского языкового атласа статуса местного диалекта автор пришел к выводу о том, что, по крайней мере, у двух поколений работников ручного труда из числа местного населения не наблюдается никаких изменений в ис-

пользовании диалекта. При этом он отмечает (с. 60) что, несмотря на заметное сближение диалектной речи молодежи с литературным языком (Standarddeutsch), эту речь следует по-прежнему считать диалектом. Одновременно автор подчеркивает, что наблюдаемое движение в сторону от диалекта совсем не обязательно направлено на литературный язык, а скорее свидетельствует о тенденции к ареальному сближению местных диалектов между собой, что можно назвать "диалектной регионализацией" (с. 61).

Иное о диалектной проблематике мы узнаем от германо-швейцарских диалектологов. Дело в том, что все немецкие диалекты Швейцарии относятся к алеманнским диалектам, составляя ядро всей этой группы и, таким образом, взаимопонятны на всей германоязычной территории страны. Другая и важнейшая их особенность состоит в том, что местные диалекты, совокупно называемые по алеманнски "Schwyzerdüütsch", не имеют социальной маркированности, т.е. свободно и постоянно используются германошвейцарцами во всех ситуациях устного языкового общения, тогда как литературный язык в его швейцарской окрашенности представляет собой письменную ипостась немецкого языка и используется в официальном общении, при преподавании в университете, издании книг и газет. По этой причине интересна статья Х. Кристен, швейцарской германистки, работающей во франкоязычной Женеве, т.е. в отрыве от повседневной алеманнской диалектной стилистики, посвященная взаимодействию и взаимовлиянию отдельных диалектов друг на друга, а также некоторым вопросам престижности тех или иных диалектов в полидиалектном контакте (с. 43). Эту же тему по-своему продолжает статья ее соотечественницы Б. Зибенхаар из Цюриха, в которой автор обращает свое внимание на небольшой ареал диалекта (район Арау), расположенный между двумя крупнейшими диалектами – Цюрихским и Бернским, благодаря чему в зоне их схождения (район Арау) образуется поле диалектной лабильности (с. 99), вызывающее определенные изменения в исконной форме данного диалекта.

Отвлекаясь от статьи Б. Зибенхаар, заметим, что уже на протяжении десятилетий между в сущности гомогенными диалектами немецкоязычной Швейцарии происходит подобие неспровоцированной борьбы за влияние крупнейших диалектов на территории, исторически ими не охватываемыми. Речь идет о диалекте Цюриха – крупней-

шего центра Швейцарии и диалекта столицы страны Берна. Говоря о положении цюрихского диалекта в стране, в 70-е – 80-е гг. ряд лингвистов высказывал мнение, что постепенно этот диалект приобретает черты интердиалекта, становясь своеобразной формой обиходно-разговорного языка германоязычных, о чем свидетельствует тот факт, что формы цюрихского диалекта функционируют, помимо кантона Цюриха, во всей северо-восточной части страны, а на западе граница его влияния доходит до районов Ольтена и Золотурна [Ris 1973: 54]. И хотя вопрос о создании в алеманнской Швейцарии таких диалектов выравнивания (*Ausgleichsmundarten*) не нашел еще общей поддержки специалистов [Домашнев, Помазан 1983: 31], рецензируемая статья Б. Зибенхаар лишь подтверждает значение назревшей лингвистической проблемы для швейцарской германистики.

К этому ряду публикаций следует отнести и статью П. Гиллеса, в которой он возвращает наше внимание (с. 200–212) к известной проблеме языковой ситуации в Люксембурге, где, как хорошо известно, помимо родного диалекта – лётцебургского языка (диалекта), фактически восходящего к мозельско-франкскому ареалу (район Трира–Кобленца), исторически традиционно в качестве официальных языков используются либо немецкий, либо французский языки, тогда как национальным языком страны в 1984 г. был провозглашен лётцебургский диалект (язык). Поскольку речь идет о диалекте, покрывающем небольшую суверенную территорию с населением не более числа жителей московского или петербургского микрорайона, то проблемы диалектного выравнивания, о которых говорит в своей статье автор, не составляют крупной лингвистической проблемы, тем более если учесть, что декретирование диалекта в качестве национального языка не способно решить главной задачи – изменения функционального статуса местного диалекта, что могло бы привести к процессам языковой консолидации и языковому выравниванию, о чем пытается говорить и автор данной статьи (с. 208–209). В этом смысле статья П. Гиллеса не содержит новой информации в сравнении с тем, что на эту тему было написано в нашей книге "Языки и диалекты Люксембурга", опубликованной в 1993 г. в Санкт-Петербурге.

Среди авторов статей, разрабатывающих вопросы диалектологии на материале немецких диалектов, существующих в сопредельных иноязычных государствах, обра-

щает на себя внимание статья германистов из Страсбурга (Эльзас, Франция) А. Ботрель-Витц и Д. Хук в самом начале признавших, что в этом традиционно немецкоязычном регионе во всех "вербальных интеракциях" эльзасцев доминирует французский язык в такой мере, что немецкий диалект оказался отодвинутым на неприметные (*spärliche*) позиции (*Domänen*), чему в значительной мере способствует соответствующая официальная языковая политика страны. Авторы обращают внимание на то, что городской молодежь из числа этнически немецкоязычных эльзасцев диалектом практически не владеет и говорит на французском языке. Лишь в сельской местности, полагают авторы, этот отход молодежи от владения родным диалектом происходит более медленными темпами, при этом сам диалект подвергается неуклонному структурному свертыванию (*Verkümmerung*) и лексическому "размыванию" (*Verwässerung*) (с. 141). Несмотря на благоприятные условия контактного положения Эльзаса с Германией, открытость границ и свободу общения, никакие эти внешние условия не способны изменить ситуацию с немецким языком (диалектом) к лучшему. Авторы определенно заявляют, что, вопреки различным заявлениям социологов и лингвистов, все подавляющее господство французского языка и подавленное (*unterdimensionierte*) положение (*Präsenz*) немецкого языка представляют реальную картину языковой жизни в современном Эльзасе (с. 154).

В соответствии с замыслом редакторов книги на ее страницах нашли место материалы, связанные с изучением современного положения немецких диалектов, существующих с давних пор в виде анклавов или поселенческих колоний внутри (*inmitten*) других государств, т.е. в инонациональной среде и иноязычном окружении, в связи с чем В.М. Жирмунский, как уже много раз напоминалось, называл такие анклавы языковыми островами. Румынская германистка А. Тома в своей статье рассказала о положении немецкого языка в одной из двух провинций страны, где издавна проживали немецкие поселенцы. Речь идет об области Банат, которая с давних пор в разные времена находилась то под властью венгерской короны, то была завоевана Османской империей, то входила в империю Габсбургов, пока не была поделена в 1920 г. между несколькими странами и выделенной частью входит и поныне в состав Румынии. Диалект, на котором говорят местные немцы, обобщенно называется швабским, хотя на самом деле он "почти не имеет ничего

общего со швабским диалектом", характерным для Германии (с. 334). Их нынешний диалект имеет смешанный характер. В своей статье автор подробно характеризует происхождение отдельных диалектов, функционирующих в этом регионе (рейнско-франкские, мозельско-франкские, алеманнские), а также показывает отношения между местными языками региона (румынским, венгерским) и местными немецкими диалектами. Заканчивая свой анализ, А. Тома весьма пессимистически заключает, что языковые процессы происходят весьма противоречиво: с одной стороны предпринимаются усилия для сохранения диалектов, с другой стороны языковые влияния окружающей, социальные условия (работа в "иноязычном" коллективе и др.) не способствуют укреплению родного немецкого диалекта (с. 344).

Примерно к этим же выводам приходит другой автор из Румынии – Ч. Сабо, рассматривающая некоторые аспекты применения немецкого языка в Сатмарской области (северо-западная часть Румынии, вдоль границы с Венгрией), где, как подчеркивает автор, проживают немцы, которых здесь, как и в некоторых других регионах и странах, например в Венгрии, обычно называют не немцами, а швабами (с. 347–361).

К этим же материалам примыкает статья Й. Майера, в которой он рассматривает об истории возникновения и существования немецких диалектов в районе Ципс/Спиш на территории нынешней Словакии. Отмечая, что немецкие диалекты вступали в тесные контакты с различными языками, господствовавшими в этих краях на протяжении многих столетий (словацким, венгерским, польским), автор подчеркивает, что в свое время ни один из соседствующих языков не оказал такого влияния на словацкий, как местные немецкие диалекты, при этом такое влияние коснулось всех сфер его лексики, включая, помимо бытовой, торговой и производственной, также деловую и административную терминологию (с. 371), тогда как в настоящее время сохранившиеся в этих местах немецкие диалекты заимствуют лексику словацкого языка и этот процесс "словакизации" немецких диалектов, в зависимости от возрастных групп немецкоязычного населения, составляет ныне 20–30% (с. 373).

Среди других материалов книги обращает на себя внимание заявление известного баварского диалектолога К. Райна, который призывает всех диалектологов немецкого языка, работающих в разных стра-

нах, усилить внимание к изучению еще сохранившихся там немецких диалектов, следуя в этом отношении примеру германистов из Румынии, где в рамках Академии наук и университета г. Тимишоара собрана значительная картотека немецкого диалектного материала. Задача состоит в том, что для дальнейшей обработки материала и подготовке его к изданию необходимо решить некоторые договорные и юридические отношения (К. Райн отмечает в статье ряд проблем подобного плана), а также оказать помощь, в том числе и ставками для специалистов, чтобы такую работу можно было форсировать. Побывав в ряде стран распространения немецких диалектов, в том числе и в России, К. Райн, зная о существовании проблем местных диалектологов, назвал свою статью в форме призыва ко всем заинтересованным лицам и инстанциям: "Назревшие задачи международной германистической диалектологии" (с. 285–287).

В целом рецензируемая книга представляет собой в определенной степени обобщение всего того, что можно отнести к истории, современному положению немецких диалектов в различных типах регионов их распространения, а также указывает на задачи, которые необходимо решить и диалектологам перед лицом так быстро изменяющегося мира, бытия проживающих в нем народов, в том числе и этнических немцев, чья судьба в истекшем тысячелетии занесла в самые разные края и страны – от Сибири до знойной Пампы Аргентины. Однако еще раз подчеркнем, что речь здесь шла не столько о судьбе "островных" немецких диалектов, сколько о статусе диалектов в структуре современной немецкой речи в целом, а также о необходимости улучшения методики их изучения, коль скоро становится понятным, что и в следующем столетии и тысячелетии они сохранятся как одна из форм бытования немецкого языка.

Благодаря усилиям неутомимого главного редактора труда профессора Дитера Штельмахера и штутгартского издательства "Franz Steiner Verlag" диалектологи немецкого языка получили в свое распоряжение книгу, которая окажется полезной как в их практической, так и исследовательской работе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Домашнев А.И., Помазан Н.Г. 1983 – Актуальные проблемы швейцарской диалектологии // ВЯ. 1983. 3.
Besch W., Knopp U., Putschke W., Wiegand H.E. (Hrsg). 1982–1983 – Dialektologie. Ein

- Handbuch zur deutschen und allgemeinen
Dialektforschung. 1–2. Berlin; New York.
1982–1983.
- König W.* 1996 – dtv-Atlas zur deutschen Sprache
München, 1996.
- Löffler H.* 1985 – Germanistische Soziolinguistik.
Berlin, 1985.
- Ris R.* 1973 – Dialekte und Sprachbarrieren aus
Schweizer Sicht // Dialekt als Sprachbarriere?
- Ergebnisbericht einer Tagung zur
alemannischen Dialektforschung. Tübingen,
1973.
- Schildt J.* 1976 – Abriß der Geschichte der
deutschen Sprache. Zum Verhältnis von
Gesellschafts- und Sprachgeschichte. Berlin,
1976.

А.И. Домашнев

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ АБАЕВ (1900–2001)

18 марта 2001 г. на 101 году жизни скончался Василий Иванович Абаев. Наука понесла невосполнимую утрату: от нас ушел крупнейший филолог – лингвист, фольклорист и литературовед, патриарх российской иранистики, ученый всесторонней образованности и огромной эрудиции, человек редкого душевного благородства и обаяния. Ученый символизирует собой личность, воспринявшую лучшие традиции российской и мировой филологии прошлого и достойно пронесшую и развившую их в XX веке.

В.И. Абаев родился в 1900 г. в семье горца-осетина. Учился в сельской школе, затем в гимназии; два года работал учителем в начальной школе. По окончании ЛГУ в 1925 г. даровитого выпускника по рекомендации акад. Н.Я. Марра зачислили в аспирантуру. Затем он работал в Кавказском историко-археологическом институте в Тифлисе. С 1930 г. В.И. Абаев – сотрудник Яфетического института, позднее – Института языка и мышления АН СССР, в котором он с 1935 года возглавлял Кабинет иранских языков. В 1941–1945 гг. работал в СО и ЮО НИИ Осетии. С 1950 по 1970 гг. работал в Москве в Секторе иранских языков Института языкознания АН СССР, а с 1970 г., по выходе на пенсию, в течение многих лет был научным консультантом. За годы работы в Ленинграде и Москве была создана большая часть трудов ученого по языкознанию, фольклористике и литературоведению, в их числе – два его вершинных научных достижения: сборник работ капитального характера "Осетинский язык и фольклор" и 5-томный "Историко-этимологический словарь осетинского языка".

Ученых принято делить на два типа: одни распутывают сложное, другие в меру сил своих запутывают простое. Если исходить из этого критерия, то можно смело утверждать, что за свою долгую, полную поистине подвижнического труда жизнь В.И. Абаев внес весомый вклад в распутывание целого клубка сложнейших, фундаментального порядка проблем наук гуманитарного круга. Список научных трудов ученого включает свыше трехсот наименований, в том числе, тридцать монографий. В широкий диапазон его научных интересов входили: языкознание (не только иранистика, но и теория языка, происхождение языка на ранних стадиях, теория этимологических и историко-лингвистических исследований, индоиранское и индоевропейское языкознание, кавказское языкознание и т.д.), вопросы

фольклористики, литературоведения, мифологии, религии, истории культуры и быта иранских народов.

Особое место в научном творчестве В.И. Абаева занимают осетиноведение и нартоведение. Они послужили для него творческой лабораторией, в которой рождались и апробировались новые идеи, формулировались выводы концептуального характера как в области иранской, так и общей лингвистики, а также в смежных областях науки. Они явились той "стартовой площадкой", с которой ученый уверенно выходил на широкие просторы филологической проблематики и пересекающиеся с ней пространства таких наук, как история народа и его культура, мифология, эпические сказания, религиозные и философские воззрения, психология, бытовые реалии и т.п. Продолжая традиции "корифеев осетиноведения" русских академиков А. Шегрена и Вс. Миллера, В.И. Абаев пошел значительно дальше, во многом дополнил, обогатил и развил их выводы. Уже в первой научной работе "Об удареии в осетинском языке" молодому автору удалось решить то, что не поддавалось Шегрену и Миллеру – установить закономерности осетинской акцентологии. В других работах, посвященных изучению родного языка в современном его состоянии, он подвергает глубокому анализу фундаментальные проблемы осетинской грамматики и лексикологии. В 1952 г. он опубликовал "Грамматический очерк осетинского языка", – по существу первую научную грамматику, а несколько ранее – новаторский во многих отношениях "Русско-осетинский словарь".

Центральное место в исследовательской деятельности В.И. Абаева занимают исследования исторического плана. Научное кредо Абаева-историка, неуклонно следующего принципу историзма в своих исследованиях сформулировано в монографии "Происхождение и культурное прошлое осетин по данным языка". Здесь изложена программа-концепция исследования исторического прошлого данного языка, его истории и культуры в тесной связи с историей их носителей, включая проблему этногенеза и различных по своему характеру контактов данного языка с другими языками и народами. Реализации этой монументальной исследовательской программы посвящена большая часть жизни ученого. В.И. Абаев внес огромный вклад в исследование вопроса о древних предках осетинского языка – скифском (более отдаленном) и аланском (более близком). Проанализировав тесные взаимоотношения осетинского с кавказскими языками, ученый выдвинул и обосновал кардинальный тезис о наличии кавказского субстрата в осетинском, мимо которого прошел Вс. Миллер. В работе "Скифо-европейские изоглоссы" В.И. Абаев выявил в осетинском черты, которые сближают его с языками "европейского ареала" – славянским, балтийским, германским и др. В более поздних работах ученый выявляет связи скифо-сарматского мира не только с европейскими народами, но и с уральскими языковым и культурным миром (пермские, угорские, западно-финские и другие языки).

Главный труд В.И. Абаева – "Историко-этимологический словарь осетинского языка" – самое незаурядное явление в филологической науке нашего времени, в определенном смысле – это энциклопедия истории осетинского народа, его языка и культуры.

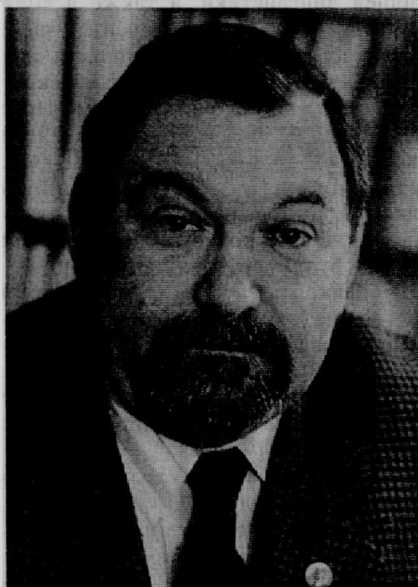
Гигантская по масштабам деятельность В.И. Абаева в иранистике, теоретическом языкознании, фольклористике и т.д. сравнима по своему размаху и результатам с деятельностью иного научного учреждения с большим штатом сотрудников. У Абаева-исследователя мы находим сочетание необычайно глубокого проникновения в самую суть предмета своего анализа, надежности языковых фактов и широкого теоретического обобщения на этой основе.

Велика была сила нравственного воздействия В.И. Абаева на коллег по работе. Само присутствие Абаева в науке создавало творческую атмосферу научного поиска, требовательного отношения к профессиональному долгу, бескомпромиссного служения Истине. В жизни ему было нелегко: его "прорабатывали" за недостаток рвения и марристы, и сторонники "сталинского учения о языке". Он выстоял, остался верен своим убеждениям и праву говорить всегда правду.

В.И. Абаев был знаковой фигурой филологической науки в XX веке. Таковым он останется в XXI и следующих веках.

Светлый образ В.И. Абаева – великого ученого, "Рыцаря науки", "Мастера великой науки Этимологии", – навсегда сохранится в благодарной памяти тех, кто его знал, кому посчастливилось учиться у него, работать и общаться с ним.

В.А. Ефимов

АЛЕКСАНДР МАРКОВИЧ ШАХНАРОВИЧ (1944–2001)

Не стало Александра Марковича Шахнарovichа, талантливого лингвиста, выдающегося организатора науки, доброго и открытого человека. Перестало биться сердце ученого, внесшего большой вклад в развитие теории языкознания, экспериментальной лингвистики и психолингвистики.

А.М. Шахнарovich родился 3 ноября 1944 года в Москве. В 1969 году окончил Московский государственный педагогический институт, и с этого момента в течение более 30-ти лет вся его научная деятельность была связана с Институтом языкознания РАН. Исследуя процессы взаимодействия мышления и речи дошкольника, проблемы двуязычия и методики обучения языкам, он защитил в 1974 году кандидатскую, а в 1985 – докторскую диссертации. Многогранность научного поиска, организаторские способности, человеческая отзывчивость позволили Александру Марковичу в течение долгого времени быть ученым секретарем Института, а с 1993 года – заместителем директора по научной работе.

А.М. Шахнарovich – личность, широко известная не только российскому, но и мировому научному сообществу. Являясь доктором филологических наук, профессором, академиком РАН, он опубликовал более 260 работ, в том числе 9 монографий. Его труды изданы за рубежом: в США, Италии, Японии, Германии, Израиле, Словакии, Венгрии, Болгарии. Под его руководством более сорока исследователей успешно защитило кандидатские диссертации. Будучи благодарным учеником и блестящим последователем А.А. Леонтьева и А.Р. Лурии, А.М. Шахнарovich внес особый вклад в рождение и развитие психолингвистики как самостоятельной научной дисциплины.

Интересы ученого не ограничивались только исследовательской деятельностью. Он щедро делился своими знаниями с аспирантами и студентами. Материалы его лекций и семинарских занятий сочетали результаты собственного научного поиска с достижениями разных направлений лингвистики в России и за рубежом и были образцом научного стиля. Как член редколлегии журнала "Вопросы филологии" А.М. Шахнарovich много сделал для пропаганды передовых лингвистических идей, связанных с выявлением тенденций развития и формирования речи и языковой способности.

В качестве одного из руководителей Института языкознания А.М. Шахнарович бережно сохранял богатые традиции этого научного учреждения Российской академии наук, помогал стабилизации коллектива в непростых экономических условиях, росту молодых кадров. Коллеги ученого, искренне ценившие его удивительные человеческие качества, помнят, как много добрых дел сделано им. Он был чуток ко всем, кто обращался к нему за советом и помощью.

Все, кому посчастливилось работать и общаться с А.М. Шахнаровичем, отмечают его оптимизм, мудрость и доброжелательность. Боль утраты усугубляется тем, что ушел, и ушел так рано, талантливый и светлый человек.

*Отдел экспериментальных исследований речи
Института языкознания РАН*

CONTENTS

A p r e s i a n Ju.D. (Moscow). Meaning and usage; P a d u č e v a E.V. (Moscow). On the structure of semantic field of "perception" (founded on the study of non-verbal acts); U r y s o n E.V. (Moscow). The conjunction *if* and semantic primitives; K r e i d l i n G.T., Č u v i l i n a E.A. (Moscow). The smile as gesture and word (the problem of interlinguistic typology); L e v i c k i j V.V. (Černovtsi). Semantic syncretism in Indo-European and Germanic; Z e l i k o v M.V. (St.-Petersburg). Patterns of combinations with verbs of action in languages of Western Romania; V o l o d i n A.P. (St.-Petersburg). Thoughts on the Paleo-Asian problem; **Reviews:** O s i p o v B.I. (Omsk). Orthographic dictionary of the Russian language; E d e l' m a n Dž. I. (Moscow). *H. Berger. Die Burushaski-Sprache von Hunza und Nager*; D o m a š n e v A.I. *Dialektologie zwischen Tradition und Neuansätzen*; **Necrologies:** V.I. A b a e v (1900–2001); A.M. Š a x n a r o v i č (1944–2001).

Технический редактор *О.Н. Никитина*

Сдано в набор 29.04.2001 Подписано к печати 05.06.2001 Формат бумаги 70 × 100 ¹/₁₆
Офсетная печать. Усл.-печ.л. 13,0 Усл.-кр.-отт. 19,1 тыс. Уч.-изд.л. 15,2 Бум.л. 5,0
Тираж 1444 экз. Зак. 2260

Свидетельство о регистрации № 0110167 от 4 февраля 1993 г.
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Отделение литературы и языка РАН

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка,
телефон 201-25-16
Отпечатано в ППП Типография "Наука", 121099 Москва, Шубинский пер., 6
Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции ОК-005-93,
том 2; 952000 – журналы